

Троицкие листки

(духовно-нравственное чтение для народа,
публикуемое в конце 19 века)

№ 201-250

Содержание

201. Евангелист Ветхого Завета.....	2
202. Псалом упования. Изложение псалма 90.....	5
203. Почему Господь не уничтожил смерть на земле?	7
204. Что сокращает нашу жизнь?	10
205. Рассказ святителя Тихона Задонского о самом себе	13
206. Тоска пленников по родине. Изложение псалма 136	15
207. Перед исповедью	18
Молитва преподобного Симеона Нового Богослова.....	20
208. Не бойся "черного дня"!	21
209. Без исповеди — неполно покаяние	23
210. Величие Таинства Святого Причащения.....	26
211. Покаяние Ниневитян.....	29
212. Православная Церковь — невеста Христова	31
213. Страсти Христовы.....	34
214. Псалом крестных скорбей Христовых. Изложение псалма 21.....	37
215. Сошествие Христа Спасителя во ад.....	39
Проповедь Христа Спасителя во аде	40
216. Пасхальное слово святителя Иоанна Златоуста.....	42
Как проводить Пасхальные дни?.....	43
217. Наше грехолюбие	45
218. Осмотрись!.....	47
219. Смиренные терпеливцы.....	50
220. Святая Церковь — помощница земледельцу	53
221. Радость от Христова Вознесения.....	56
222. Богослужение в день Пятидесятницы.....	58
223. Братие, пожалеем согрешающих!.....	60
224. Благодатное утешение скорбящему	63
225. Священная песнь Богоматери	66
226. Рождество Предтечи Господня Иоанна.....	68
Родина Предтечи Иоанна	70

227. Похвала Златоуста святому апостолу Павлу.....	70
228. Не заирай (не осуждай) чужой добродетели	73
229. Без страха Божия от греха не удержишься.....	76
230. Дорожите, дети, благословением родительским!	78
231. Чему учит нас Христово Преображение?.....	81
232. Радость восходящей на небо Богоматери	83
233. Как учит Священное Писание о священном предании?	86
234. Как в церкви Богу молиться?	89
235. Прежде долг уплаты	91
236. Помоги, Господи!	94
Боже, в помощь мою вонми!.....	95
Два коварных советника.....	97
237. Пора одуматься!	97
Что так поздно?	100
238. Житейские занятия христианина.....	100
239. Дни седмицы.....	103
240. Наши оправдания	105
241. «Я буду судить вас ... каждого по путям его» (Иез. 33; 20).....	108
242. Слава долготерпению Твоему, Господи!.....	111
Воздыхание твари	112
243. Беседа отца Иоанна Предтечи с Архангелом.....	113
244. Есть ли в мире люди здоровые?.....	116
245. Душа — наше сокровище.....	119
246. Как учить детей страху Божию?.....	121
247. Притча о дворе и о змие	124
248. Завистник — человеконенавистник	126
249. Преславное таинство Христова воплощения.	129
Не унывай даже и ты, брат согрешающий!.....	130
250. С новым годом!	131

201. Евангелист Ветхого Завета

За семьсот лет до Рождества Христова в Иерусалиме жил святой пророк Исаия. Происходил он из царского рода, но не искал ни богатства, ни почестей земных, и ради Бога смиренно подвизался в нищете. В ранней молодости он призван был Богом к пророческому служению, и продолжал это служение при пяти царях Иудейских более семидесяти лет. Вот как сам он рассказывает о своем призвании к великому служению пророческому. «Видел я Господа, сидящего на престоле высоком и превознесенном и края

риз Его наполняли весь храм. Вокруг Его стояли Серафимы; у каждого из них по шести крыл; двумя закрывали каждый лицо свое, и двумя закрывали ноги свои, и двумя летали. И зывали они друг ко другу и говорили: "Свят, Свят, Свят Господь Саваоф! Вся земля полна славы Его!"

И поколебались верхи врат от гласа восклицающих, и дом исполнился курениями. И сказал я: "Горе мне! Погиб я! Хотел бы и я славить Бога, но уста мои нечисты, и живу среди людей с нечистыми устами... А вот, Царя Господа Саваофа вижу очами моими!"... Тогда прилетел ко мне один из Серафимов, и в руке у него был горящий уголь, который он взял клещами с жертвенника; и коснулся он уст моих и сказал: "Вот, это коснулось уст твоих, и беззаконие твое удалено от тебя, и грех твой очищен". И услышал я голос Господа, говорящего: "Кого Мне послать? и кто пойдет для Нас?" И я сказал: "Вот я, пошли меня!"».

Так, воспламененный небесным огнем пророческого вдохновения Исаия сам вызвался на дело проповеди, и с того времени стал небоязненно возвещать волю Божию и царям и всему Иудейскому народу. Он смело обличал их пороки и нечестие, грозил им судом Божиим, предсказывал опустошение Иерусалима, отведение народа в плен Вавилонский и возвращение из этого плена. За сто с лишком лет до рождения Кира, царя Персидского, Исаия назвал его по имени и предсказал, что этот царь освободит Иудеев из плена и повелит восстановить Иерусалим и построить храм. Пророк ясно видел будущую судьбу народов и царств, соседних с Иудейским царством, и почти за двести лет подробно описал падение Вавилона. Но всего поразительнее Его пророчества о Христе Спасителе. Более чем за семьсот лет до рождения Господа Иисуса Христа вдохновленный Богом Исаия возвещает о Нем миру с такой точностью, такими ясными чертами, как будто это говорит не пророк, а евангелист: вот почему многие толкователи Священного Писания называют Исаию евангелистом Ветхого Завета, а Его священную книгу — Евангелием от Исаии. Раскроем эту вдохновенную книгу и послушаем, что вещает о Господе нашем Ветхозаветный пророк-евангелист.

«Утешайте, утешайте народ Мой, говорит Бог ваш; говорите к сердцу Иерусалима и возвещайте ему, что исполнилось время борьбы его, что за неправды его сделано удовлетворение, ибо он от руки Господней принял вдвое за все грехи свои. Глас вопиющего в пустыне: приготовьте путь Господу, прямыми сделайте в степи стези Богу нашему; всякий дол да наполнится, и всякая гора и холм да понизятся, кривизны выпрямятся и неровные пути сделаются гладкими; и явится слава Господня, и узрит всякая плоть [спасение Божие]» (Ис. 40; 1-5). Это говорит пророк о Предтече Христовом Иоанне. А вот что говорит он о Самом Господе Иисусе Христе: «И произойдет отрасль от корня Иессеева, и ветвь произрастет от корня его» (Ис. 11; 1). «Се, Дева во чреве пришлет и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил», что значит "с нами Бог" (Ис. 7; 14). «Ибо младенец родился нам — Сын дан нам; владычество на раменах Его, и нарекут имя Ему: Чудный,

Советник, Бог крепкий, Отец вечности, Князь мира. Умножению владычества Его и мира нет предела на престоле Давида и в царстве его, чтобы Ему утвердить его и укрепить его судом и правдою отныне и до века» (Ис. 9; 6-7). «И почиет на Нем Дух Господень, дух премудрости и разума, дух совета и крепости, дух ведения и благочестия; и страхом Господним исполнится... ибо земля будет наполнена ведением Господа, как воды наполняют море... к корню Иессееву... обратятся язычники, — и покой Его будет слава» (Ис. 11; 2-3, 9-10). «И... гора дома Господня будет поставлена во главу гор и возвысится над холмами, и потекут к ней все народы... ибо от Сиона выйдет закон, и слово Господне — из Иерусалима» (Ис. 2; 2-3). «Укрепите ослабевшие руки и утвердите колени дрожащие; скажите робким душею: будьте тверды, не бойтесь; вот Бог ваш... Он придет и спасет вас. Тогда откроются глаза слепых, и уши глухих отверзнутся. Тогда хромой вскочит, как олень, и язык немого будет петь» (Ис. 35; 3-6). «Оживут мертвецы Твои, восстанут мертвые тела» (Ис. 26; 19).

Так изображает пророк чудеса Христа Спасителя. Послушаем теперь историю страданий Господа: «Я предал хребет Мой биящим, — говорит пророк от лица Христова, — и ланиты Мои поражающим; лица Моего не закрывал от поруганий и оплевания» (Ис. 50; 6). Пораженный таким унижением Христа Исаия в священном трепете взывает: «[Господи!] кто поверил слышанному от нас, и кому открылась мышца Господня? Ибо Он (Христос) взошел пред Ним (пред Богом Отцом), как отпрыск и как росток из сухой земли; нет в Нем ни вида, ни величия; и мы видели Его, и не было в Нем вида, который привлекал бы нас к Нему. Он был презрен и умален пред людьми, муж скорбей и изведавший болезни, и мы отвращали от Него лице свое; Он был презираем, и мы ни во что ставили Его. Но Он взял на Себя наши немощи и понес наши болезни; а мы думали, что Он был поражаем, наказуем и уничижен Богом. Но Он изъязвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши; наказание мира нашего было на Нем, и ранами Его мы исцелились. Все мы блуждали, как овцы, совратились каждый на свою дорогу; и Господь возложил на Него грехи всех нас. Он истязуем был, но страдал добровольно и не открывал уст Своих; как овца, веден был Он на заклание, и как агнец пред стригущим его безгласен, так Он не отверзал уст Своих. От уз и суда Он был взят; но род Его кто изъяснит? ибо Он отторгнут от земли живых; за преступления народа Моего претерпел казнь. Ему назначили гроб со злодеями, но Он погребен у богатого, потому что не сделал греха, и не было лжи в устах Его. Но Господу угодно было поразить Его, и Он предал Его мучению; когда же душа Его принесет жертву умилостивления, Он узрит потомство долговечное... чрез познание Его (чрез веру в Него) Он, Праведник, Раб Мой, оправдает многих, и грехи их на Себе понесет. Посему Я дам Ему часть между великими... за то, что предал душу Свою на смерть, и к злодеям причтен был, тогда как Он... за преступников сделанся ходатаем"» (Ис. 53; 1-12).

Мы не можем привести здесь всего, что предсказал Исаия об Иисусе Христе. Но и этих немногих выписок довольно, чтобы видеть, как дивно открывал Господь будущее Своим избранникам. Но мир не умеет ценить этих избранников Божиих, и над Исаией сбылось слово Христово: «не бывает, чтобы пророк погиб вне Иерусалима» (Лк. 13; 33). Древнее предание говорит, что по приказанию нечестивого царя Манассии пророк Исаия был перепилен деревянной пилой близ стен Иерусалимских. Православная Церковь празднует его память 9 мая.

202. Псалом упования. Изложение псалма 90

Где тот счастливец, который не боится скорбей и тревог, сердце которого спокойно при всех тревожениях бурного моря житейского? Кто без страха смотрит на всякую невзгду, твердо уверенный, что никакие опасности не могут ему повредить? Это тот, кто всего себя отдал на руки Божий, кто во всем положился на Господа, кому, за эту всецелую преданность, во всем помогает Всевышний — «живый в помощи Вышняго!...» Пусть вокруг него гневно бушует шумное море житейское, поднимая высокие волны напастей и всяческих бед; он нашел себе тихую, надежную пристань, укрылся от них под сень, под защиту неземного покрова: он «в крове Бога Небеснаго водворится».

Чего же ему бояться, когда сам он в Боге пребывает, и Бог в нем пребывает? (1 Ин. 4; 16). Нет, не страшны ему грозные бури скорбей и несчастий, не смутят его сердца тлетворные ветры помыслов грешных, веющих из самых преисподних глубин адовых; как крепкая скала несокрушимая спокойно стоит он, уповая на Господа, и в трудную годину искушения, в день тяжелой борьбы с врагами спасения он воздохнет ко Господу и из глубины сердца, Богу преданного, «речет Господеву: заступник мой еси и прибежище мое», не покинь меня! Он смело скажет и врагам своим: сам я — ничто; Бог мой — вот крепкая защита моя, «и уповаю на Него» Единого! О, счастлив ты, любимец Божий, дитя Божие: не напрасна надежда твоя! Уповай на Всевышнего, «яко Той избавит тя, избавит и от сети ловчи», то есть от незримых козней злохитрого ловца, дьявола. и «от словесе мятежна» (от клеветы и злобы человеческой)... Восстанут ли на тебя враги твои, Бог Сам станет впереди тебя, сразится с ними вместо тебя, и прикроет тебя Своей тенью — «плещма Своима осенит тя», как орел, как кокош защищает от врага свое детище, Он покроет тебя Своей силой всемогущей, и ты, как птенец Божий, «под криле Его надеешься», то есть будешь в полной безопасности. Ты никогда не изменяешь истине Божией, ты свято хранишь заповеди Божий, зато как оружием, как щитом непроницаемым «обыдет тя» (будет со всех сторон охранять и защищать тебя сама эта) «истина Его» (Божия). И если Бог за тебя, кто против тебя? Что могут сделать все враги твои? «Не убоишия от страха ношнаго» (тайных злоумышлений), «от стрелы летящая во дни» (явных нападений вражеских). Не убоишия «от

вещи во тме преходящая» (от язвы ли, ходящей во мраке или от других несчастий, в ночи бывающих, от страстей ли плотских, или страхований бесовских), «от сряца» (от заразы ли опустошительной и неожиданной встречи с другим каким-либо бедствием, или от невольных грехопадений во время непредвиденных испытаний), не убоишься ты «и беса полуденнаго», этого духа праздности и невоздержания, духа уныния и тщеславия, духа зависти и любостязания... Градом сыплет враг на тебя ядовитые свои стрелы — и слева, и справа: не явными только грехами он искушает тебя, чаще влечет он на грех под видом дела правого — добродетели: но ты не боишься этих стрел — Бог защита твоя: «падет от шуей страны твоя тысяща» стрел, «и тма (десятки тысяч) одесную тебе, к тебе же» ни одна из них «не приблизится». И не потерпишь ты никакого вреда, обаче (мало того), «очима твоими смотриши» (сам собственными очами увидишь, что и враги твои — люди ли то или демоны не останутся ненаказанными) «и воздаяние грешников узриши». И воскликнешь ты тогда из глубины сердца благодарного: сбылась надежда моя, «яко Ты, Господи, упование мое!»

Да, любимец Божий, потому так и печется Господь о тебе, что ты всего себя предал в волю Божию, «Вышняго положил еси прибежище твое», Его Единого избрал своим убежищем. За то и «не приидет к тебе», не повредит тебе никакое «зло, и рана» (язва или иное какое бедствие) «не приблизится» не только «телеси», но и самому жилищу «твоему, яко Ангелом Своим» Господь «заповесть о тебе», даст повеление «сохранити тя во всех путех твоих», во всех твоих действиях. В трудное для тебя время искушения они поведут тебя за руку, укажут тебе правый путь; в минуту опасности, когда готов будешь споткнуться о камень соблазна и упасть, они «на руках возмут тя», поднимут, поддержат тебя, «да не когда преткнеши о камень ногу твою». Не страшны тебе будут самые страшные и сильные животные: ни аспид губительный, ни василиск, ужасный царь пресмыкающихся, ни лев, царь зверей пустынных, ни дракон — крупнейший змий (удав), глотающий не только людей, но и волов... Не страшны будут тебе и невидимые змии — губители-демоны и всякие страсти людские: «на аспида» клеветы «и василиска» ненасытной зависти ты «наступиши, и попереши», раздавишь головы льва жестокости и змия, дракона гнева и ярости. И все это сбудется, непременно совершится над тобой, человек, Богу преданный; ибо — слышишь, Сам Господь вещает о тебе: «яко на Мя упова, и избавлю и от всякой опасности, покрью и» от всякой беды, «яко позна имя Мое» (знает Меня одного, Мне Единому поклоняется, знает и исполняет благую волю Мою). «Воззовет ко Мне, и услышу его», потому что он не будет у Меня просить ничего недостойного; «с ним есмь в» искушении, во всякой «скорби» и бедствии; Я не только «изму», избавлю его от скорбей, но «и прославлю его», и самую скорбь его на радость преложу. Если будет он просить у Меня продолжение жизни, Я не откажу: «долготою дней исполню его, и явлю ему» как в сей временной жизни, так и в блаженной вечности — «спасение Мое...»

Дивные глаголы, утешительные обетования! Не напрасно святая мать наша Церковь Православная повторяет для нас ежедневно этот псалом в полуденный (шестой) час: по замечанию святых подвижников около полудня человека особенно берет дух уныния; а в этом псалме так много утешения для унывающей души в надежде на помощь и покровительство Божие. Читается этот псалом и над гробом усопшего, по чину погребения, через что выражается утешительная уверенность, что поживший в помощи Божией в этой жизни, не лишится крова небесного в будущей: ведь в очах Божиих нет различия между живыми и мертвыми: «Бог же несть мертвых, но живых: вси бо Тому живи суть» (Лк. 20; 38). И наш русский воин Христолюбивый, выходя на поле бранное, чтобы биться с врагами за веру Православную, за Царя и Отечество, воодушевляет себя все тем же псалмом упования: так много благодатной, укрепляющей, ободряющей душу силы заключено в этой священной песне Давидовой!

Но, братие, читатели мои! Давид был ветхозаветным праведником; а мы, хотя и грешники недостойные, но по неизреченному милосердию Божию принадлежим Новому Завету. Нам открыто превозделенное имя Бога Небесного Отца и дано дерзновение взывать к Нему с детской простотой: «Авва, Отче!» (Рим. 8; 15); Его Единородный Сын вещает нам во Святом Своем Евангелии: «Аще убо вы, лукави суще, умеете даяния блага даяти чадом вашим, кольми паче Отец ваш Небесный даст блага просящему Него» (Мф. 7; 11). «Не убойтесь убо: мнозех птиц унши (лучше и дороже) есте вы» (Лк. 12; 7). «И влас главы ваша не погибнет» без воли Отца нашего Небесного (Лк. 21; 18). «Се же есть воля Пославшаго Мя, да всяк... веруяй в Него (Сына Божия) имать живот вечный» (Ин. 6; 40). Нам ли после этого унывать? Нам ли не уповать на Того, Кто, «Сам искушен быв, (конечно), может и искушаемым помощи!» (Евр. 2; 18)... Лишь бы сами мы не выходили из-под Его Небесного покровя, лишь бы не роптали мы в скорбях, не малодушествовали, и свято исполняли святую волю Его, Его святые заповеди; а Он, Милосердый, никогда не отнимет от нас этого дивного покровя Своей благодати!..

203. Почему Господь не уничтожил смерть на земле?

«Кто есть человек, иже поживет и не узрит смерти?» (Пс. 88; 49)

Если Христос Своей смертью попрал смерть, то отчего же люди и теперь умирают? Есть три вида смерти: телесная, душевная и вечная смерть преисподняя. Телесная смерть есть разлучение души от тела; о ней говорит Псалмопевец: «отъимеши дух их, и исчезнут, и в персть свою возвратятся» (Пс. 103; 29). Душевная смерть есть разлучение благодати Божией от души, ибо только Святым Духом всяка душа живится. Эта смерть происходит от греха, который отгоняет благодать Божию от души, как ночь прогоняет свет. "О человек! — говорит святитель Иоанн Златоуст. — Ты плачешь над телом,

с которым разлучилась душа; но не плачешь о душе, от которой разлучился Бог!.."

Вечная смерть есть разлучение разумного создания от лика избранников Божиих и изглаждение из книги живых, о чем говорит Псалмопевец: «Да потребятся от книги живых и с праведными да не напишутся» (Пс. 68; 29). Итак, все ли эти виды смерти Христос Спаситель наш Своей смертью поправил? Отвечаю: Он поправил, уничтожил только два вида смерти: душевную и вечную преисподнюю. Хочешь ли, человеце, избавить свою душу от смерти греховной и вечной смерти преисподней? Притекай с покаянием ко Христу Спасителю нашему: Он избавляет грешников от этих смертей. А смерть телесную Он оставил на этом свете до конца веков.

О дражайший Спасителю мой! Зачем же попустил Ты такому зверю лютому терзать людей Твоих, Твое достояние, которое купил Ты Своей Кровью бесценной? И какое утешение нам будет в этой жизни, если нас ждет такой плачевный конец? «Кая польза в крови моей, вегда сходити ми во нетление!» (Пс. 29; 10).

Не будем братие, испытывать неисследимых судеб Божиих: «судьбы Твоя (Господни) бездна многа (Пс. 35; 7), — праведен еси, Господи, и прави суди Твои!» (Пс. 118; 137). Одно нам нужно помнить, что Всемогущий Бог все устроит премудро на пользу нашу, и если не уничтожил Он смерть на земле, то тем самым нам же оказал великое благодеяние.

Во-первых, Он оставил смерть телесную, чтобы люди отвращались от греха и гнушались им. Знаете ли, братие, какова смерть происхождения и кто ее отец? Смерть есть дочь греха; от греха родилась она, как о том говорит Божественное Писание: «похоть зачещи раждает грех, грех же содеян раждает смерть» (Иак. 1; 15). Вот злосчастное родословие смерти! Вот ее происхождение! Каков отец — грех, такова и дочь — смерть: по плодам их познаете их! Не видишь ты, человеце, мерзости греха: посмотри же на смерть, взгляни на смердящий труп, и от мерзкой дочери, смерти, познавай ее гнусного отца — грех! Если уж от двух или трехдневного мертвеца исходит такое нестерпимое зловоние, что все стараются уйти от него подальше, кадят ладаном, курят благовониями, то что будет с этим трупом в могиле еще через несколько дней? Боже мой, какой страх и ужас, какой смрад и мерзость!.. Но ведь все это сделал грех: грехом вошла смерть, по плодам греха познавайте его! Когда Бог попускает на какой-либо город мор и поветрие, сколько бывает там бедствий, горя и печали! Люди сторонятся друг друга и, несмотря на это, внезапно умирают; умирающих все покидают, а умерших небрежно бросают в общую яму... И все это делает грех: грехом вошла смерть — о, как несказанно мерзок этот грех!.. Когда праотец Иаков увидел окровавленную одежду своего любимого сына Иосифа, то воскликнул: "Лютый зверь растерзал его, лютый зверь пожрал моего Иосифа!" Вот так же и нам при мысли о смерти надо бы восклицать: зверь лютый, из всех зверей лютейший, — грех терзает и губит род человеческий!...

Во-вторых, Христос оставил смерть телесную на земле, чтобы люди не прилеплялись сердцем к мирским удовольствиям и красоте телесной. О, как часто уязвляет человеческое сердце эта красота! Но посмотрите, во что потом обращается она? В труп смердящий, не более... Вот почему преподобный Ефрем Сирийский дает такой совет: "Когда огонь похоти плотской разгорится в твоём сердце, представь себе труп женщины, лежащей во гробе и снедаемый червями, и пламень страсти угаснет в тебе тогда".

В-третьих, Христос оставил смерть телесную для исправления наших нравов злых. Видит всевидящим оком Своим Всемогущий Бог, что приложился человек скотом несмысленным в своих бессловесных похотях, и потому постоянно взывает Он грешникам: «Не будите яко конь и мек (ишак), имже несть разума» (Пс. 31; 9). Видит Он, что человек идет туда, куда влечет его привычка греховная, что каждый заботится только о том, как бы плоти своей угодить, чтобы ни в чем она нужды не терпела, и взывает: «Не будите яко конь и мек, имже несть разума!...» Но все напрасно, Боже мой, не слушают люди Твоих заповедей, не внимают, Сладчайший, Твоим увещаниям! Безумие людей уподобило их скотам несмысленным, не хотят они слушать Твоих глаголов спасительных: «не има веры словеси Его, и поропташа в селениих своих, не услышаша гласа Господня!» (Пс. 105; 24-25). Что же после этого делает Всемиловитый Господь? Он востягает (обуздывает) уздой смерти неистовое, безумное стремление людей ко всякому злу: «бродами и уздой челюсти их востягнеши» (Пс. 31; 9). Вы знаете, братие, из чего узду делают: из ремня, из мертвой кожи. Вот такой же уздой, то есть смертью, Он востягает и неукротимую злобу человеческую: «бродами и уздой челюсти их востягнеши!» Как бы так говорит Он: ничто тебя, скот несмысленный, укротить не может; сладостное ярмо заповедей Моих ты попираешь и считаешь за ничто; ты говоришь: «Расторгнем узы их и отвергнем от нас иго их» (Пс. 2; 3). Вот же тебе узда смертная, она обуздывает твои нравы скотоподобные!

Так, православные! Всемиловитый Господь устрашает своевольных грешников смертью, подобно судии, который приказывает поставить виселицу, чтобы злодеи по крайней мере при виде ее перестали злодействовать. Посмотрите: чем Господь Бог укрощает неукротимое волнующееся море? Чем Он останавливает его бушующие волны? Одним песком: «положил песок предел морю» (Иер. 5; 22). А что такое человек, неукротимый в своих злых греховных похотях, если не свирепое море, взволнованное духом бурным врага душетленного? (Иуд. 1; 13). И чем укротишь эту бурю жестокую? Тоже песком: «яко земля еси, — глаголет Бог, — и в землю отыдеши» (Быт. 3; 19). «Положил песок предел морю! Предел положил еси, егоже не прейдут» (Пс. 103; 9).

В-четвертых, Христос Спаситель оставил смерть на земле для того, чтобы смирать и низлагать гордыню человеческую. И если бы не смерть, на что не дерзнули бы люди, гордости исполненные? Александр Македонский, победитель многих народов и царств, гроза всего света, дошел же до такой

гордости, до такого безумия, что называл себя богом, и если бы этот мнимый бог жил вечно, какого бы зла он не натворил? На какую степень гордости не вознесся бы? И без того он говорил, что одной рукой держит восток, а другой — запад, а тогда он и подавно перестал бы себя человеком считать! Но смерть открыла ему очи: на тридцать втором году этот мнимый бог окончил свою жизнь подобно всем смертным, и над ним сбылось слово Писания: «Аз рех: бози есте... вы же яко человецы умираете, и яко един от князей падаете» (Пс. 81; 6-7). Есть и еще причины, почему Господь не уничтожил смерть: Он оставил ее на утешение бедным, дряхлым, несчастным больным, которые желают найти в смерти себе упокоение. Но особенно вожделенна смерть для избранников Божиих, которые, презирая эту жизнь, полную стольких бедствий, всю надежду свою возлагают на жизнь небесную, скорбям и тлению непричастную. Каждый из них говорит со святым апостолом: «желание имый разрешитися и со Христом быти...» (Флп. 1; 23). «Окаянен аз человек: кто мя избавит от тела смерти сея!» (Рим. 7; 24). «Наше бо житие на небесех есть» (Флп. 3; 20).

(Из сочинений святителя Димитрия, митрополита Ростовского)

204. Что сокращает нашу жизнь?

«Лета же изочтенная приидоша, и путем, имже не возвращуся, пойду» (Иов. 16; 22).

С непонятной скоростью, братие, ведется этот счет... Что я говорю, то уходит; что я сказал, то невозвратно ушло; а что хочу сказать, не знаю, даст ли мне Творец мой время и силу сказать. Так все дойдем до последних слов, и скажем: "В руце Твои, Господи, предаем дух наш". Этим окончим все... и тогда останутся в нас некоторые лишь слабые признаки жизни, подобно как в часах, которые ходят, слышится тихое движение; то есть останется тяжкое и медленное всхлипывание стесненной груди, или последнее издыхание изнемогшего человека, которое, повторившись несколько раз, утихает навеки, и которое принадлежит уже к числу жизни точно так, как последняя точка к оконченному нами письму. И не так ли, подобно слову, течет и жизнь наша? Что живу — уходит; что жил — невозвратно ушло; что хочу жить — не знаю, дозволит ли Творец мой... И все же, что прожил я, ставится в счет моим Создателем. «Лета же изочтенная приидоша, и путем, имже не возвращуся, пойду!»

Кратка жизнь наша, други мои; а мы сами побуждаем Бога еще и еще сокращать нашу краткую жизнь... Только на земле и места было хорошего, что рай. Только было и жизни для нас, что в раю. Жизнь райскую только и можно было назвать жизнью. Она протекала во всех радостях, которые только могло желать человеческое сердце. Адам и его помощница наслаждались всем, что безгрешно: тело имели они благолепное, а душу прекраснейшую, потому что она была свята и богоподобна; сердце их покоилось в Боге и Его святой воле; желания их стремились только к Богу —

источнику благ, за дарование которых воссылали Ему благодарение; совесть их была чиста. Они были дети, в которых изображался Небесный Отец. Бояться им было некого, плакать не о чем; против старости дано божественное средство... И что же? Грех все переменял! Грех сделал человека врагом Богу и Его воле, и дал ему другой, страшнейший образ. Святую и боголюбивую душу его сделал самолюбивейшей, мир обратил в такую больницу, в которой ничего не слышно, кроме стенаний, ничего не видно, кроме бед! Грех самую жизнь ужасно сократил; смерть не только в мир, но и в тело наше ввел; а эта злая госпожа, царствуя над людьми, сокрушает их разными болезнями и, наконец, разрушает в прах. Прошло райское блаженство, как сон, и только осталась у нас горькая память о нем. «Но царствова смерть от Адама даже до Моисея (и до нас) и над несогрешившими по подобию преступления Адамова» (Рим. 5; 14). Однако я вижу еще милосердие Божие к человекам и благоволение к продолжению жизни их. Мафусал жил девятьсот шестьдесят девять лет. Еще те великие люди, которых мы называем Праотцами или Патриархами, жили по несколько сот лет и оставили нам пример награжденной благоденствием и долголетием добродетели.

Что же? Может быть, это останется в наследство роду человеческому? Но нет; умножается нечестие на земле, укрепляется неправда, возрастает злоба и бесчеловечие, потоком разливаются беззакония, вопиют на небо грехи, преогорчается Вышний, и, в отмщение, определяет и говорит: «не имать Дух Мой пребывать в человецех сих во век, зане суть плоть: будут же дние их лет сто двадесять» (Быт. 6; 3). Пусть бы бедная жизнь наша хотя на этом определении Божиим осталась. Пусть бы прожить человеку сто двадцать лет: может быть мы, пожив столько лет в страхе Божиим и благочестии, которое, по слову апостола Павла, «на все полезно есть, обетование имеющее живота нынешняго и грядущаго» (1 Тим. 4; 8), увидели бы собственными очами на себе и на сынах сынов наших Божие благословение и, утешившись оным, пошли бы во гроб, как в двери Небесного Царствия, к Богу, как к родному Отцу. Но все не так: грех, воцарившись в сердцах человеческих, изгнал любовь и страх Божий, явилась отчаянная, богоненавистная жизнь в человеках и такие дела, каких только богоубийственное их сердце захочет: кует бо, по слову Соломона, сердце их злая! (Притч. 6; 18). Но Твое правосудие, Господи, соображается с нашей жизнью, и мы уже и оной милости Твоей праведно и по делам нашим лишаемся. И если один из тысячи сподобляется ее, то он бывает чудом: уже бо «дние лет наших, в нихже седьдесят лет, аще же в силах осмьдесят лет, и множае их труд и болезнь» (Пс. 89; 10)... Сорок лет отнято, или назначаются на нарочитые болезни! Но в наказание бывает, что и последнее положенное число лет отнимается у нас, и мы умираем в преполовлении дней, а многие и преполовления не доживают; умираем в первом цвете лет — в колыбелях; умираем в тот самый день, в который родились, умираем в самой утробе матерней; умираем, чтобы рождающие видели небесный гнев на грех, а

умирающие, чтобы спаслись от тех грехов, в которых, подражая отцам своим, стали бы утопать. Добрые люди никому не живут во вред, но всем, сколько возможно, делают добро; всех любят, и все их любят, и своих бы уделили им дней. Их жизнь считается не по дням, а по добродетелям: ибо худой человек никому в продолжение семидесяти лет не сделал столько добра, сколько сделал добродетельный в продолжении семи дней. Однако ж и добрые часто умирают безвременно, и посекаются тогда, когда никто этого не ожидал. Тот, Кто с небесе приникает на все, видя, что добрые долго не будут добрыми, что злые сделают добрых злее себя, не дает им больше жить. Вот почему Соломон говорит о добродетельном: «восхищен бысть, да не злоба изменит разум его, или лесь прельстит душу его. Скончався в мале исполни лета долга: угодна бо бе Господеви душа его, сего ради потщася от среды лукавствия» (Прем. 4; 11, 13-14).

Сколь долго, сколь твердо пребывают деревья и камни! Только мы одни в сравнении с ними ничто! Многие из животных весьма крепки и долгожизненны; но человек, повелитель их, слаб, и часто своих же подчиненных трепещет... Серебро прочно, золото долговечно; но сребролюбец скоро умирает, и становится прахом.

Я не смею сравнивать нашу жизнь с вечностью. Вечность — море без берегов, а наша жизнь есть дождевая капля, что капнула на землю, — и нет ей следа. Бог — есть и пребывает; а мы —: призрак, и жизнь наша привидение. Жизнь так мала, как дыхание: я вдохнул, и часть жизни моей исчезла вечно... а вдохну ли еще — и сам не знаю, ибо всем грешникам грозит сие прещение: аще не послушаете Мене, возвещаю вам днесь, яко погибелию погибнете, и не многодневны будете на земли. Если же, братие, посмотрим еще на то, что человек часто бывает обременен такими бедами, что с Иовом взывает: «почто бо во утробе не умрох? из чрева же изшед, и абие не погибох!» (Иов. 3; 11), — то не вдвое ли жизнь наша покажется короче, если выбрать из нее для счета одни счастливые дни, которые почти со свечой надобно искать? Знаю, что в жизни не без отрад; но то капля сладости в чаше горести. «Еще брашну сушу во устех пиршествующего народа, и гнев Божий възде на ня», — говорит святой Давид о Израильтянах (Пс. 77; 30-31). Таковы-то наши на свете радости! Если же кто и в самой кратковременности бедственной жизни находит ту отраду, — чтобы недолго на свете мучиться, то что же будет, если мы из кратковременной муки за непокаяние попадем в вечную?

Братие мои! Малая жизнь дана нам для того, чтобы мы приготовились к великой, и краткая дана — для вечной. А мы запасаемся всем на будущие дни, только на страшный день — ничем! К праздникам есть у нас отличные уборы, а к празднику и торжеству вечному — никаких! Все помним, заботимся обо всем, — одну только душу забыли; и тем страшнее, что она у нас одна; ибо по нашему нраву злomu надобно бы иметь душ, по крайней мере, четыре, и, погубив одну в сребролюбии, другую в честолюбии, третью в сластолюбии, с четвертой — спастись. Мысли у нас высоки, но в небо не

летят. Желания бесконечны, но к жизни бесконечной не стремятся. Советы мудры, но на погибель — сначала чужую, а потом свою. Слов много, но не тех, с которыми на суд Божий предстать можно. Есть у нас и любовь, но не к Богу... Есть и страх, но не муки вечной... Довлеет убо нам доселе бывшего... Попечемся душою о душе, чтобы при смерти радостно передать ее в руки Божий, достойную этих рук. Лета изочтенная приидоша, и путем, имже не возвратимся уже идем. Аминь.

(Из слов протоиерея Иоанна Леванды)

205. Рассказ святителя Тихона Задонского о самом себе

Как я (Святитель Тихон родился в 1724 году, отцом его был дьячок села Короцка, Валдайского уезда Новгородской губернии, Савелий Кирилов) начал себя помнить, в доме, при матери нашей (отца своего я не помню), было нас четыре брата и две сестры: большой брат дьячкову должность отправлял, средний же брат взят был в военную службу, а мы все еще малы были и в великой жили бедности. Нашего же прихода ямщик, богатый, но бездетный был; он часто приходил к нам в дом; я полюбился ему. Он неоднократно просил меня у матушки и так говорил: "Отдайте мне Тиму своего (ибо до пострижения в монашество именовался я Тимофеем), я его вместо сына воспитаю и все имущество мое — его будет". Мать моя, хотя и отказывала ему (жаль ей было отдать меня), но крайний недостаток в пище понудил матушку отдать меня ямщику оному, и она, взяв за руку, повела меня к нему, — я это хорошо помню. Большого же брата в то время не было в доме; но как пришел он, то спросил у сестры: "Где матушка?" Она сказала ему: "Повела Тиму к ямщику". Брат, догнав на дороге матушку, встал перед ней на колени и сказал: "Куда вы ведете брата? Ведь ямщику отдадите, он ямщиком и будет, я лучше с сумой по миру пойду, а брата не отдам ямщику: постараемся обучить его грамоте, тогда он сможет к какой-либо церкви в дьячки или пономари определиться". И потому матушка воротилась домой. А так как в доме есть было нечего, то я у богатого мужика целыми днями, бывало, бороню пашню, чтобы только богатый мужик хлебом накормил. Вот в какой нужде воспитывался я.

Когда в Новгороде вновь учредили семинарию, то и меня повезла матушка в Новгород и, отдав в семинарию, сама скоро скончалась там. А я начал продолжать учение на казенном коште и терпел великую нужду; и так бывало: когда получу казенный хлеб, то половину из него оставляю для продовольствия себе, а другую половину продаю; куплю свечу, сяду с ней на печку и читаю книжку; а дети богатых отцов, соученики мои, играют, или найдут ошметки лаптей и начнут смеяться надо мной, и махать ими на меня, говоря: "Величаем тя"... Когда же я посвящен был в викарного епископа и приехал в Новгород, то они же и пришли ко мне, по обыкновению, для принятия благословения; я им сказал: "Вы, братцы, смеялись надо мной, когда мы были в семинарии малолетними детьми, и отопками на меня

махали, теперь же и кадилами будете кадить", — в то время иные из них священниками и диаконами были. А они сказали мне: "Прости, владыко святой!" Я же сказал им: "Я шутя вам говорю, братцы".

Когда я потом учителем был, просил нас, учителей Александровского монастыря, архимандрит к себе в гости; мы и отправились к нему. По приезде в монастырь я взошел на колокольню осмотреть места вокруг монастыря, подлинно прекрасные и, не опробовав перил, оперся на них, а они вдруг и упали на землю, а меня будто кто назад толкнул, я к колоколам на пол затылком упал полумертв, едва опомниться мог и дойти до кельи архимандрита. Стали мне говорить: "Что ты лицом изменился, Тимофей Савельевич? Посмотри, братец, в зеркало, ты мертвому подобен". Я им сказал: "Пожалуйте чашку чая, после вам скажу причину моего изменения". Напившись чаю, я повел их к колокольне, и мы осмотрели перила, которые лежали вдребезги разбитыми. Я им сказал: "На этом месте и мне бы лежать так разбитым".

Я никогда и не мыслил о таком важном сане, чтобы быть мне епископом; у меня мысли были непременно куда-нибудь удалиться в пустынный монастырь, постричься в монахи и проводить уединенную жизнь; но Всевышнего судьбе так было угодно, что я, недостойный, стал епископом. Когда я был в Твери архимандритом, ректором семинарии, в день Святой Пасхи служил с архиереем Афанасием в соборе литургию. Что же случилось? Во время Херувимской песни, когда сам архиерей у жертвенника вынимал частицы о здравии, я, подойдя к жертвеннику, сказал: "Помяни мя, владыко святой!". Архиерей же хотел сказать: "священноархимандритство твое", но вместо этого сказал: "епископство твое да помянет Господь Бог во Царствии Своем", — сам улыбнулся и сказал мне: "Дай Бог вам быть епископом". Я после узнал, что в самый тот день Пасхи в Петербурге первый синодальный член, митрополит Димитрий Сеченов, метал жребий купно с Епифанием, епископом Смоленским; семь жребиев кандидатских было написано, а Смоленский архиерей говорит митрополиту: "Прикажите написать жребий Тверского ректора Тихона". — "Он еще молод, время не ушло. Однако, напиши...", — сказал Сеченов келейному. И мой жребий был осьмой. До трех раз жребий метали, а все мой жребий вынимался, поэтому и сказал митрополит: "Ну, знать Богу так угодно — быть ему епископом".

Вскоре после праздника Пасхи преосвященный Афанасий призывает меня и говорит мне приветственно: "Прошу покорно, отец ректор", и сразу: "Поздравляю вас епископом", и дает мне Синодальный указ; сам же заплакал: "Жаль-де, мне, — говорит, — расставаться с вами. Вы не медлите, сдайте монастырь, — говорит мне, — и отправляйтесь в Петербург". И я, сдав монастырь, отправился в Петербург, где и был посвящен во епископа; потом отправился в Новгород. Там жила сестра моя родная, которая вдовствовала в крайней бедности и питалась тем, что у богатых людей в хоромах полы мыла, когда еще жила в Валдаях, но так как я был учителем определен, то взял ее в Новгород и содержал на своем коште. Поутру же

послал я за ней колясочку, а она, приехав, и не смела войти ко мне в келью; я, отворив двери, говорю ей: "Пожалуй, сестрица", а она, войдя в келью, вся слезами залилась; я говорю ей: "Что ты плачешь, сестрица?" — "Я плачу, — говорит, — от великой радости, братец; вспомните, в какой мы бедности при матушке воспитывались, что, бывало, временами и дневной пищи лишались; но теперь я вижу вас в таком высоком сане! Я вчера была между народом и видела, как и встречу вам делали!" Я говорю ей: "Сестрица, ты почаще навещай меня, теперь есть на чем приехать ко мне, а у меня есть обслуга, лошади и коляска для вас". А она сказала: "Благодарствую, братец, но иногда и наскучу вам частым приездом". — "Нет, родная, — сказал я ей, — я никогда не наскучусь твоими посещениями; я сердечно тебя люблю и почитаю" (она была старшая сестра). Но по приезде моем в Новгород, сестра моя один только месяц пожила и скончалась; сам я и погребал тело ее. Когда я открыл покрывку и осенил тело ее, она будто улыбнулась мне. Бог один знает о том, что вообразилось в глазах моих. Я же сам всю литургию и погребален едва мог отслужить от горчайших слез: она жизни хорошей была.

Слышу я от многих упрек, для чего я оставил епархию. Вот причина моего уединения: первая, — слабость моего здоровья не позволяла мне управлять епархией; вторая, — епископский омофор, который на плечах своих носят епископы, очень тяжел: я ни поднять, ни носить не могу оно; пусть сильные носят. Вот и причина моего уединения. Если бы можно было, я бы и сей сан с себя сложил, и не токмо сан, но и клобук и рясу снял с себя, и сказал бы о себе, что я простой мужик, и пошел бы в самый пустынный монастырь, и употребил бы себя в работу, как то: дрова рубить, воду носить, муку сеять, хлебы печь и прочие, но беда, что у нас в России этого сделать нельзя.

Я рад бы хотя и теперь блаженно умереть, только бы не лишиться вечного блаженства. Бедные, окаянные мы! Теперь избранные Божии радуются и веселятся, и в бесконечные веки будут радоваться, а мы, странники и пришельцы, в маловременной сей жизни бедствуем и волнуемся. Пусть мир мирское и любит, а мы непременно всегда будем стремиться горняя доставать.

(Из "Записок" его келейника Василия Ивановича Чеботарева)

206. Тоска пленников по родине. Изложение псалма 136

Мы, грешные, не умеем ценить, как следует, своего счастья, пока им владеем; отними Господь у нас это счастье, — вот тогда только мы и поймем, чего лишились, тогда и оценим его, и будем горько оплакивать свою потерю. Так и евреи: пока жили счастливо на своей родной земле, равнодушно смотрели на свой родной Иерусалимский храм, с бесчестием гнали от себя пророков Божиих, призывавших их к покаянию, и смеялись над угрозами их. А как пришло время тяжкое, — разорен святой град Иерусалим, опустошена

родная земля, — попали сами в тяжкую неволю к Вавилонянам: тогда только опомнились, тогда поняли и почувствовали, как тяжело томиться в плену, вдали от родной земли, как больно не видеть святого города; куда ни взглянешь — ничто не радует: все народ чужой, везде видны храмы идольские, везде курятся жертвы ненавистным богам языческим... И болит, томится тоской безысходной сердце пленника, и не идут ему на мысль песни Сионские, песни радостные, и льются ручьем слезы горькие по родной земле, о святом Иерусалиме, граде Божиим!.. Прекрасно выражены эти чувства горестные в псалме 136, умильнее которого, по замечанию святителя Иннокентия, архиепископа Херсонского, не найдешь во всей Псалтири, за исключением псалма 50: *«Помилуй мя Боже...»* "Псалом 136, — говорит он, — кажется, написан не чернилами, а слезами, его следовало бы не петь, а плакать". Предлагаем нашим читателям изложение этой плачевной песни пленников Вавилонских.

«На реках Вавилонских», где Тигр и Евфрат, Ховар и Евлей разделяются на множество отдельных широких протоков, *«там седоком и плакахом»*, — там сидели мы, несчастные пленники, сидели — и горько-горько плакали, *«всегда помянути нам Сиона»*, вспоминая о нашем дорогом святом Сионе... Не до радостных песен, не до музыки нам было тогда: не для того принесли мы с собой десятиструнные арфы. *«На вербишх (прибрежных) посреде его (Вавилона) обесихом органы наша»*, повесили и смотрели на них, вспоминая в слезах минувшие светлые дни, когда, бывало, стройно и громко, торжественно звучали эти органы — арфы в светлорадостные праздники Божий под священной сенью величественного храма Соломонова... Все прошло! Не стало этого храма; в развалинах был город святой; сами мы томились в неволе на чужой стороне... С холодным презреньем окружали нас наши враги; с любопытством смотрели на нас, как на добычу свою; мы обливались слезами, а они со смехом и бранью, с жестокой насмешкой к нам приставали. *«Яко тамо вопросиша ны плениши нас о словесех песней, и ведиши нас (притеснители наши) о пениши»*. О, как горько нам было слышать эти насмешки, терпеть укоризны наших гордых владык! *«Воспойте нам»*, — говорили они, — воспойте нам *«от песней Сионских»*, потешьте нас своими Сионскими песнями, мы послушаем, весело ли вы будете петь их здесь, на наших реках Вавилонских!

Но возможно ли это, о сыны Вавилона? *«Како воспоем песнь Господню»*, песнь священного славословия Господу, *«на земли чуждей»*, в земле рабства и пленения?.. Нет, что хотите делайте с нами: мучайте, терзайте, жизни лишайте, а мы не станем для вашей потехи петь песни Сионские; никогда не слышать вам наших священных псалмов! Но — горе нам грешным, лютое горе! Не пели мы песней хвалебных, когда можно и должно было их петь, когда храм наш не был разрушен, и сами мы жили спокойно в родных поселениях... Слепы мы были тогда! Забыв Бога отцов, мы кланялись идолам соседних народов; за это вот теперь чужие народы заставляют нас петь песни

Сионские на реках Вавилонских... Довольно нам этого горя; пора вразумиться, пора вспомнить забытый закон!

О, родина наша святая! О, вожделенный граде Давидов! Томятся сыны твои на чужой стороне, в тяжкой неволе; рыдают и плачут по тебе, священный Сион! Можно ли забыть тебя, страна родная? Мы знаем теперь, мы чувствуем сердцем вину пред тобою, мы каемся, плачем и впредь не забудем уставов священных, никогда не изменим заветам отцов! *«Аще забуду тебе, Иерусалиме»*, граде возлюбленный, *«забвена буди (иссохни) десница моя!»* Пусть крепость и сила моя оставят, забудут меня; пусть лишусь я помощи Божией, пусть буду увечным, несчастным калекой! Онемей, *«прильпни язык мой гортани моему»*, пусть я буду безгласен, *«аще не помяну тебе!»* Пусть все беды и скорби обрушатся на меня, *«аще не предложу»*, если не поставлю *Иерусалима* выше всех моих радостей, *«яко в начале»*, как бы венцом всякого *«веселия моего»*. Нет для меня выше счастья, как смотреть на тебя, любоваться тобой, родной и священный Сион!... Но увы! ты теперь разорен, храм сожжен, опустошен, и враги твои, ненавистные потомки Исава, ликуют победу над прахом наших заветных святынь... *«Помяни, Господи, сыны Едомския»*, в страшный день разрушения *«Иерусалимль»* злорадно *«глаголющыя»* Халдеям, нашим врагам: *«истощайте, истощайте»*, без пощады разрушайте *«до оснований его!»* Припомни им, Господи, эти злорадные речи, когда они жестоко смеялись над нашим несчастьем, смеялись вот так же, как смеются над нами, хотят посмеяться над нашими священными песнями пленившие нас... *«Дщи Вавилоня окаянная»*, — злосчастная опустошительница! Придет и твой день — день воздаяния, *«блажен будет, иже воздаст тебе воздаяние Твое»*, кто будет орудием Божия наказания и горькой расплаты за все, *«еже воздала еси нам! Блажен»*, кто оплатит тебе той же мерой, *«иже имет и разбьет младенцы твоя о камень»* чтобы и они не наделали столько же зла, сколько наделала ты!.. Последнее, особенно жестокое слово проклятия было грозным пророчеством на Вавилон и сбылось в свое время.

Так тосковали по родине несчастные пленники на реках Вавилонских. Но не томимся ли и мы, грешники, в еще более ужасном плену? Да, друзья мои, не здесь, в земле изгнания, наша первая родина; ведь наши праотцы, первые люди, жили в прекрасном Божием раю; но пришел враг, искуситель, и склонил их на грех; и изгнал их за это Господь Бог из рая радости, и с той поры все люди стали пленниками своих греховных страстей. *«Яко всяк творяй грех раб есть греха»*, — говорит Господь наш Иисус Христос (Ин. 8; 34). И к нам, как к пленным евреям, пристают неотвязно наши пленители, греховные похоти, и нас заставляют забыть о Сионе, о горнем, небесном отечестве нашем, и искать удовольствий земных. Но нам ли петь радостные песни, нам ли веселиться в тяжком плену? О, если бы не на словах только, а всем сердцем, всей душой полюбить нам горний Иерусалим — Царство Небесное! Если бы и нам от полноты любящего сердца взывать подобно евреям: *«Аще забуду тебе, Иерусалиме»*, граде Божий, жилище святых,

«забвена буди десница моя! Прильпни язык мой гортани моему», если я не буду вспоминать о тебе, если не поставлю отечества небесного выше всяких утех земных, выше всех здешних радостей! Есть у нас и сыны Едомские — бесы лукавые, есть и дочь Вавилона — плоть наша грешная, страстями беснующаяся и яростью палимая! Блажен, кто сокрушит, убьет в себе грешные помыслы и пожелания (эти зачатки греха) о камень веры — Христа!

Вот, братие, мои читатели, почему Святая Церковь Православная, как нежно любящая мать, призывая нас к покаянию, приготавливая к Святому и Великому посту, влагает в уста наши плачевный псалом Вавилонских пленников: их примером, их тоской по родине она хочет и в нас пробудить уснувшее чувство тоски по забытой нами светлой, райской родине...

207. Перед исповедью

Мы так редко бываем на исповеди, так много накапливаем грехов, что иной раз придешь на исповедь и не знаешь — с чего начать и как раскрыть перед отцом духовным совесть свою? И то, что помнил, забудешь иногда; а сколько грехов, которые вовсе на память не придут и останутся на совести! Как же быть? Как избежать такого забвения?

Нужно заранее готовиться к исповеди. Что делаешь ты, когда хочешь осмотреть темный угол, где лежат пожитки твои? Ты зажигаешь свечу и с ней идешь туда, чтобы не споткнуться и не упасть. Вот так же сделай и со своей душой. Что свеча для телесных очей, то Закон Божий — для души нашей. «Светильник ногами моима закон Твой, Господи, и свет стезям моим» (Пс. 118; 105). Возьми же этот благодатный светильник, возьми заповеди Божий, уйди куда-нибудь подальше и читай, и разбирай по ним все дела свои. Призови себе на помощь свою совесть, — не спорь с нею, не оправдывайся: ты читай заповеди, а она будет тебе указывать грехи твои. Вот, заповедь Христова говорит: «Аще убо принесеши дар твой ко олтарю и ту помянеши, яко брат твой имать нечто на тя» — заметь: не только если ты злобишься на брата, но даже если брат твой имеет что-нибудь на тебя, и тогда — «остави ту дар твой пред олтарем и шед прежде смирися с братом твоим» (Мф. 5; 23-24). Это — самое первое и главное: помирись с ближним твоим. Потом читай по порядку десять заповедей Божиих (Исх. 20; 2,4-5, 7-10, 12-17). Вот первая говорит: «Аз есмь Господь Бог твой, да не будут тебе бози инии, разве Мене». Правда, ты — христианин православный, ты веруешь в Единого Бога истинного; но почитаешь ли Его как должно? Любишь ли Его всем сердцем твоим? Не отчаивался ли в Его милосердии? Не надеялся ли на людей больше, чем на Господа Бога? Не нарушал ли заповедей Божиих из угождения людям? Не прибегал ли к каким суевериям? к гаданию? к ворожбе и волшебству? Не веришь ли приметам суетным? Не сомневался ли в святых догматах веры православной? Не читал ли из грешного любопытства книг безбожных и еретических?

Вторая заповедь запрещает поклоняться идолам. Ты и не кланяешься идолам. Но ведь и любостяжание, по слову апостола Павла, есть тоже «идолослужение» (Кол. 3; 5), и у чревоугодников есть свой бог — «чрево» (Флп. 3; 19), и гордые, тщеславные, лицемерные сами себя ставят выше всего, сами из себя делают идолов: не угождаешь ли, не служишь ли и ты своему чреву, своему самолюбию, своей жадности и скупости как идолам? Не искал ли ты чести и славы людской? Не гордился ли чем? Не гонялся ли за богатством?

Третья заповедь гласит: «*Не приемли имене Господа Бога твоего всуе*», то есть напрасно. Ах, как часто нарушаем мы эту великую заповедь! Не говорю уж о божбе в обыкновенных разговорах: всякий знает, что это грешно; но, положим, что ты удерживаешь себя от такой божбы, но всегда ли ты с благоговением произносишь святейшее имя Божие! Не роптал ли ты на Бога в скорбях твоих? Не обращал ли в шутку слов Священного Писания? Внимательно ли, не рассеянно ли стоял ты на молитве? Не нарушал ли обетов, данных Господу? Все это грехи против третьей заповеди.

Четвертая повелевает свято чтить дни праздничные. Всякий знает, что работать в праздничные дни грешно, но ведь работать для того и запрещено в эти дни, чтобы свободнее было делами Божиими заниматься. А так ли ты поступал? Ходил ли в церковь Божию? Не смеялся ли, не празднословил ли в доме Божиим? Не уходил ли раньше отпуска? Не прикасался ли к святыне в нечистоте телесной? Молишься ли дома? Читаешь ли слово Божие? Помогаешь ли бедным? Навещаешь ли болящих? Не проводил ли святые дни в праздности, в играх и забавах? Не пел ли светских песен? Не упивался ли вином? Не услаждался ли лакомством? Все это грешно и в простые дни, а в праздники — вдвое грешнее. Не нарушал ли святых постов? Это такие же установления церковные, как и праздники.

Вот пятая заповедь: «*Чти отца твоего и мать твою*». Тут всю свою семейную жизнь рассмотри: почитаешь ли родителей? покоишь ли их на старости лет? А если они умерли — молишься ли о упокоении душ их? Не обходился ли сурово с детьми? Не оскорблял ли жены, братьев, сестер и других родных? Как обходишься с прислугой? Затем к жизни общественной и церковной перейди: молишься ли за Царя и Его Царскую Семью, за всех начальников? Почитаешь ли пастырей Церкви, отца духовного и крестных отца и мать? Поминаешь ли их на молитве твоей? Слушаешься ли их наставлений? Не обижал ли кого постарше себя и особенно благодетелей? А если Бог тебя поставил начальником, то как обходишься с подчиненными? Широка заповедь сия!

«Заповедь шестая говорит: «*Не убий*». А можно и словом убить человека. Итак, не имел ли ты злобы на кого? не досаждал ли, не бранил ли? не смеялся ли над кем? Бывает и так: человек на твоих глазах мучился, из сил выбивался, ты мог бы помочь ему, но не помог, а он, бедный, и умер от излишних трудов. Разве ты не ответишь перед Богом за него? Итак, покайся, непременно покайся в этой жестокости своей. Спроси еще себя: не укрыл ли

ты какого убийцу? Не изнурял ли наемных людей работой? Не покушался ли на свою собственную жизнь? Это ужасный грех... Не соблазнял ли кого на грех? Соблазн — это убийство духовное.

Седьмая заповедь запрещает всякую плотскую нечистоту. Нелегко бывает исповедать эти грехи. Смотри, чтобы грешная совесть твоя не стала лукавить перед духовным отцом; помни, что Бога не обманешь, и оправданий наших Ему не нужно. Духовного отца не стыдись: он такой же человек, как и ты. Осмотрись внимательнее и поведай перед ним без всякой утайки болезни души твоей. Кроме грехов блудных, сюда же отнеси грешные песни, пляски, сквернословие, нескромные игры и шутки, смехотворство, чтение книг безнравственных, нескромные зрелища, наряды, пьянство и подобные грехи.

Восьмая заповедь говорит: «*Не укради*». Положим, ты не крал, не грабил, не обирал никого. Но не обманул ли кого? Не подкупил ли? Не принимал ли краденого? Не брал ли с кого взятку? Не занимался ли ростовщичеством? Не гнал ли от себя бедняка? Не жил ли сам без нужды, на чужой счет? По совести ли распоряжался чужим добром, если оно тебе было доверено? Все это противно восьмой заповеди Божией.

А против девятой заповеди кто из нас не грешил? Кто не осуждал ближнего? Кто не лгал? А сплетни, пересуды, всякое празднословие?

И против десятой заповеди кто не согрешает? Сказано: «*Не пожелай*», а у нас сколько зависти, недовольства, сколько всяких нечистых грешных помыслов и пожеланий!.. После этих святых заповедей раскрой Святое Евангелие и прочти хотя бы только три главы из Евангелия от Матфея: 5-ю, 6-ю и 7-ю. Читай и спрашивай сам себя: исполнял ли то, что там написано? Не знаешь ли еще чего-нибудь за собой, в чем укоряет тебя совесть твоя? И сколько еще грехов откроешь ты в своей совести, и невольно содрогнется сердце твое, и пойдешь ты к отцу духовному уже готовый, с открытой душой. Не худо, если сам для себя и запишешь свои грехи, чтобы легче было припомнить их на исповеди. А главное — сокрушай свое сердце, и перед самой исповедью помолись Господу Богу, чтобы помог тебе очистить совесть свою покаянием. В писаниях отеческих есть особая молитва перед исповедью, вот она:

Молитва преподобного Симеона Нового Богослова

Боже и Господи всех! Всякаго дыхания и души имый власть, Един исцелити мя могый, услыши моление мя окаяннаго, и гнездящагося во мне змия наитием Всесвятаго и Животворящаго Духа умертвив потреби: и мене нища и нага всякия добродетели суща, к ногам святаго моего отца (духовного) со слезами припасти сподоби, и святую его душу к милосердию, еже миловати мя, привлецы. И даждь, Господи, в сердце моем смирение и помыслы благи, подобающия грешнику, согласившемуся Тебе каятися, и да не в конец оставиши душу, единою сочетавшуюся Тебе и исповедавшу Тя, и

вместо всего мира избравшу и предпочетшу Тя: веси бо, Господи, яко хощу спастися, аще и лукавый мой обычай препятствием ми бывает: но возможна Тебе, Владыко, суть вся, елика невозможна суть от человек. Аминь.

208. Не бойся "черного дня"!

«Не пещытесе убо на утрей, утрений бо собою печется: довлеет дневи злоба его» (Мф. 6; 34). Это — святейшие глаголы Господа нашего Иисуса Христа; а каждое слово Его для нас — святейшая заповедь, непреложный закон. «Не пещытесе убо на утрей...». Но как же это, Господи, не заботиться нам о завтрашнем дне? Возможно ли это для нас, бранных, плотью облеченных созданий Твоих? По силам ли нам такая заповедь?

«Иго бо Мое благо (Мф. 11; 30), — отвечает Милосердый Господь, — и заповеди Мои тяжки не суть» (1 Ин. 5; 3). «Ищите же прежде Царствия Божия и правды Его, и сия вся приложатся вам» (Мф. 6; 33). «Весть бо Отец ваш Небесный, яко требуете сих всех» (Мф. 6; 32). «Воззрите на птицы небесныя, яко не сеют, ни жнут, ни собирают в житницы, и Отец ваш Небесный питает их. Не вы ли паче лучши их есте?» (Мф. 6; 26). «Вам же и власи главнии еси изочтени суть» (Мф. 10; 30). «Не пещытесе убо на утрей... довлеет дневи злоба его!»

Слышите ли, други мои, что глаголет Господь? «Не пещытесе!...» А у нас, грешных... сколько забот и хлопот, сколько тревог и опасений, а главное, сколько зависти, обмана и всякой неправды из-за того, чтобы побольше захватить в свои руки благ земных, чтобы достало этих благ не на завтра только, но и на всю нашу жизнь... И особенно в наше грешное время: люди будто помешались на том, как бы побольше нажить, — только у них и помыслов, только и заботы... Что греха таить? У кого там, в глубине грешного сердца, не кроется грешный помысл: "авось еще поживу, на черный день пригодится. Теперь-де, я живу, славу Богу, ни в чем не нуждаюсь, а вот придет старость не радость, начнутся недуги да болезни... ныне на родных детей нельзя надеяться, а от чужих и подавно не жди помощи: как не иметь лишней копейки на черный день? Ведь пожалуй, тогда на улицу выкинут, с голоду помрешь; нет, пока могу, пока силы есть, трудиться надобно, работать нужно, чтобы припасти денежку на черный день!" Какие, казалось бы, умные речи! Какие убедительные рассуждения! Скажи такому человеку: "А что, друг мой, если и над тобой (от чего Господь да помилует и тебя и меня и всех нас, грешных), что если над тобой уже произнесен грозный приговор: «безумие, в сию ночь душу твою истяжут от тебе, а яже уготовал еси, кому будут!»» (Лк. 12; 20). У него и на это готов ответ: "Сам умру — детям останется, дети спасибо скажут". И вот человек из сил выбивается, ни дня, ни ночи покоя не знает, придумывая, как бы побольше нажить, где бы повыгоднее купить, подороже продать, хотя бы и с обманом, с обидой ближнего: "после-де, покаюсь!" И праздники Господни такой человек

просиживает за прилавком или с инструментом в руках; и эти дни святые, дни Господни, не стыдится отнимать у Господа Бога, забывая, что они не наши, а Божий, что мы не имеем права в эти святые дни своими житейскими делами заниматься...

Но так ли, возлюбленные, надо жить? Позволительно ли нам, христианам, так рассуждать? Послушаем одного древнего старца, подвижника; он расскажет нам историю поучительную; и мы сами увидим тогда, что лучше: положиться ли на непреложные обетования Господа нашего, или самим взять на себя попечение о своей будущей судьбе?

Жил один труженик, садовник, по имени Иоанн; много работал он, но денег не копил: что останется, бывало, все нищим раздаст. Но вот однажды он задумался: "А что, если я состарюсь, да разболеюсь? Кто меня приютит тогда? Чем я буду жить?" Подумал так, и стал откладывать на черный день, сначала понемногу, потом побольше, а там и совсем о нищих забыл. Но Господь не забыл его прежней добродетели; скопил он себе денег на черный день, и пришел для него этот черный день. Открылась у него на ноге рана страшная, и работать стало нельзя. Слег он в постель и начал у врачей искать помощи. Скоро все свои деньги истратил несчастный, а помощи не было. Наконец, ему прямо сказали: "Если не отнять у тебя ногу, ты должен умереть". Больно было ему слышать такой себе приговор, но делать было нечего — решился наутро вытерпеть отсечение ноги... А ночью, между тем, он задумался, вспомнил свою прежнюю жизнь и стал каяться и просить у Господа милости. И вот является к нему Ангел Господень и говорит ему: "Иоанн! Где же твои деньги, которые ты собирал?" Заплакал страдалец: "Согрешил я, Господи, прости меня, впредь не буду!" И коснулся тогда Святой Ангел Божий болящей ноги Иоанновой, и стал Иоанн всем телом здоров. С той поры он грехом почитал копить деньги на черный день: "На что мне деньги, когда Сам Господь печется о мне?" — говорил Иоанн...

Согрешили мы, Господи, и нашим маловерием; Ты говоришь: Отец Небесный печется о нас, а мы совсем забыли о Тебе, Милосердый наш Отец Небесный; Ты вещаешь: ищите прежде всего Царствия Божия и правды его, а мы прежде всего ищем благ земных, да еще с неправдой, а о Царствии Божиим — странное дело! — отложили всякое попечение! Но скажет иной: "Ужели же не нужно вовсе трудиться? Ужели надо сидеть сложа руки и ждать, пока само все придет?" Помилуй Бог, друзья мои; зачем так говорить? Труд — дело святое, дело Богом благословленное; трудись, и в поте лица твоего снедай хлеб твой: это заповедь Божия; кто не трудится, тот и хлеба не стоит: «аще кто не хочет делати, ниже да яст!» (2 Фес. 3; 10) — говорит слово Божие. Но не всякий труд Богу угоден — вот что я хочу сказать. Иное дело трудиться во славу Божию, а иное дело — гоняться за богатством; иное дело — заботиться о семье, о детях, чтобы они были и сыты и одеты, и в страхе Божиим воспитаны, а иное дело — мечтать о будущем, гадать о том, что еще в руках Божиих... Иное дело работать, чтобы остатком от трудов своих поделиться с бедным, с больным, с сиротой, а иное дело — копить эти

избытки на какой-то черный день, от которого тебя Господь сохранит; да если бы и случилась какая беда попущением Божиим, что до того? У тебя есть Отец Небесный, Который знает все нужды твои: только потерпи, помолись — Он не оставит тебя!

Нет, друг мой, забудь ты этот черный день; трудись только ради Господа, об одном пекись, как бы Ему угодить, как бы побольше добра сделать, пока можно, пока силы есть... Вот о чем заботься, вот о чем думай день и ночь, вот куда отдавай избытки трудов твоих праведных!... Посмотри, сколько вокруг тебя нищеты безысходной! Вот сирота плачет под окном твоим: ему холодно — одень, приюти его, он голоден — накорми его, некому утешить его — утешь, приласкай его, устрой судьбу его, — вот у тебя и есть уже теплый усердный молитвенник за тебя пред Господом; а если бы и он забыл — Бог не забудет, Бог за него заплатит тебе! Или вот твой сосед, бедняк, из сил выбился: давно болеет он, все хозяйство у него развалилось: есть ему нечего, протопить в мороз хижину — полена нет; помоги ему, брат возлюбленный, помоги ради Христа Господа! Христос Себе вменит услугу твою, так Он Сам обещал: «понеже сотвористе единому сих братии Моих меньших, Мне сотвористе» (Мф. 25; 40).

А вдовы беспомощные, а девицы бесприданые, а калеки несчастные, а Церковь Божия и ее бедные служители, труженики?... Ах, друг мой, брат мой, сколько добра можно сделать даже с одним лишним рублем: и сколько душе-то радости, сколько сердцу-то блаженства доставит одно дело доброе! Ты начни только, сделай раз, два, и ты сам узнаешь, как хорошо трудиться для Господа: тебя так и потянет к добру; только делай все просто, так, чтобы люди поменьше знали о твоих добрых делах: тогда тебе и на ум не придет этот черный день; доживешь — Бог даст — до глубокой старости, в мире и добром здравии, и пошлет тебе Господь кончину истинно-христианскую, непостыдную, мирную и безболезненную! Не оставит Он и детей твоих: пророк Давид — порука тебе в том: «не видех, — говорит он, — праведника оставлена, ниже семени его просяща хлеба» (Пс. 36; 25). Ты слышал вот, что садовнику тому было сказано: если бы он не копил себе денег на черный день, то беды бы вовсе не было, а лишь взял на себя попечение о судьбе своей, не доверился Промыслу Божию, и случилась беда попущением Божиим.

209. Без исповеди — неполно покаяние

«Во гресех твоих стал еси предо Мною и в неправдах твоих. Аз есмь, Аз есмь заглаждая беззакония твоя Мене ради и грехи твоя, и не помяну. Ты же помяни, и да судимся: глаголи ты беззакония твоя прежде, да оправдишися» (Ис. 43; 24-26).

Для Всеведущего были ли неизвестны грехи и беззакония, коими народ Израильский покрыт был, по выражению пророка, от главы до ног? Между

тем, Премудрость Божия в непремненное условие помилования поставляет, чтобы народ Израильский не только осознал свои грехи, не только разлюбил и отверг их навсегда, но и чтобы исповедал их вслух перед всеми. «Глаголи ты беззакония твоя прежде, да оправдишися». Для чего это? Для того, дабы явно было, что он помнит все грехи свои, и ведаёт всю тяжесть их, что он ненавидит неправды свои и потому не хочет более скрывать их от правосудия Божественного.

Следуя этому, и Святая Церковь требует, братие, от нас не одного внутреннего покаяния в грехах наших, а и внешней исповеди их перед служителями алтаря. Итак, возлюбленные, если уж врачеваться, то — врачеваться; оставим все суетные мудрования плоти, сбросим все покровы самолюбия и ложного стыда; и явимся к купели покаяния такими, какими входили в купель крещения — нагими!.. Когда началась исповедь? Вопрос самый простой, но, в ответ на него, я должен повести вас далеко, далеко — в рай! Помните ли, что последовало за падением наших первых прародителей? Надлежало последовать смерти; ибо ясно сказано было: «а в оньже аще день снете от него (запрещенного древа), смертию умрете» (Быт. 2; 17). Вместо этого является Сам Господь жизни и смерти. Для чего? Для принятия от согрешивших исповеди. «Адаме, — говорит Он, — где еси?» (Быт. 3; 9). Мог ли Всеведущий не знать, где был Адам? Но Премилосердый хотел возбудить падшего человека к сознанию своего бедственного состояния, дабы этим сознанием расположить его к исповеданию своего греха, к прощению и принятию помилования. Но, увы, на глас Божий наши праотцы отвечали не чистосердечным признанием греха, а преступным извинением его. «И рече Адам: жена, юже дал еси со мною, та ми даде от древа, и ядох» (Быт. 3; 12); «И рече жена: змий прельсти мя...» (Быт. 3; 13), то есть они думали вину падения возложить не только на змия, но даже на Самого Бога, только бы извинить себя самих! Так окончилась самая первая исповедь! Вы знаете, что за это худые исповедники посланы были на всегдашнюю, тяжелую епитимию до смерти — за вратами Едема...

И после этого несчастного опыта первой исповеди Милосердый Господь не оставил грешников. Каин умерщвляет своего брата: грех явен, преступление ужасно; чего ожидать, кроме наказания? Между тем, вместо казни — открывается исповедь. Паки является Сам Господь! — и как начинается исповедь братоубийцы? не угрозами, не обличениями, а отеческим вопросом: «где есть Авель брат твой?» Но, увы, такой избыток милосердия вызвал наружу опять одно ожесточение: вместо смиренного признания в грехе, несчастный отвечал: «еда страж: брату моему есмь аз?» (Быт. 4; 9). Известно, что было плодом и этого несчастного злоповедания: «стеня и трясыйся будеши на земли» (Быт. 4; 12), — сказано худому исповеднику!

Перед дверьми скинии свидения, а потом — храма, всегда было множество исповедников, которые, принося за грехи свои различные жертвы, возлагали на голову жертвы свои руки, исповедовали грехи свои, и таким

образом, по силе веры в будущую всемирную за грехи людей жертву Сына Божия, принимали оставление грехов (Лев. 4; 29). Кроме этого, каждый год, в день очищения, при собрании всего народа, совершалось великим Первосвященником таинственное исповедание грехов всего Израиля (3 Цар. 21; 27-29). При особенных случаях являлись и чрезвычайные лица для принятия исповеди: так, пророк Нафан послан был самим Богом обличить Давида, и, по принятии от него исповеди, объявил ему помилование от лица Божия.

Перед пришествием на землю Самого Врача душ и телес послан был приготовить путь Ему в сердцах людей Предтеча. Вся жизнь и все служение его состояло в проповеди покаяния, и в принятии исповеди от кающихся. «Тогда исхождаше, — говорится в Евангелии, — к нему вся Иерусалима, и вся Иудея, и вся страна Иорданская, и крещахуся во Иордане от него, исповедающе грехи своя» (Мф. 3; 5-6).

Наконец, является Сам «Агнец Божий, взявляй грехи мира» (Ин. 1; 29), Господь Иисус. Как Сердцеведец, Он не имел нужды, чтобы кто-то свидетельствовал перед Ним о том, что есть в каждом человеке, — какова его жизнь и каковы грехи: однако же Он предварял отпущение грехов вопросом: «хощеши ли цел быти?» (Ин. 5; 6); «ты веруеши ли в Сына Божия!» (Ин. 9; 35). И отпущение грехов сопровождал наставлением: «ктому не согрешай, да не горше ти что будет». (Ин. 5; 14). Самым последним делом Господа на кресте была исповедь разбойника, а по воскресении одним из главных дел — исповедь Петра, отвергшегося во время Его страданий.

Как ни драгоценны ключи Царствия Небесного, но поскольку мы имеем в них непрестанную нужду, то, еще до смерти Своей, Он передал их апостолам, сказав: «и еже аще разрешиши на земли, будет разрешено на небесех» (Мф. 16; 19). Апостолы Христовы также не взяли с собой ключей Царствия на небо; в писаниях своих они ученикам и преемникам своим завещают продолжать великое дело примирения с Богом грешников, и для этого дают право вязать и разрешать совести. Ревность и усердие христиан первых веков сделали так, что кающийся исповедовал грехи свои перед всеми, и в знак раскаяния всенародно проходил различные степени покаяния с таким самоотвержением, что всенародное исповедание грехов начинало делаться опасным, по немощи слуха многих. Поэтому Богомудрые пастыри Церкви, особенно святитель Иоанн Златоуст, поспешили обратить исповедь из всенародной в частную, только перед духовным отцом, какой она без изменений остается и донныне. Видите ли теперь, что исповедь есть дело милосердия Божия, который сказал: «Не хощу смерти грешника, но еже обратитися нечестивому от пути своего и живу быти ему» (Иез. 21; 26).

"Все это справедливо, — скажет кто-либо, — но почему бы исповедь не совершать перед одним Богом? Зачем тут посредники — люди?" Затем, возлюбленный, что ты сам — человек! Справедливо, что исповедь приносится единому Богу, но если ты искренно раскаиваешься в том, что огорчил своего Владыку, Творца и Благодетеля, то ответ на твою исповедь

должен быть для тебя крайне дорог. Благодарю же благость Божию за то, что ты каждый раз можешь слышать ответ из уст своего духовного отца. "Но моя совесть, — подумает иной, — может служить для меня ответом!", то есть подсудимый будет сам изрекать себе помилование! Возможно ли это? Если ты истинно каешься, то совесть твоя более всего сама имеет нужду в успокоении от другого. В этом случае успокоительный голос не только служителя алтаря, даже простого человека весьма дорог, и нередко спасает от отчаяния. "А если так, — скажешь еще, — то я могу обратиться за этим к кому-либо из ближайших ко мне людей, заслуживших мое доверие". Обратиться за тем, чтобы услышать из уст его прощение от лица Божия? Но дерзнет ли ближний твой, если он в самом деле благочестив, принять на себя столь великое дело? И какая разница — услышать уверение в милосердии Божиим от обыкновенного человека, и услышать его торжественно из уст служителя алтаря, который уполномочен на то Самим Господом! Само собой разумеется, братие, что исповедь перед священником несколько не препятствует исповеди по взаимному Христианскому доверию. Напротив, апостол говорит: «Исповедайте убо друг другу согрешения ваши и молитесь друг за друга, яко да изцелеете» (Иак. 5; 16). Несколько также не препятствует исповедь перед священником сокрушенному исповеданию грехов своих перед Богом. Для этого даже указываем всем и каждому на "Молитву исповедания к Богу человека, полагающего начало спасения", составленную и оставленную, можно сказать, в духовное наследие для всех истинно кающихся святителем Димитрием Ростовским. В этой "Молитве исповедания" каждый найдет не только указание, как приносить ежедневное исповедание Богу во грехах, но и самое исповедание и, дерзну сказать, самое покаяние и милость Божию. Аминь.

(Из сочинений Иннокентия, архиепископа Херсонского)

210. Величие Таинства Святого Причащения

Причащение Святых Христовых Таин есть самое великое из всех чудес, какие совершила сила Божия, — оно есть величайшее из всех Таинств, какие изобрела премудрость Божия, оно есть самый бесценный из всех даров, какие только даровала нам благость Божия. Приидите сюда мудрецы всего света, своим умом постигшие многие тайны природы; соберитесь все Богословы церковные, наставлением Святаго Духа исследовавшие глубины Божественных Писаний; или лучше скажу: приинкните сюда сами Херувимы Небесные, многоочитые таинники Божиих тайн, окружите эту священную трапезу страшного Таинства. Вы видите здесь хлеб и вино; но под видом этого хлеба, этого вина здесь предлежит Сам Богочеловек Иисус Христос. Сокровен Он здесь и по Божеству Своему, и по человечеству. Воистину здесь видится Таинство Таинств, сокровеннейшее из всех Таинств, превосходящее всякий ум человеческий; поистине это Таинство есть величайшее из всех,

какие изобрела Божия премудрость! Но оно в то же время есть свидетельство бесконечной любви Божией к нам грешным. «Возлюбль своя сущия в мире, Христос до конца возлюби их» (Ин. 13; 1), то есть показал на них всю любовь, какой Бог может возлюбить человека. Велика Его любовь и в том, что Он воплотился, стал человеком ради нас; так велика Его любовь, что Он умер за нас; но и этого было недостаточно для любви Его: Он каждый день Сам предлагает нам Тело Свое в пищу нетленную... Хвалились древние евреи, что Бог не сделал никакому другому народу того, что сделал для них, когда провел их через Чермное море, когда питал их манной в пустыне, поил водой, чудесно из камня истекшей. Но что такое Чермное море в сравнении с животворящей Кровью Христовой? Что манна в сравнении с Телом Христовым, этим хлебом, спешшим с небесе (Ин. 6; 33), Егоже «аще кто... яст, не умрет?» (Ин. 6; 40). Что такое камень, из которого истекли воды для евреев, в сравнении с этим камнем — Христом, источающим воды живые, текущие в жизнь вечную? И какое доказательство Своей любви мог бы дать нам Спаситель мира, лучше того, чтобы, претворив хлеб и вино в Тело и Кровь Свою, даровать нам это для причащения, дабы таким образом Ему не разлучаться с нами никогда? Поистине это дело бесконечной, непостижимой любви Божией к нам, грешным, это — сокровище благодати Божественной! Поэтому, «да искушает же человек себе, — поучает апостол Павел, — и тако от хлеба да яст и от чаши да пьет» (1 Кор. 11; 28). Пусть прежде Причащения испытает свою совесть, и если есть в ней какое препятствие — пусть его устранил, если есть какой узел — пусть развяжет. Когда Моисей увидел купину горящую, но не сгоравшую, и хотел подойти к ней ближе, то услышал глас Божий: «Моисее, Моисее!., не приближайся семо; изуй сапоги от ног твоих: место бо, на немже ты стоиши, земля свята есть» (Исх. 3; 4-5). Брат христианин, желающий причаститься Святых Таин! Видишь ли ты этот Святой Хлеб? Видишь ли ты Чашу, стоящую на святом престоле? Там Тело Христово, там Кровь Христова, там Сам Бог находится телесно! Это — огонь Божественный, достойных просвещающий и очищающий, а недостойных опаляющий и сожигающий. «Не приближайся семо», не подходи. Прежде распутай связывающие твою душу узы греховные чистосердечной исповедью. Если ты с кем во вражде, — развяжи узел вражды и примиришься с ближним твоим. Если ты обидел кого, если что украл, отнял, если держишь чужую вещь, — развяжи узел обиды, возврати обиженному отнятое тобой. Если живешь в преступной связи с кем, к соблазну многих, — рассеки этот греховный узел, освободи душу из плена диавольского. «Место бо, на немже ты стоиши, земля свята есть!» Этот святой престол, к которому ты приближаешься, это место, где ты стоишь и причащаешься, есть Святая-святых — «земля свята есть!» Тут невидимо предстоят Святые Ангелы и закрывают свои лица от страха, трепета и благоговения. Тут стояли святители Василий Великий и Иоанн Златоуст, мужи, свободные от всяких уз греховных, люди святые, изможденные подвигами, земные ангелы по чистоте души, — однако же, и они объявляли себя недостойными: первый

говорил: "Вем, Господи, яко недостойне причащаюся", а второй: "Господи Боже мой! вем, яко несемь достоин..." А ты, быть может, тысячами грехов осквернил душу, может быть за много лет грехов не понес ни одной епитимии: смотри же, «не приближайся семо» без испытания, прежде освободись от грехов, исповедуйся, покайся, и только тогда, получив прощение, облегчив душу, приблизься, приступи, но и то — не иначе, как с благоговением и сознанием своего ничтожества. Моисей со страхом подходил к горящей купине, в которой был Сам Бог. С тем же страхом и трепетом отвержай и ты свои уста к принятию Святого Причащения. И ты говори: "Верую, Господи, что Ты — Бог; исповедую, что я — грешник; верую, что Ты — огонь поядающий; исповедую, что я — трава иссохшая... Недостойн я, по грехам моим, приступать к Богу, дабы не потерпеть мучения, как сено не может коснуться огня, чтобы не сгореть. Но Ты Сам зовешь меня, Сам призываешь: итак, иду я, нечистый, чтобы получить очищение от Тебя, Источника святости; иду немощный, чтобы получить исцеление от Тебя — Врача душевного и телесного; иду мертвый, чтобы получить воскресение от Тебя, хлеба жизни. Я иду освятиться и просветиться, — потому более и иду, что я грешен и недостойн... Иду к Тебе, чтобы не удалиться от Тебя, чтобы враг совсем не завладел душой моей. И паки исповедую, что я недостойн, потому что я грешен. Но Ты ведь и пришел на землю для того, чтобы грешников спасти! «Господи, спаси мя! Благословен грядый во имя Господне!» (Пс. 3; 8; 117; 26).

С такими чувствами и помышлениями приступай к Святому Причащению, и тогда это великое Таинство не будет тебе во осуждение. Когда Моисей сходил с Синайской горы, лицо его так сияло, что народ Израильский не мог смотреть на него. Поэтому Моисей и возложил покрывало на лицо свое. Так просияло небесной славой лицо Моисеево от того только, что он беседовал с Богом на Синае. Но подумайте, братие, какое великое различие: беседовать с Богом — и принимать Самого Бога в свои уста, в свое сердце!.. Если лицо Моисея так сияло от одного собеседования, то как же не сиять душе того, кто причащается самого Тела и Крови Христовой в пречистых Таинах? Боялись евреи смотреть на сияющее лицо Моисеево; а святитель Иоанн Златоуст говорит, что диаволы боятся, трепещут, бегут от лица причащающегося Святых Таин, потому что в тот час причастник дышит огнем Божественным. Видение дивное для Ангелов и страшное для демонов! Не сияет так звезда на небе, как сияет душа христианина от света благодати Божией в тот час, когда он причащается. И это потому, что когда мы причащаемся, тогда сами соделываемся членами Тела Христова, соединяемся со Христом. И если бы душа наша в этот час разлучилась с телом, то она получила бы себе место с мучениками, девственниками и преподобными... Боже мой! Избавителю мой! Пусть я умру, если будет на то воля Твоя святая, в лесу ли глухом, или в ином каком пустынном месте; это для меня все равно, лишь бы прежде смерти сподобиться мне причащения пречистого Тела и Крови Твоей! Ведь если в

тот час Ты будешь при мне, то я не боюсь погибели; с таким напутствием, как Тело и Кровь Твоя, я крепко надеюсь достигнуть Твоего Небесного Царствия. Брат христианин! Когда ты причастишься Святых Христовых Таин, то берегись, как бы не потерять того, что получил. Веди себя осторожно, чтобы не выпал у тебя этот драгоценный камень. Охраняй себя отовсюду, чтобы не выхватил его лукавый из души твоей. Освятился ты святыней: живи же теперь, как подобает святому. Вышел ли чистым от омовения благодатью Христовой? Не впадай же снова в скверны прежних грехов. Исцелился ли ты душой? Не заражайся опять прежней болезнью. Соединился ли со Христом? Не разлучайся с Ним. Ему слава во веки. Аминь.

(Из "Поучительных слов" святителя Илии Миняitia)

211. Покаяние Ниневитян

От Бога никуда не убежишь; лучше к Нему же, Милосердому, прибегать с покаянием. Он говорит: «нехошу смерти грешника» (Иез. 33; 11), и готов всегда помиловать кающегося, как бы ни были велики и тяжки его грехи. Поучительный и утешительный для нас, грешных, пример такого помилования представляет история святого пророка Ионы. Раскроем его священную книгу и послушаем, о чем повествует пророк.

«И было слово Господне к Ионе, сыну Амафиину: встань, иди в Ниневию, город великий, и проповедай в нем, ибо злодеяния его дошли до Меня» (Иона. 1; 1). Знал пророк, что Господь многомилостив, что если Ниневитяне станут каяться, Он сжалится над ними и не исполнит угрозы Своей; знал это пророк и побоялся, чтобы его пророчество не осталось неисполненным. «И встал Иона... и пришел в Иоппию (ныне Яффа), и нашел корабль, отправлявшийся в Фарсис, отдал плату за провоз и вошел в него, чтобы плыть с ними в Фарсис от лица Господа. Но Господь воздвиг на море крепкий ветер, и сделалась на море великая буря, и корабль готов был разбиться. И устрешились корабельщики, и зывали каждый к своему богу, и стали бросать в море кладь с корабля, чтобы облегчить его от нее; Иона же спустился во внутренность корабля, лег и крепко заснул. И пришел к нему начальник корабля и сказал ему: что ты спишь? встань, воззови к Богу твоему; может быть, Бог вспомнит о нас и мы не погибнем. И сказали друг другу: пойдем, бросим жребии, чтобы узнать, за кого постигает нас эта беда. И бросили жребии, и пал жребий на Иону. Тогда сказали ему: скажи нам... какое твое занятие, и откуда идешь ты? где твоя страна, и из какого ты народа?" И он сказал им: я Еврей, чту Господа Бога небес, сотворившего море и сушу. И устрешились люди страхом великим и сказали ему: для чего ты это сделал? Ибо узнали эти люди, что он бежит от лица Господня, как он сам объявил им. И сказали ему: что сделать нам с тобою, чтобы море утихло для нас?.. Тогда он сказал им: возьмите меня и бросьте меня в море, и море утихнет для вас, ибо я знаю, что ради меня постигла вас эта великая буря. Но

эти люди начали усиленно грести, чтобы пристать к земле, но не могли, потому что море все продолжало бушевать против них. Тогда воззвали они к Господу, и сказали: молим Тебя, Господи да не погибнем за душу человека сего, и да не вменишь нам кровь невинную; ибо Ты, Господи, соделал, что угодно Тебе! И взяли Иону и бросили его в море, и утихло море от ярости своей. И устрашились эти люди Господа великим страхом, и принесли Господу жертву, и дали обеты» (Иона. 2; 1-11).

«И повелел Господь большому киту поглотить Иону; и был Иона во чреве этого кита три дня и три ночи. И помолился Иона Господу Богу своему из чрева кита и сказал: к Господу воззвал я в скорби моей, и Он услышал меня; из чрева преисподней я возопил, и Ты услышал голос мой. Ты вверг меня в глубину, в сердце моря, и потоки окружили меня, все воды Твои и волны Твои проходили надо мною. И я сказал: отринут я от очей Твоих, однако я опять увижу святой храм Твой. Объяли меня воды до души моей, бездна заключила меня; морскою травой обвита была голова моя... но Ты, Господи Боже мой, изведешь душу мою из ада. Когда изнемогла во мне душа моя, я вспомнил о Господе, и молитва моя дошла до Тебя, до храма святого Твоего. Чтущие суетных и ложных богов оставили Милосердного своего, а я гласом хвалы принесу Тебе жертву; что обещал, исполню: у Господа спасение. Так молился пророк во чреве кита. И сказал Господь киту, и он изверг Иону на сушу» (Иона. 2; 1-11).

«И было слово Господне к Ионе вторично: встань, иди в Ниневию, город великий, и проповедай в ней, что Я повелел тебе. И встал Иона и пошел в Ниневию, по слову Господню; Ниневия же была город великий у Бога, на три дня ходьбы. И начал Иона ходить по городу... и проповедывал, говоря: еще сорок дней и Ниневия будет разрушена! И поверили Ниневитяне Богу, и объявили пост, и оделись во вретница, от большого из них до малого. Это слово дошло до царя Ниневии, и он встал с престола своего, и снял с себя царское облачение свое, и оделся во вретнице, и сел на пепле, и повелел провозгласить... "чтобы ни люди, ни скот... ничего не ели... и воды не пили; и чтобы покрыты были вретницей люди и скот и крепко вопияли к Богу, и чтобы каждый обратился от злого пути своего и от насилия рук своих. Кто знает, может быть, еще Бог умилосердится и отвратит от нас пылающий гнев Свой, и мы не погибнем ". И увидел Бог дела их, что они обратились от злого пути своего, и пожалел Бог о бедствии, о котором сказал, что наведет на них, и не навел. Иона сильно огорчился этим, и был раздражен. И молился он Господу, и сказал: о, Господи! не это ли говорил я, когда еще был в стране моей? Потому я и побежал в Фарсис, ибо знал, что Ты Бог благий и милосердый, долготерпеливый и многомилостивый, и сожалеешь о бедствии. И ныне, Господи, возьми душу мою от меня, ибо лучше мне умереть, нежели жить... И вышел Иона из города, и сел с восточной стороны у города, и сделал себе там кущу, и сел под нею в тени, чтобы увидеть, что будет с городом. И произрастил Господь Бог растение, и оно поднялось над Ионою, чтобы над головою его была тень... Иона весьма обрадовался этому

растению. И устроил Бог так, что на другой день при появлении зари червь подточил растение, и оно засохло. Когда же взошло солнце, навел Бог знойный восточный ветер, и солнце стало палить голову Ионы, так что он изнемог и просил себе смерти, и сказал: лучше мне умереть, нежели жить. И сказал Бог Ионе... ты сожалеешь о растении, над которым ты не трудился и которого не растил, которое в одну ночь выросло и в одну же ночь и пропало. Мне ли не пожалеть Ниневию, города великого, в котором более ста двадцати тысяч человек, не умеющих отличить правой руки от левой, и множество скота?» (Иона. 3; 1-11).

Так милосердый Господь вразумил пророка и пощадил Ниневитян.

Братие мои! И мы, грешные, нуждаемся в милосердии Божиим; и нам, как Ниневитянам, грозит суд Божий: «аще не покаетесь, вси... погибнете!» (Лк. 13; 3). Ниневитяне были язычники, а мы именуем себя православными христианами, Ниневитянам проповедовал пророк Божий, а нам, грешным, вещает Сам Христос... Нам грешить непрощительнее, чем не ведавшим Бога язычникам... Что если на Страшном Суде Христовом мы окажемся хуже этих язычников? Говорил некогда Господь Иисус Христос Иудеям: «Мужие Ниневитстии востанут на суд с родом сим и осудят его, яко покающаяся проповедию Иониною, и се, боле Ионы zde!» (Мф. 12; 41). Что, если Ниневитяне осудят и наше нерадение, нашу нераскаянность в страшный тот день?.. «Еще сорок дней и Ниневия будет разрушена». — взывал Иона пророк к Ниневитянам. Кто знает, что и с нами будет через сорок дней, — даже меньше; даже завтра и сегодня? Бог терпит, терпит, — да и прогневается! Ах, други мои! Вот и нам Святая Церковь предлагает сорок дней — Святую Четырдесятницу для покаяния. И кто знает? Для многих, может быть, она будет последней... Поспешим примириться с Богом в Таинстве Покаяния, поспешим соединиться с Ним в Таинстве Причащения... О, если бы каждая весь, каждый город, если бы вся православная Русская Земля последовала в эти святые дни поста и покаяния примеру Ниневию, града великого. Какая радость была бы на небесах у Ангелов Божиих перед престолом Господа Милосердного!...

212. Православная Церковь — невеста Христова

«На сем камени созижду Церковь Мою, — глаголет Господь наш Иисус Христос во Святом Евангелии, — и врата ада не одолеют ее» (Мф. 16; 18). «Аще же и Церковь преслушает брат твой, буди тебе якоже язычник и мытарь» (Мф. 18; 17). Дорога и возлюбленна Господу невеста Его Церковь Святая, ибо Он «стяжа» ее, купил не тленным серебром и золотом, а «Кровию Своею» честною (Деян. 20; 28). Он «питает и греет ю» (Еф. 5; 29); Он — единая вечная «глава» ее (Еф. 1; 22; 5; 23); а для нас она — «столп и утверждение истины» (1 Тим. 3; 15), она — мать наша святая, ее мы должны слушать беспрекословно, как истинную мать. "Кому Церковь не

мать, тому Бог не отец", — говорит древний подвижник, священномученик Киприан, епископ Карфагенский. И счастливы мы, чада Святой Православной Церкви Восточной, потому что наша Церковь есть единая истинная невеста Христова. Вот неопровержимые свидетельства этой утешительной для нас истины.

Первое. Наша Православная Церковь есть самая древняя, Самим Христом Спасителем основанная и святыми Его апостолами утвержденная. Она неизменно содержит учение Апостольское, ее епископы ведут свое начало от самих апостолов, они правят верующими по правилам святых апостолов, совершают Таинства во всем согласно с Священным Писанием и преданием святых апостолов. Поэтому Церковь наша именуется Апостольской. Никакая секта, никакое новое учение не может носить это название, потому что не имеет начала от апостолов. Если лжеучители скажут, что их секта есть Апостольская Церковь, то спроси их: где же их церковь была, когда их секты еще не было? Новое нельзя назвать старым, как и старое новым. Все эти секты — новы по началу, а потому и не могут называться Апостольской Церковью.

Второе. Истинная Церковь не может прекратиться на земле, самые «врата адава не одолеют ей» (Мф. 16; 18), — это непреложные слова Самого Христа Спасителя; «небо и земля мимоидет, словеса же Моя не мимоидут» (Мф. 24; 35). Значит и теперь есть истинная Церковь на земле, и кто думает, что на земле нет истинной Церкви, Иисусом Христом основанной, тот не верит слову Христову и — страшно сказать —почитает ложным обетование Христа. А не богохульство ли это? Кто сочиняет свою церковь, тот противник истинной Церкви Христовой и враг Христу. Значит, все лжеучители, которые сочиняют новые веры, — противники Христовы. Если хочешь спастись, ищи спасения в Церкви древней, а такова и есть наша Святая Православная Церковь: древнее ее, как сказано ранее, нет Церкви на земле.

Третье. Истинная Церковь Христова непогрешима; она не может уклоняться от истины, не может заблуждаться в учении веры и погрешать. Христос есть Жених Церкви; Он обещал пребывать в ней «до скончания века» (Мф. 28; 20), Он «возлюбил Церковь», очистил, соделал ее святой и непорочной, питает Телом и Кровью Своею в Таинстве Причащения, «греет ю» животворящей благодатью Духа Всесвятаго (Еф. 5; 25-27, 29), хранит ее от заблуждений, как «деву чисту», нерастленную (2 Кор. 11; 2). Значит, кто думает, что Церковь Христова уклонилась от истины и погрешила, впала в ереси, в заблуждения, тот не верит Божественной силе Жениха ее — Христа Спасителя, не верит Его обетованиям, не хочет признать Церковь Христову непорочной девой, а почитает ее изменницей... Сердце содрогается при одной мысли о такой хуле на Церковь Божию! Церковь есть «жилище Божие» (Еф. 2; 22), есть дом Божий; она основана на твердом «камени» (Мф. 16; 18), «на основании Апостол и пророк, сушу краеуголну Самому Иисусу Христу» (Еф. 2; 20). Кто думает, что Церковь пала, тот уподобляет Христа

неразумному человеку, который основал свою храмину на песке: «и сниде, - сказано, - дождь, и приидоша реки, и возвеша ветри, и опрошася храмине той, и падеся, и бе разрушение ея велие» (Мф. 7; 26-27). Но ведь это — ужасное богохульство! Нет! Церковь есть только «столп и утверждение истины» (1 Тим. 3; 15), а «истина Господня пребывает во век» (Пс. 116; 2). Значит, и Церковь Христова всегда была истинной, непогрешимой и пребудет таковой до скончания века. И благодарение Господу: такова и есть, благодатью Христовой, наша Церковь Православная: она свято чтит слово Божие, как писанное, в Священном Писании заключенное, так и не писанное, в святых преданиях хранимое. «Испытайте Писаний», — глаголет Христос (Ин. 5; 39); «стойте и держите предания, имже научистесь или словом, или посланием нашим», — говорит апостол Христов Павел (2 Фес. 2; 15). И Церковь наша неизменно следует Священному Писанию, она неизменно держит и священное предание. Пусть еретики и раскольники, пусть все лжеучители дерзновенно отверзают на нее хульные уста свои: она свята и непорочна, как чистая дева. Пусть они устремляют на нее, по выражению апостола Христова, свои «волны свирепыя моря, воспеняюща» (Иуд. 1; 13) нечестивыми и хульными лжеучениями; она не боится этих волн, ибо основана на камени, — «камень же бе Сам Христос!» (1 Кор. 10; 4).

Четвертое. Истинная Церковь Христова имеет Богоучрежденное священноначалие: епископов, пресвитеров и диаконов. «Дух Святой» чрез таинственное рукоположение апостолов «поставил епископы пасти Церковь Господа и Бога» (Деян. 20; 28. Сравни 1 Тим. 4; 14; 2 Тим. 1; 6). Апостолы и епископы рукополагали по всем церквам пресвитеров (Деян. 14; 23. 1 Тим. 5; 22. Тит. 1; 5) и диаконов (Деян. 6; 6). Благодать священства, через преемственное рукоположение, дошла и до наших времен. Без епископов и священников не может быть и Таинств. А без благодати Таинств нет и спасения. «Аминь, аминь глаголю тебе, — говорит Господь, — аще кто не родится водою и Духом» в Таинстве Святого Крещения, «не может внити во Царствие Божие» (Ин. 3; 5). «Аще не снете Плоти Сына Человеческаго, ни пиете Крове Его» в Таинстве Святого Причащения, «живота не имате в себе» (Ин. 6; 53). «Имже отпустите грехи (в Таинстве Покаяния), — отпустятся им: и имже держите, держатся» (Ин. 20; 23), — говорил Он первым пастырям Церкви, Своим святым апостолам. И это право, и эта власть через таинственное рукоположение достигли и наших пастырей Церкви. Где нет епископа, там нет и Церкви, — говорят святые Игнатий Богоносец и Киприан. И опять возблагодарим Господа, Главу Церкви, что сподобил Он нас родиться в недрах Церкви Православной и пользоваться всеми Ее Богоустановленными Таинствами, которых нет и не может быть у самочинных сборищ разных новых и старых лжеучителей, хулящих нашу мать — Святую Православную Церковь!

Пятое. Наконец, Бог дает нам самое осязательное, чудесное удостоверение в том, что истинная Церковь Христова есть наша Православная Церковь: сколько святых угодников почивает в нашей Церкви

Православной открыто, в благоухании нетления, — сколько чудес совершается у их святых мощей и перед чудотворными иконами! Давно ли прославил Господь Своего великого угодника, нового чудотворца, святителя Тихона Задонского? При открытии святых мощей его — слепые прозревали, хромые ходили, немые говорили... И все это — в наши дни, на наших глазах! Только прислушайтесь слухом веры к рассказам смиренных богомольцев, посещающих наши святые места, и вы подивитесь несказанной милости Божией, являемой в нашей Церкви Православной и в наши грешные, скудные верой времена! Еще в 1881 году прославил Господь святую икону Матери Своей в семействе графа В.И. Канниста исцелением его дочери, и сколько чудес источила Пресвятая Дева от иконы Своей в течение двух — трех лет!... Чего еще можно требовать во уверение истинности нашей Православной Церкви? Господь видимо с нами и Дух Его в Церкви нашей пребывает. Всякому сомневающемуся мы можем сказать: «прииди и виждь...» Лжецам не станет потворствовать Господь!...

213. Страсти Христовы

Бесконечно велико Божие милосердие к нам, грешным! Бог «Сына Своего не пощадил, но предал Его за всех нас» (Рим. 8; 32), и вот Он, Единородный Сын Девы, удаленный от объятий Своей возлюбленной Матери, как бы оставленный Самим Безначальным Своим Отцом, один предается на страдания... Вот приближается к Нему в саду Гефсиманском один из Его учеников, но — увы! это Иуда предатель, отступник и льстец! «Иудо, лобзанием ли Сына Человеческого предаеши!» (Лк. 22; 48) — говорит ему кроткий Господь наш Иисус Христос: ведь ты — Мой апостол, Мой ученик, ужели и ты заодно с Моими врагами?... Но Иуда не слушает; у него одно на уме — тридцать сребренников; такая цена, которая была назначена Моисеем за убитого раба! И вот «Сын Человеческий... (предается)... на распятие» (Мф. 20; 18-19). Его крови жаждут архиереи и старцы; они давно ждут Его в палатах Анны и Каиафы. Сюда и приводят Иисуса.

Судии неправедные, свидетели лживые! Каков же будет ваш приговор? «Повинен есть смерти», — провозглашают они (Мф. 26; 66). Но если так, то зачем же плевать Ему в лицо, зачем бить и мучить Его? К чему эти насмешки, это закрывание лица, этот злорадный вопрос: «прорцы нам, Христе, кто есть ударей Тя?» (Мф. 26; 68). Иисусе мой, Избавителю мой! Вот до чего довела Тебя злоба людская! Скажи нам, — не ударяем ли Тебя и мы, грешные? И что больнее Тебе: удары ли иудейские или грехи христианские?... Ах, брат мой! Для Спасителя нашего, конечно, тяжелее было претерпеть отречение Петрово, нежели эти ударения слуг архиерейских; но помните, что вскоре за этим Петр, «изшед вон плакася горько!» (Мф. 26; 75). И блажен ты, апостол Христов, что во грехе был только один час, а оплакивал его всю

жизнь. А мы, несчастные, грешим всю жизнь и не поплачем ни одного часа, ни одной минуты!

Но обратим взоры к страждущему Господу. Настало утро пятницы. Открылось судилище Пилатово. Слышатся крики народные: «распни, распни Его!» (Лк. 23; 21). Злодею, разбойнику Варавве дают жизнь, а относительно Иисуса у всех одно мнение, один вопль: «да распят будет!» (Мф. 27; 22). Удивляется Пилат. Он спрашивает Иисуса: «что бо зло сотворил Сей?» (Лк. 23; 22). Странное дело! Разве ты, Пилат, только один в целом Иерусалиме не знаешь великих дел Иисуса Назарянина? Он слепых просветил, прокаженных очистил, расслабленных исцелил, мертвых воскресил, народ голодный напичкал, души заблудших научил — вот что Он сделал, а ты спрашиваешь: «что бо зло сотворил Сей?» Спроси тех, кто с восторгом слушал Его Божественное учение. Спроси Самарянку, которая одним Его словом из блудницы стала девственницей, спроси Магдалину, которая из грешницы стала равноапостольной, Закхея, который из лихоимца стал милостивцем, Матфея, который из мытаря сделался евангелистом. Спроси Лазаря, которого Он всего шесть дней назад из мертвых воскресил... «Что... сотворил Сей?» Если бы нужно было, тебе сказали бы о Нем и море и ветры, которые Ему послушны были! Да и самые бесы Его Сыном Божиим исповедали. «Что ... сотворил Сей!» Да ведь Он есть Предвечное Слово Отца, Слово, «вся Тем быша» (Ин. 1; 3). Он Творец всего видимого и невидимого, Он и твой Творец! Одного только Он не творил: «беззакония не сотвори, ниже обретется лезть во уста Его» (Ис. 53; 9). Об этом сам Пилат свидетельствует говоря: «ни единыя же обретаю в человеце сем вины» (Лк. 23; 14). Не обретаем вины и, однако же, бьет, мучает, терзает... Вот каково бывает правосудие человеческое!... Неповинный Иисус уязвляется, Сын Божий, одевающийся светом яко ризою, обнажается, Его Святая Кровь потоками струится под ударами бичей... Ангелы, Серафимы! Поспешите прикрыть Его непорочные уды своими крылами от нечистых очей законопреступников!... Но вот лютые мучители накрывают Его хламидой червленой (красным плащом) вместо царской багряницы, надевают на главу Его венец терновый вместо царского венца, дают Ему в руки трость вместо скипетра; бьют Его этой тростью по голове, чтобы терны глубже вонзались в чело Его, а потом с насмешкой преклоняют колени перед Ним и приветствуют: «радуйся, Царю Иудейский!» (Мф. 27; 29). Не ошиблись вы, нечестивцы, не ошиблись: Он воистину есть наш Царь — Христианский! Этому измученному, израненному, поруганному Царю мы поклоняемся!... Вы поставили Его Царем мучеников и подвижников наших! Да будет же вам ведомо, что этому Царю поклонятся все цари земли... Не так ли, братие мои слушатели? Ведь Он наш Царь — Царь болезней и терпения! Посмотрите на Него: вот Он выходит за Пилатом, неся терновый венец и багряную одежду; вот Пилат указывает на Него и возглашает: «се, Человек!» (Ин. 19; 5). Отче Небесный! Ведь сей Человек, не имеющий ни вида, ни доброты, есть Твой Единородный Сын, Которого из чрева прежде денницы родил Ты! Ангелы и Архангелы! Ведь сей Человек

многострадальный есть Тот Царь славы, Которому вы непрестанно воспеваете победную песнь... Где вы, пророки? Посмотрите на Него, надежду народов, желанного Христа. Где вы, апостолы? Посмотрите на вашего Бога и Учителя. Где ты, Мати, возлюбленная Марие? Взгляни на Твоего дорогого Сына... Посмотрите иереи на вашего Архиерея, сироты — на Отца, больные — на Целителя, грешные — на Спасителя. Посмотрите на Него все христиане: Он — Царь наш. Радуйся Царю не Иудейский, а Христианский! Божественный Спаситель душ наших, Жених Святой Церкви нашей! Что до того, что Ты уязвлен, обещен, поруган: Ты Царь наш, иного бо разве Тебе не вемы. Ты — Человек и вместе Бог, ибо и страдаешь и спасаешь!...

Но вот Пилат предаёт Его на распятие. С каким торжеством возлагают на Него Иудеи тяжёлый крест, с позором ведут по улицам Иерусалима — на Голгофу, пригвозждают ко кресту и с криками радости, со злословием и насмешками поднимают в высоту. И этого мало: для большего бесчестия распинают по сторонам Его двух разбойников. Ужасные муки этого распятия мог бы поведать только Тот, Кто имел терпение их испытать!... Сам Отец Небесный оставляет Своего Сына. «Боже Мой, Боже Мой, вскую Мя еси оставил» (Мф. 27; 46), — взывает Христос со креста. Божество Его как бы сокрылось, и страдало одно человечество... Оставил Его Отец, но не покинула Мать! Вот Она — стоит под крестом, безмолвно держа в сердце тот меч, о котором Ей предрек Симеон... Стоит Она как бы Сама распятая при Распятом, и в то же время служит вторым крестом Распятому Сыну!.. Не знаю, какой крест был мучительнее, и кто больше страдал: Сын или Мать? Какой Сын имел такую Мать? Какая Мать имела такого Сына? И Мать страдала, смотря на Сына, а Сын вдвое страдал, смотря на скорбящую Мать. Болезни Сына терзали сердце Матери, а болезни Матери — сердце Сына... И конечно, Мать разделила бы самую смерть с Сыном, если бы Сын не восхотел Один за всех умереть! И вот Он должен был признать Ее как бы чужой и сказать Ей, указывая взором на друга Своего Иоанна: «Жено! се, сын Твой! Потом глагола ученику: се, Мати твоя!» (Ин. 19; 27). Затем слышится вопль со креста: «жажду!» Только язык не испытал еще мучения и вот укус, смешанный с желчью, служит последней каплей горькой чаши страданий. «Егда же прият оцет Иисус, рече: совершишася!» (Ин. 19; 28-30). Это означало, что настал конец Ветхому Завету и наступил Завет Новый. И вот Он, Начальник этого Завета, прежде всего молится за врагов Своих: «Отче, отпусти им, не велят бо что творят!» Он завещает благоразумному разбойнику: «...днесь со Мною будеши в рай». Он оставляет Церкви Своей семь Таинств, нам, христианам, крест Свой, чтобы мы всю жизнь носили его на себе... Он поручает наконец дух Свой Богу и Отцу: «Отче, в руке Твои предаю дух Мой!» (Лк. 23; 34, 43, 46). И это делает с обычным Ему повиновением: «И преклонь главу, предаде дух» (Ин. 19; 30). Так закончились, братие, страдания нашего Господа!...

(Из "Поучительных слов" святителя Илии Миняitia)

214. Псалом крестных скорбей Христовых. Изложение псалма 21

Скорбит, тяжело, глубоко скорбит венценосный пророк Давид, но не своей скорбью: он духом провидит крестные страдания своего Божественного Потомка — Христа Спасителя, и вот святая душа Богоотца, пророка, как будто на себе испытывает все ужасные муки Распятого, и эти муки, эти страдания изображает в дивном псалме, начало которого Господь Иисус Христос повторил со креста... Когда подумаешь, что этот псалом написан за тысячу с лишним лет до описанных в нем страданий Христовых, то невольно в благоговении повторишь богомудрое слово брата Господня Иакова: «Разумна от века суть Богови вся дела Его!» (Деян. 15; 18). Вот изложение этого пророческого псалма, который как будто и писан-то был у самого креста.

«Или, Или! лама савахвани!» (Мф. 27; 46). «Боже, Боже Мой! вонми Ми», услыши Меня: почто отворотил Ты лицо Свое от Меня? Тяжело Мне, Отче Праведный, быть в разлуке с Тобой, изнывает душа Моя: «вскую оставил Мя еси?» почто оставил Ты без Божественной помощи Мою природу человеческую? Почто предал ее на крестные муки? Страх смертный смущает душу Мою, изнемогает телесный состав Мой, — дух Мой бодр, но плоть немощна!... Ты ведаешь, Боже Мой, что Сам Я греха не сотворил; чужие грехи, грехи всех людей Я взял на Себя, и вот они теперь удаляют от Меня помощь Твою: «далече от спасения Моего словеса грехопадений Моих» (людских), которые стали теперь Моими! Я не могу освободиться от страданий за «них... Боже Мой!» к Тебе я взываю, не умолкая среди нестерпимых страданий, «воззову во дни, и не услышиши» (как будто не слышишь), зову «и в нощи», и нет Мне облегчения, нет покоя!.. Правда, Я знаю, что это нужно для спасения людей; но Боже Мой! Ты ведаешь, как нестерпимы скорби Мои, Ты знаешь невинность Мою, и потому не вменишь «в безумие Мне» эту скорбную молитву Мою... С высоты небес Ты зришь на Меня, «Ты же во Святем», в небесном святилище, «живеши, хвало Израилева!» Ты всегда был защитником невинных страдальцев. «На Тя уповаша» (на Тебя надеялись) «отцы наши» (Мои по плоти праотцы, патриархи и пророки), «уповаша и избавил еси я. К Тебе воззваша» в день лют, «и спасошася; на Тя уповаша, и не постыдешася». Им подражаю и Я, будучи подобен им по-человечеству; и Я на Тебя уповаю, к Тебе вопию в скорби Моей. Но Ты не слышишь вопля Моего, и вот Я поруган, умален паче всех сынов человеческих... «Аз же есмь червь», червь беспомощный, «а не человек»; во Мне видят одно «поношение», посмешище «человеков», не верующих истине, «и уничижение людей», исполненных грехов!... «Вси видящие Мя» в таком уничижении, вознесенного на крест, «поругашамися (ругаются надо Мною), глаголаша устнами» поносные речи, покиваша главою, со злорадной насмешкой говоря: «упова на Господа, да избавит Он теперь Его, да спасет Его, яко» — ибо Сам Он говорил, что Бог «хочет Его» — благоволит к Нему (Мф. 27; 39). Да, Я с самого рождения уповал на Тебя,

«яко Ты еси исторгий Мя» — Ты чудесно извел Меня из чрева девственного, Ты — «упование Мое» с раннего детства, «от сосцу Матере Моея»; с самого зачатия Моего Ты не оставлял Меня Своим Отческим попечением. «К Тебе привержен есмь от ложесн» — на Тебя оставлен Я с рождения, ибо не было у Меня земного отца; «от чрева Матере Моея Бог Мой еси Ты! Да не отступиши» — не удаляйся же и теперь «от Мене», ибо Сам видишь, в каком Я крайне бедственном положении — «яко скорбь близ», надеяться Мне не на кого — «яко несть помогай Ми». Ближние Мои, ученики Мои, по немощи своей оставили Меня; вместо них «обыдоша Мя» (обступили Меня) «тельцы мнози» — толпы народные, «юнцы тучнии» (свирепые иудейские первосвященники и книжники) «одержаша Мя» (со всех сторон окружили Меня). «Отверзоша на Мя уста Своя», как звери алчные, «яко лев восхищали» добычу свою и страшно «рыкаяй»: с нетерпением они ждут Моего конца. «Яко вода излияхся», как вода пролитая исчезает жизнь Моя, «и разсыпашася» — исторгнуты крестом из мест своих, вывихнуты «вся кости Моя, бысть сердце Мое яко воск, таяй от» пламени страданий «посреде чрева» — внутри телесного «Моего» состава. «Изсше яко скудель», иссохла как обожженный черепок, от огня скорбей лютых «крепость Моя» — Моя сила телесная... Нестерпимая жажда от потери крови страшно мучит Меня, «и язык Мой» иссох — «прильпе гортани Моему», и вот близка смерть Моя, Я вижу уже, что «в персть смерти», в прах смертный, в могилу «свел Мя еси... Яко обыдоша Мя» (напали на Меня) «пси мнози» (палачи, языческие воины), «сонм» (скопище) «лукавых» иудеев «одержаша Мя» (обступило Меня). Ископаша (гвоздями пронзили) «руце Мои и нозе Мои», обнажили, растянули Меня на кресте так, что можно стало пересчитать — «исчетоша вся кости Моя», тии же вместо того, чтобы закрыть глаза из сострадания, «смотриша» — с наслаждением смотрят на Мои мучения как на приятное зрелище, «и презреша Мя», смеются надо Мной. «Разделиша» верхние «ризы Моя себе», и о нижней «одежды Моей» нешвенной «меташа жребий». Так все покинули, все оставили Меня; «Ты же, Господи, не удали помощь Твою от Мене; на заступление Мое вонми» — поспеши! Не прошу избавления от смерти телесной. «Избави от» врагов Моих — этого «оружия» дьявольского «душу Мою, и из руки песии (из рук нечестивых язычников) Единородную», одинокую и беспомощную «Мою... Спаси Мя от уст Львовых» (от иудеев жестоких) «и от рог единорожь» (от их гордых вождей и начальников) «смирение Мое». Я знаю, что Ты не оставишь души моей во аде; Ты не попустишь меня видеть нетление; Я встану из гроба и тогда «повем имя Твое» — превозделенное имя Отца — «братии Моей» (апостолам и всем верующим — чадам Твоим по благодати), «посреде церкви», Мною созданной, «воспою Тя. Боящийся Господа», вы, уверовавшие в Меня из народов языческих! «восхвалите Его, все семя Иаковле (верующие из народа избранного), прославите Его. Да убоится же от Него», да устрашится гнева Его на нераскаянных грешников, «все семя Израилево», все те, кто еще упорствует и не хочет уверовать в Меня. «Яко не уничижи» — вот Он не

презрел, «ниже негодова» — не отверг «молитвы нищаго» (скорби страждущего), «ниже отврати лице Свое от Мене», не оставил Мое человечество без отеческого Своего попечения, «и егда возвах к Нему, услыша Мя. От Тебе похвала Моя» — Ты прославляешь Меня, посеми и Я в «Церкви велицей (вселенской), исповемся Тебе» — прослаблю Тебя, и тогда «молитвы Моя воздам» — исполню обеты Мои, принесу жертву благодарственную «пред боящимися Его». И напитая этой жертвой, этой таинственной пищей всех, в Меня верующих: «ядят убозии» — нищие духом от трапезы Моей вкушают Тело и Кровь Мою, «и насытятся, и восхвалят Господа взыскающими» — ищущие Его всем сердцем; «жива будут сердца» — души «их в век века». Тогда уничтожится разделение между народом избранным и язычниками; тогда «помянутся» забывшие Бога язычники, «и обратятся ко Господу вси концы земли», и познают Его, «и поклонятся пред Ним вся отечествия язык» — все племена и народы. И это будет, это непременно совершится, «яко Господне есть Царствие», Он един есть истинный Бог всех народов, «и Той (един) обладает языки». «Ядоша» — вкусили от трапезы Моей, «и поклонишася еси тучнии земли (все цари и вельможи), пред Ним припадут еси низходящие в землю», все смертные сыны Адамовы. «И душа Моя Тому (единому) живет», Ему единому повинуется. «И семя Мое» — Мои дети по вере и благодати, всякий истинно в Меня верующий «поработает Ему; возвестит о себе Господеви», обратится ко Господу и соделается любезным «Ему род грядущий», род христианский. «И возвестят» апостолы Мои и пастыри Церкви «правду Его» — оправдание верой в Меня людям в Таинстве Крещения «рождшымся», возвестят будущим христианским поколениям все дивные дела, «яже сотвори Господь».

215. Сошествие Христа Спасителя во ад

До крестной смерти Господа Иисуса Христа все души умерших людей, и праведных и грешных, по смерти их сходили во ад. Правда, души праведных не терпели там той бедственной участи, какой подвергались души людей грешных; однако же и праведники не имели сил вырваться из страшной темницы духов, и вознестись в светлое небо, к престолу Божию: врата небесные для всех были еще заключены. Но вот пришел на землю Христос Спаситель. Он пострадал и умер на кресте. Его пречистое тело еще оставалось во гробе, в саду Иосифа Аримафейского, а дух Его был уже во аде. "Христос Бог, — говорит один древний учитель Церкви, — умерев как человек, и будучи погребен, по Писаниям, исполнил и тот закон, что, подобно всем людям умиравшим, сошел во ад, и прежде чем восшел на высоту небес, Он нисшел в преисподняя земли, чтобы там со делая спутниками Себе патриархов и пророков".

"Проникнув во ад, — говорит святой Кассиан, — Христос сиянием Своей славы рассеял непроницаемый мрак тартара, разрушил медные врата, сокрушил железные верей, и святых пленников, содержащихся в непроницаемом мраке адском, из плена возвел с Собой на небеса". — "Ад, по слову святителя Иоанна Златоуста, был пленен Господом, упразднен, поруган, умерщвлен, низложен, связан". — "Нисходит Господь в преисподняя земли, — рассуждает святой Иринея, — благовествует и там пришествие Свое и отпущение грехов тем, которые веруют в Него, а уверовали в Него все ожидавшие Его, то есть все предвозвещавшие Его пришествие, и служившие Его распоряжениям праведники, пророки и патриархи". Прекрасно изображено сошествие Спасителя во ад Святой Церковью в песнопениях Великой Субботы. "Послушав, Слове, Отца Твоего, — воспевает она, — на землю сшел еси, да спасеши Адама, и на земли не обрет сего, Владыко, даже до ада снизшел еси, ищай. Ужасеся ад, Спасе, зря Тя Жизнодавца богатство онаго упраздняюща, и яже от века мертвья возставляюща. О радости оныя, о многия сладости, ихже во аде наполнил еси, во днах мрачных свет возсияв. Егда снизшел еси к смерти, Животе Безсмертный, тогда ад умертвил еси блистанием Божества. Егда же и умершия от преисподних воскресил еси, вся силы небесныя взываху: Жизнодавче, Христе Боже наш, слава Тебе!" В час полуночи, как говорит одно древнее сказание, проник в те мрачные места и воссиял свет как бы солнца и все души праведных осветились и увидели друг друга. И тотчас Авраам с патриархами и пророками радостно сказали друг другу: это свет от великого света... И вдруг подобно грому раздался громкий голос: «Возмите врата князи ваша, и возमितесь врата вечная, и внидет Царь славы!...» И отвечал ад и сказал: «Кто есть сей Царь славы?» И отвечали Силы Небесные: «Господь крепок и силен, Господь силен в брани!» (Пс. 23; 10). И вместе с этим словом врата медные сокрушились, и железные запоры сломались, и все связанные мертвые разрешились от уз... И вошел Царь славы, и все темницы ада просветились. И повелел Он Ангелам связать сатану, потом простер десницу Свою и воздвиг праотца Адама; и, обратясь к прочим, сказал: "Идите со Мною все, умерщвленные древом, от которого вкусил Адам; вот, Я всех вас воскрешаю древом креста". И благословив Адама и всех пророков и праведных знамением креста на челе их, Он повел их из ада. Когда же Он восходил оттуда, блаженные праотцы воспевали: «Благословен Грядый во имя Господне, аллилуйи!...».

Проповедь Христа Спасителя во аде

Что ныне безмолвия много на земле? Что-то безмолвия много, и молчания много? Безмолвия много, ибо Царь спит. Земля убоялась и замолкла, потому что Бог во плоти уснул. Бог во плоти уснул, — и ад ужаснулся. Бог на малое время уснул, — и спящих издревле, от Адама,

воскресил. Сошел Бог солнце Христос под землю, — и грозная тьма простерлась над Иудеей.

Ныне спасение сущим на земли, и от века сущим под землею, ныне спасение всему миру — и видимому, и невидимому. Ныне сугубое пришествие Христово, сугубое промышление, сугубое человеком посещение: Бог приходит с небеси на землю, с земли под землю. Врата ада отверзаются, — и вы, спящие от века, радуйтесь; «седающий во тме... и сени смертной... свет велий возсия им» (Мф. 4; 16): с рабами — Господь; с мертвыми — Бог; с умершими — Жизнь; с находящимися во тьме — Свет невечерний; с пленными — Освободитель; с преисподними — Сый превыше небес... Христос между мертвыми: снидем туда с Ним, да познаем тайны, какие там; да познаем тайну Божию под землей, и разумеем чудеса Господа, да научимся, какую благовествует Он проповедь сущим во аде; и что со властью повелевает связанным.

"Изыдите, — вещает, — сущии во тьме, просветитесь; изыдите, и востаните лежащии! И тебе повелеваю, Адаме: востани спяй, ибо Я не для того сотворил тебя, чтобы ты остался связанным во аде, воскресни от мертвых, ибо Я — живот человеков и воскресение создания Моего, воскресни лик, бывший по образу Моему: встань, иди отсюда, ибо ты во Мне, и Я в тебе — один и неразделимый образ есмы. Для тебя Бог твой был сын твой. Для тебя Я, Господь твой, принял образ раба. Для тебя Сущий превыше небес, Я пришел на землю, и под землю. Для тебя Я стал человеком, был предан и распят. Рассмотрни поруганное лицо Мое, удары на ланитах Моих, которым Я подвергся для того, чтобы твой испортившийся вид исправить по первобытному образцу. Рассмотрни язвы на раменах Моих, — язвы, принятые Мною для того, чтобы истребить бремя грехов твоих, лежавшее на раменах Моих. Посмотри на пригвожденные руки Мои, которые простер Я на древе из-за тебя, несчастно простершего руки свои к дереву... В шестой день было твое осуждение; в шестой же день Я совершил служение Свое, и отверз рай; вкусил желчи, дабы исцелить тебя от снеди оной; вкусил оцта, дабы сокрушить желчную и лютую чашу твоей смерти. Напоен был губою, дабы омыть рукописание грехов твоих; приял трость, дабы подписать свободу роду человеческому. Уснул на кресте, и был прободен в ребро: Мое ребро исцелило болезнь твоего рода, и Мой сон изведет тебя от сна смертного.

Восстань же и изыди отсюда: прежде Я вывел тебя из рая земного, теперь помещу тебя уже не в Едеме, а на престоле Небесном; прежде возбрални дерево жизни, теперь Я весь всего Себя предлагаю тебе в живот твой; тогда повелел Херувиму рабски стрещи тебя; теперь сделаю то, что Херувимы будут служить тебе. Ты скрылся от Бога, как нагой, но вот теперь ты скрыл в себе Бога нага. Ты облекся в постыдную ризу кожаную, но вот и Бог твой облекся в плотскую кровавую одежду... Итак восстаньте, идите отсюда, от тления — в нетление, от смерти — в жизнь! Восстаньте, идите отсюда, из тьмы — в вечный свет, от страданий — к веселью! Восстаньте,

идите отсюда, из рабства — в свободу, из темницы — в горний Иерусалим, от уз — к Богу, из-под земли — на небо; ибо Я для того умер и воскрес, да обладаю живыми и мертвыми. Восстаньте же, и идите; ибо Отец Небесный приемлет овча погибшее; Ангельские сонмы ждут своего сожителя Адама: когда-то он воскреснет, когда воздвигнется, и придет к Богу..." Так воскресает Адам, воскресает Ева, — и многие тела усопших от века святых восстали, проповедуя тридневное Господне пришествие. Да встретим оно светло, и узрим, и обыдем, с Ангелами ликуя, с Архангелами празднуя праздник воскресившему нас Христу. Аминь.

(Из слова святителя Епифания, епископа Кипрского)

216. Пасхальное слово святителя Иоанна Златоуста

Кто благочестив и благолюбив? Да насладится ныне этим святым и светлым торжеством! (Лк. 14; 17). Кто раб благоразумный? Да внидет с радостью в радость Господа своего! (Мф. 25; 21). Кто потрудился среди поста? Да примет ныне динарий! (Мф. 20; 13). Кто работал с первого часа? Пусть получит всю должную плату! Кто пришел и после третьего часа? Благодарите и веселись! Кто успел прийти после шестого часа, пусть не беспокоится; ибо ничего не лишится. Если бы ты замедлил и до девятого часа, то приступи без всякого опасения. Когда бы даже иной успел прийти только в одиннадцатый час, то и такой — да не страшится своего замедления. Ибо Домовладыка наш любочестив и щедр: приемлет и последнего как первого, успокаивает пришедшего в одиннадцатый час так же, как и трудившегося с первого часа. Он и о первом печется, и о последнем милосердствует, и тому дает, и этому дарует; о делах радуется, но и намерения с любовью приемлет; действию воздаст всю должную честь, но и доброе расположение хвалит. Итак, все, все войдите в радость Господа нашего! Первые и последние — получите награду! Богатые и бедные — ликуйте друг с другом! Трудившиеся и нерадивые — почтите настоящий день! Постившиеся и непостившиеся — возвеселитесь ныне! Трапеза обильна: все насыщайтесь! Телец велик и упитан: никто не уйдет голодным! Все насладитесь пиршеством веры! Все воспользуйтесь богатством благодати! Никто не жалуйся на бедность, ибо для всех настало Царствие. Никто не плачь о грехах своих, ибо из гроба всем воссияло прощение. Никто не страшись смерти, ибо от нее освободила всех нас смерть нашего Спасителя. Объятый смертью, Он истребил смерть; сошедший во ад, Он расхитил ад — и огорчил того, который коснулся Его плоти. Давно предузнав об этом, пророк Исаия воскликнул: «ад доле огорчися, срет Тя» в преисподних своих (Ис. 14; 9). Огорчился он, ибо опустошен. Огорчился, ибо посрамлен. Огорчился, ибо умерщвлен. Огорчился, поелику весь сокрушен. Огорчился, поелику весь связан. Взял плоть, а нашел (в ней) Бога! Взял землю, а нашел в ней небо! Взял то, что видел; а подвергся тому, чего и не ожидал!

«Смерть! где твое жало? ад! где твоя победа!» (1 Кор. 15; 55). Христос воскрес: и ты — низложил! Христос воскрес, — и пали демоны! Христос воскрес, — и радуются Ангелы! Христос воскрес, — и водворяется жизнь! Воскрес Христос, — и нет ни одного мертвого во гробе! Ибо Христос, воскресший из мертвых, «начаток умершим бысть» (1 Кор. 15; 20). Ему слава и держава во веки веков! Аминь.

Как проводить Пасхальные дни?

Христос воскрес! Благодарим Тебя, Господи, что Ты сподобил нас, грешных, достигнута поклониться Святому Твоему Воскресению! Нынешний день есть день особенного веселья, особенной радости; нет у нас праздника веселее и радостнее настоящего. «Сей день, егоже сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся вонь» (Пс. 117; 24). И с каким желанием все ожидают его, с каким приятным беспокойством приготавливаются к нему, с каким удовольствием друг друга приветствуют при наступлении его! При слове — Христос воскрес — мы и сами как бы воскресаем, душа оживает, сердце восхищается. Да, этот праздник для того и установлен, чтобы мы радовались и веселились.

Но насколько прилично ныне радоваться, настолько же необходимо ныне и вести себя свято: грешно, можно сказать, ныне на радоваться, — так велик для нас нынешний праздник; вдвойне грешно ныне грешить, — так святы нынешние дни. Как же нам сделать, чтобы мы в настоящий праздник и веселились, и не грешили? Как свет и теплота исходят на землю от солнца, так святость и веселье изливаются на нынешний праздник от Иисуса Христа. Воспомяй же о Иисусе Христе, воспомяй непрестанно, относись все к Нему, делай все для Него, смотри во всем на Него, да будет Иисус Христос во весь праздник с тобой и пред тобой; и ты будешь праздновать и свято, и в радости. Если тебе придут на ум греховные помыслы, то скажи им: ради Иисуса Христа не хочу я заниматься вами. Если придет тебе на ум что-нибудь доброе, скажи себе самому: сделаю я это ради Иисуса Христа. Если тебя что-нибудь порадует, то говори: буду радоваться ради Иисуса Христа. Если скорбь мирская будет тяготить тебя, то скажи ей: не хочу иметь скорбь такую ради Иисуса Христа. Если ты несчастен, беден, одинок, огорчен, обижен, то говори: забуду все это, стану радоваться, веселиться ради Иисуса Христа. Если ты согрешишь в чем-нибудь... но нет, не грешь, ради Иисуса Христа не грешь, не оскверняй Святого Праздника. Так решишь веселиться и вести себя ради Иисуса Христа; тогда Иисус Христос сохранит тебя от грехов и даст сердцу твоему веселье. Делай все для Иисуса Христа, и Иисус Христос сделает все для тебя.

Но если и при всем том ничто тебя не будет радовать в этот радостный праздник; если и стараясь хранить себя от грехов, ты не можешь не скорбеть; если ты так будешь малодушествовать, что не в состоянии петь и

Воскресение Христово, то обратись тогда к Сладчайшему Иисусу, скажи Ему о своей скорби, возвести Ему свою печаль, открой Ему свою немощь: "Господи! Меня горе тяготит, я скорблю, я не могу радоваться. Болен я, беден я, грешен я, или так, сам не знаю от чего скорблю... Пошли же мне какое-нибудь веселье, обрадуй меня чем-нибудь, чтобы мне в Твой праздник не было грустно"! Так молись, так воздыхай; и тогда ты сам не захочешь мирских радостей; ибо для грешников, каковы мы с тобой, никакое веселье не может быть выше того, которое грешник чувствует, когда плачет пред Сладчайшим Иисусом. Да, сладостно плакать пред Сладчайшим Иисусом. Впрочем, Иисус Христос Сам не захочет оставить тебя в скорби и в слезах ради Своего праздника. Только сам ты не забудь в эти святые дни печалющихся: несмотря на то, что реки радости текут везде, двери веселья отверсты всем; несмотря, говорю, на это, и ныне есть много печальных между нами, христианами, унылых — среди общего веселья, мрачных — при полном сиянии радости.

Кто же эти унылые и печальные? Унылы и печальны ныне бедные, впрочем, не те только бедные, которые стоят у дверей храма, ходят по домам, кланяются в переулках. Эти бедные имеют голос; добрые люди не дадут им долго плакать. Ныне особенно унылы и печальны те бедные, которые не имеют чем жить, но не умеют просить, которые бедствуют, но скрывают свою бедность; льют слезы горести, но таят их от других. Это — бедные вдовы с малыми детьми; небогатые отцы с большими долгами; дома некогда знатные, а теперь пришедшие в крайнее разорение. Горе и в простые дни несладко, но как оно мучительно в Светлый Праздник! Нужды и всегда нележки, но как они тягостны среди общего довольства! Конечно, при сердечном веселии и лицу весело; в мирном семействе и черствый кусок хлеба вкусен: но... не в праздник, слушатели!

Никому еще так не горько ныне, как бедным заключенным. Для них и колокольный нынешний звон заглушается громом их собственных цепей; они и в этот Светлый Праздник едва видят солнечный свет, тускло светящий им сквозь каменные ограды и железные решетки.

Горько ныне и тем страждущим, которыми наполнены больницы и богадельни; которые и ныне с нетерпением ожидают себе куска хлеба из чужих рук.

Горько ныне бесприютным сиротам, которыми наполнены дома призрения; брошенные отцами и матерями они и ныне забыты теми, которые обязались за ними смотреть.

Итак, вот кто ныне уныл и печален: унылы и печальны те, которых Иисус Христос называет меньшей Своей братией, с которыми Он делит печаль и уныние как всегда, так, особенно, и ныне. Утешь же их ты, брат мой возлюбленный! Утешь, чем и как можешь; за это и тебя Господь обрадует ради праздника, обрадует, чем ты и не думаешь; и ты будешь благодушествовать, и ты будешь весело петь Христово Воскресение. Аминь.

(Из Пасхальных поучений протоиерея Р. Путятин)

217. Наше грехолюбие

Странное существо человек! Хочет одного, а делает другое; любит добро, а делает зло... «Не еже бо хощу доброе, творю; но еже не хощу... еже ненавижду... злое, сие содеваю!» (Рим. 7; 19,15). Это за всех грешников говорит святой апостол Христов Павел. «Окаянен аз человек!» — восклицает он, говоря о слабости, о греховности человеческой. — «Кто мя избавит от тела смерти сея?» (Рим. 7; 24). Кто из грешников в добрую минуту на себе самом не испытывал этого тяжкого состояния? Кто не жаловался на себя самого, на свои греховные склонности и привычки, если только хотел начать добрую жизнь по заповедям Божиим? Поистине «...творяй грех раб есть греха», как говорит Единый Безгрешный Господь наш Иисус Христос во Святом Своем Евангелии (Ин. 8; 34), и блажен, кто всегда противится греху и хранит себя от этого рабства привычкам греховным!

"В одно и то же время жили на земле Евер и Нимрод, — рассуждает святитель Димитрий, митрополит Ростовский, — и оба были люди знатные. Евер — родоначальник народа Еврейского, а Нимрод — первый царь на земле. Но по правам столько же различались между собою, как свет и тьма: Евер был благочестив, а Нимрод — нечестив; первый сиял, как свет, добрыми делами, а последний был сам мрачен, как тьма, и других омрачал грехами. Евер был богоугодный муж; а Нимрод — богопротивный. Евер учил людей богоугождению, а Нимрод — прогневанию Бога, ибо по его настоянию грешные люди задумали строить башню до небес... Но вот что удивительно: размножившиеся после потопа люди не пошли по следам праведного Евера, а последовали за нечестивым Нимродом. Человека Божия не послушали, а отдали себя на волю раба сатанина... Почему так случилось? Да потому, что после грехопадения Адамова природа человеческая стала более склонна ко злу, чем к добру. До преступления заповеди Божией человек был невинен, незлобив, безгрешен, пребывал в благодати Божией как сын в любви отчей, не знал, что такое грех, и не желал его. Не было в нем гордости и не искал он чести выше той, какая дана была ему от Бога: не завидовал Ангелам, ближе его стоящим к престолу Божию. Не было в нем жадности и не искал он ни золота, ни серебра, ни камней драгоценных, и ничего, что теперь люди собирают с таким ненасытным желанием. Не было в нем гнева и ярости, не знал он похотения плотского, не искал пресыщения, и никогда сам по себе не преступил бы заповеди Божией и не подумал бы о запрещенном плоде, если бы не был прельщен от врага. А как скоро согрешил и прогневал Господа преступлением Его заповеди и за то лишился прежней благодати Его, то, познав зло, он стал очень склонен к нему. И вошло тогда в природу человеческую всякое греховное пожелание: и гордость, и жадность, и гнев, и зависть, и плотское вожделение.

И стали люди, от Адама происшедшие, гордиться и тщеславиться, собирать богатства и завидовать, гневаться и обижать друг друга, и угождать во всем плоти своей, так что привычка ко греху обратилась у них как бы в природу, ибо как трудно противиться требованиям природы, так же стало для них трудно расставаться и с привычным грехом. Вот почему, когда праведный Евер увещевал их угождать Богу, а не прогневлять Его, то богоугождение казалось им делом странным и необычным; а когда Нимрод предлагал им дела Богу противные, они охотно брались за них, как за дело привычное. Так, грешный человек всегда готов скорее послушать злого совета, чем доброго, и по привычке к смертным грехам без страха идет на самые богопротивные дела.

Как далеко отстоит восток от запада, так и добро отстоит от зла; а худое так близко к злему, так сродно ему, как тьма мраку и грязь — нечистоте. Удивляется святой Иоанн Лествичник, что мы грешные, имея помощь Самого Всесильного Бога и святых Ангелов Его к совершению добрых дел, с трудом совершаем их; а на худое дело нас может прельстить один лукавый бес. "Почему так?" — вопрошает он и не желает дать ответа на сей вопрос. А мы думаем, что нет на то другой причины, кроме той, что человеческой природе, грехом прародителя растленной, стало сроднее зло, чем добро, ибо он во зле и зачинается и рождается: «в беззакониях, - сказано, - зачат есмь, и во гресех роди мя мати моя» (Пс. 50; 7). А с чем кто родился, того и желает, о том и помышляет: «...прилежит помышление человеку... на злая от юности его...» (Быт. 8; 21). Вот почему мы так медленны на все доброе, и так скоры на все злое. Ах, как много добрых советов и увещаний к добродетели мы имеем в писаниях пророков, апостолов и святых Отцов, как часто слышим наставления духовных учителей! Но как мало их слушающих, как мало спасающихся! А на худое нам не нужно многих учителей: один какой-нибудь бес пошепчет, — и грешник готов ему повиноваться! Да и самая природа наша грехолюбивая склоняет каждого ко греху, а дружба с порочными какому злу не научит? И часто случается, что один делается для другого бесом, научающим его всякому злу. А кто дойдет до привычки ко греху, кто сроднится с ним, тот уже и Бога не боится, и не страшится делать всякие Богу противные дела. Будем же остерегаться, чтобы не привыкать ко грехам, а как можно скорее восставать от грехопадения. Ибо если кто раз впадет в смертный грех и не восстанет скоро покаянием, тот легко уже впадет в него и в другой, и в третий раз, и, повторяя его, дерзнет и на другие, еще более тяжкие грехи. Ведь страшно согрешить только в первый раз: а кто раз согрешил, тому не страшно уже и еще повторить грех... А причина этого безстрашия во грехах — та, что по первом падении человек не поспешил восстать покаянием. Есть такой вопрос: если бы Адам, по своем грехопадении в раю, тотчас же покался и со смирением и сокрушением сердечным просил у Бога прощения, то простил ли бы ему Бог грех его? Ответ: конечно простил бы, ибо не свойственно Божию благоутробию отвергать истинно кающегося грешника. Преподобный Дорофей говорит, что

Господь Бог для того и вопрошал Адама: "Где еси?" — чтобы возбудить его к покаянию, чтобы он сказал: "Прости", — и помиловать его. Еще вопрос: если бы Бог простил Адама, дерзнул ли бы Адам согрешить в другой раз? Никогда! Познав от первого падения, сколь велико зло — грех, он не возвратился бы к нему опять, и грех не вошел бы в род человеческий. Но Адам не принес тотчас покаяния. И вот, от первого греха его, скорым покаянием не очищенного, как от нечистого источника, истекли струи других грехов и затопили весь мир... То же самое происходит и в нас самих: если бы люди, согрешив, тот час же каялись, то снова не падали бы в те же грехи. А так как грешник медлит покаянием, то грехи повторяются, и с ним бывает по слову Премудрого: «Егда приидет нечестивый во глубину зол, нерадит» (Притч. 18; 3), то есть, когда грех войдет у него в привычку, то он уже небрежет о своем спасении, не боится Бога. Он походит тогда на человека, который сорвался с высоты в пропасть: ему не за что удержаться — он падает в глубину и разбивается. Вот так же и грешник, падший от жития богоугодного: если не удержит себя тотчас же покаянием, то начинает ниспадать от греха во грех; ему очень трудно будет, хотя и возможно, удержать себя от греха, потому что ко греху влечет его привычка греховная, которая обратилась у него в природу. Итак, не медли во грехе твоём, падший человек! Не медли, иначе ты падешь во глубину зол и погибнешь!"

Так заключает свое рассуждение святитель Димитрий.

Вот, братие, как велика сила греха, когда он овладеет душой человека! Убоимся, други, сего жестокого господина, чтобы не быть рабами его. А кто имел несчастье пасть в какой-либо смертный грех, тот не медли ни минуты: спешి с покаянием ко Господу, спеши, пока грех не овладел совсем твоей душой; тогда трудно будет тебе покаяться, ты впадешь во глубину зол — и погибнешь!..

(Из творений святителя Димитрия, митрополита Ростовского)

218. Осмотрись!

Слышим часто, что люди друг другу говорят: осмотрись. Христианине! Ты Бога исповедуешь и слышишь слово Его святое, и знаешь, что будет грешникам вечная мука, а праведным вечная жизнь! Тебе наипаче прилично сказать слово сие: осмотрись!

Отрекся ты сатаны и всех злых дел его при крещении: не обратился ли опять к нему злым и развращенным житием своим? Осмотрись!

Обещался ты и присягал тогда работать верой и правдой Христу Господу, умершему за тебя и воскресшему, но вместо того не работаешь ли греху и миру? Осмотрись!... «всяк творяй грех раб есть греха» (Ин. 8; 34). «Не можете Богу работати и мамоне» (Мф. 6; 24).

Омылся ты тогда, освятился, но не осквернился ли и не оскверняешься ли снова незаконными делами? Осмотрись!

Словом Божиим позван и Святым Крещением обновлен ты к вечной жизни, не ищешь ли в мире сем прославиться, обогатиться, в честь произойти? не идешь ли путем нечестивых в погибель? Осмотрись!... «пространная врата и широкий путь вводишь в пагубу, и мнози суть входящий им», — глаголет Господь (Мф. 7; 13).

Бог на всяком месте есть, и на всех нас призывает, и всякие наши слова слышит, и дела и помышления наши видит: как ты пред Богом Вездесущим и вся называющим обращаешься? Какие мысли о Нем Самом в сердце своем питаешь, согласные ли слову Божию и вере святой? Осмотрись!

Страшное и святое имя Божие исповедуешь, и в молитве призываешь, но не оскверняешь ли тех уст, которыми Бога исповедуешь, не оскверняешь ли, говорю, сквернословием, клеветою, злоречием, бусловием, кощунством, осуждением, лестью, ложью и всяким гнилым и праздным словом? Осмотрись!

Воздеваешь руки твои к Богу Великому и Святому, но не порочишь ли их хищением, граблением и всякой неправдой? Не имеешь ли на ближнего твоего ненависти и злобы? Не желаешь ли ему отомстить и повредить как-нибудь? Осмотрись!

Приступаешь к святым и животворящим Таинам Христовым. О, как велико дело сие! Сколь велика благодать Божия! Сколь велико и почтение человеку! Человек — земля и пепел, — Тела и Крови Божественной касается! «Благослови, душе моя, Господа...» (Пс. 102; 1). Возлюбленный Христианине! Ты к великому сему и страшному Таинству как приступаешь? С какой верою? С каковым страхом? С каковым сердцем? С каковыми устами? С каковыми руками? Осмотрись! Огнь бо есть недостойныя попяляя. «Ядый бо и пияй недостойне, суд себе яст и пьет, не разсуждая Тела Господня» (1 Кор. 11; 29).

Бог есть высочайший твой Благодетель, какового не было, нет и не может быть больше. Он создал тебя из ничего и всякое добро подает тебе. Без Его добра и минуты жить не можем. Видишь Его к тебе любовь, но чувствуешь ли в себе взаимную к Нему любовь? Получаешь благоденствие от Него, но помнишь ли и благодаришь ли Благодетеля? Осмотрись! А неблагодарен Ему тот, кто воле Его святой не угождает.

Бедный грешник! Следовало бы тебе за грех во аде вечной умирать смертью и без конца горькую чашу гнева Божия пить, и с сатаною и аггелами его заедино считаться, и в негасимом огне страдать. Сии плоды суть греха: «Оброцы бо греха смерть» (Рим. 6; 23). Бог человеколюбивый, по Своей благодати и любви к нам, не допустил тебя до того. Слава благодати Его, слава человеколюбию Его, слава щедротам и милосердию Его! Не допустил, говорю, тебя до того. Кого? Отступника и врага Своего. Помилдовал тебя, умилосердился над тобою, возлюбил тебя, послал Единородного Сына Своего к тебе, спасти тебя. «Тако бо возлюби Бог мир, яко и Сына Своего Единороднаго дал есть, да всяк веруяй в Онъ не погибнет, но имать живот вечный» (Ин. 3; 16). Пришел Он к тебе: Создатель — к созданию Своему,

Господь — к непотребному рабу Своему, Бог Святой и Великий — ко грешнику; Царь Небесный явился на земле, вообразился в подобострастное тебе тело, жил на земле, обращался между грешниками, яко свет между тьмою «...и тьма Его не объят» (Ин. 1; 5); трудился, болел, плакал, страдал и умер за тебя. Видишь, грешник, что Бог ради тебя сотворил? Чего более уже от Бога ожидать тебе, грешник, когда и Сына Своего Единородного ради тебя не пощадил Он? Какая большая любовь, какое большее благоденствие паче сего может быть! Итак, помнишь ли великое сие дело Божие, которым от вечной смерти и ада избавлен ты, в котором вечный живот твой и все вечное блаженство состоит? Помнишь ли сие и от чистого сердца благодаришь ли Благодетеля и Искупителя Бога твоего? Осмотрись!

Соблюдаешь ли святые заповеди Его, без чего любовь к Нему быть не может? Осмотрись! «Имеяй заповеди Моя и соблюдаяй их, той есть любяй Мя... не любяй Мя, словес Моих не соблюдает», — глаголет Господь (Ин. 14; 21, 24). Бог— столь великий благодетель твой — хочет и велит, чтобы ты любил ближнего твоего, то есть, всякого человека, как себя любишь. Угождаешь ли святой воле Его? Показуешь ли усердное послушание Ему? Любишь ли любимого Богом ближнего твоего, подаешь ли ему в нуждах его руку помощи? Осмотрись!

Время жития нашего краткое, и проходит, как вода мимотекущая, и потерянное не возвращается. Ты как его провождаешь и в чем? Не в праздности ли? Не в суете ли? Не в гуляниях ли и пиршествах? Не в снискании ли чести, славы, богатства? Осмотрись!

Дано оно тебе от Бога к покаянию, а не к плотоугодию: так ли ты провождаешь его, как Бог от тебя хочет? Осмотрись!

Все человек в мире сем может сыскать, но потерянного времени сыскать не может. Смерть невидимой дорогой за человеком ходит и восхищает его тогда, когда не чаает, и там, где не чаает, и таким образом, каким не чаает. Христианине! помнишь ли ты час сей страшный, на который все святые взирали и плакали, — час, в который следует всякому идти или в блаженную, или в мучительную вечность, и готовишься ли к тому истинным покаянием? Осмотрись!

В чем застанет тебя час тот, в том и суду Божию предстанешь. Блажен, кто помнит час сей! Всем нам явится подобает пред судищем Христовым; тому суду — суду Божию, а не человеческому — предстанешь и ты. Там все, что мы в житии нашем ни сделали, пред всем светом откроется и всяк от совести обличится, всяк за себя слово воздаст! Тогда о каждом из нас скажется: «се человек, и дела его!» Там на две части все собравшиеся люди разделятся: одни станут по правую сторону Праведного Судии — и призовет их в вечное Свое Царство Царь славы Господь; другие станут по левую сторону оною Судии — и отошлет их в вечный огонь, уготованный диаволу и аггелом его. «И идут сии в муку вечную, праведницы же в живот вечный» (Мф. 25; 46). Христианине! поминаешь ли ты страшный день оный и готовишься ли к сретению грядущего оною Судии? Осмотрись!

Осмотришь, отец, как детей своих воспитываешь? Чему их учишь? Не вливаешь ли яда соблазнов в юные сердца их вместо здравого учения и наставления? Осмотришь, чадо, как отца, родившего тебя, почитаешь? Отдаешь ли должное родителю и питателю твоему?

Осмотришь, муж, хранишь ли верность жене своей, и жена, хранишь ли верность мужу своему? Осмотришь, купец, как покупаешь, и как продаешь? Осмотришь. — Осмотришь, пожалуй, всяк христианин, что и как ныне делаешь, говоришь и мыслишь? Все что ни делаешь, говоришь и мыслишь ныне, на оном всенародном позорище явится пред тобою. Не неради же о себе, возлюбленне! Бог хочет тебя спасти, да будет хотение твое — и спасешься. Кто чего усердно хочет, тот того усердно и ищет.

Осмотришь и ты, душа моя, как живешь, что делаешь, говоришь и думаешь, что любишь и что ненавидишь, в чем находишь спокойствие, чем утешаешься и наслаждаешься, чем огорчаешься и о чем печалишься, и на что надеешься?.. «Призри, услыши мя, Господи Боже мой, просвети очи мои, да не когда усну в смерть, да не когда речет враг мой: укрепился на него» (Пс. 12; 4-5). «Блюдите убо, како опасно ходите, не якоже немудри, но якоже премудри, искупующе время, яко дние лукави суть. Сего ради не бывайте несмысленни, но разумевайте, что есть воля Божия» (Еф. 5; 15-17).

(Из "Сокровища духовного", святителя Тихона, епископа Задонского)

219. Смиранные терпеливцы

Некоторый муж, по имени Исидор, из князей города Александрии, отрекшись мира, удалился в обитель. Игумен, приняв его, заметил, что он весьма коварен, суров, зол и горд; посему премудрейший сей отец говорит Исидору: "Если ты истинно решился взять на себя иго Христово, то хочу, чтобы ты прежде всего обучался послушанию". Исидор отвечал ему: "Как железо кузнецу, предаю себя тебе, святейший отче, в повиновение". Тогда великий отец, утешенный сим уподоблением, немедленно назначает обучительный подвиг сему железному Исидору и говорит: "Хочу, чтобы ты, истинный брат, стоял у ворот обители и всякому входящему и исходящему человеку кланялся до земли, говоря: помолись обо мне, отче, я одержим злым духом". Исидор так послушался своего отца, как Ангел Господа. Когда же провел семь лет в этом подвиге и пришел в глубочайшее смирение и умиление, тогда приснопамятный отец пожелал его, как достойнейшего, причислить к братии и сподобить рукоположения. Но он много умолял пастыря, как через других, так и через меня, немощного, чтобы ему позволили там же и тем же образом оканчивать подвиг, неясно намекая сими словами на то, что кончина его приближается, и что Господь призывает его к Себе; что и сбылось. Ибо когда учитель оный оставил его в том же состоянии, он, по прошествии десяти дней, через беславие свое со славою отошел ко Господу; а в седьмой день после успения своего взял ко Господу и

привратника оной обители. Блаженный говорил ему при жизни: "Если я получу дерзновение ко Господу, то ты вскоре и там неразлучен со мною будешь". Так и случилось, в достовернейшее доказательство непостыдного его послушания и богоподражательного смирения.

Спросил я великого сего Исидора, когда он еще был в живых: какое, во время пребывания его у ворот, ум его имел делание? Достопамятный сей, желая оказать мне пользу, не скрыл от меня этого. "В начале, — говорил он, — я помышлял, что продал сам себя в рабство за грехи мои; и потому, со всякой горестью, самонасилием и кровавым понуждением делал поклоны. По прошествии же года сердце мое уже не ощущало скорби, ожидая от Самого Господа награды за терпение. Когда минул еще один год, я уже в чувстве сердца стал считать себя недостойным и пребывания в обители, и видения отцов, и собеседования с ними, и зрения на лица их, и причащения Святых Таин; и, поникши очами долу, а мыслию еще ниже, уже искренно просил входящих и исходящих помолиться обо мне".

Когда я однажды сидел за трапезой с великим сим настоятелем, он приклонил святые уста свои к моему уху и сказал: "Хочешь ли, я покажу тебе в глубочайшей седине Божественное мудрование?" Я просил его об этом, и преподобный отец позвал от второй трапезы инока, по имени Лаврентий, который около сорока восьми лет жил в той обители и был вторым соборным пресвитером. Он пришел и, поклонившись игумену до земли, принял от него благословение. Но когда встал, то игумен ничего не сказал ему, а оставил его стоять перед трапезой не евши; обед же только начинался. Так он стоял долго, и мне стало уже стыдно взглянуть на лицо сего делателя, ибо он был совершенно седой, имея уже восьмидесятый год от роду. Он стоял таким образом, без приветов и ответов, пока обед не кончился; а когда встали, то преподобный послал его к вышеупомянутому великому Исидору сказать ему начало тридцать девятого псалма: «Терпя потерпех Господа, и внят ми».

Я же, как лукавейший, не упустил случая испытать сего старца и спросил его, о чем он помышлял, стоя перед трапезой. Он отвечал: "Представляя себе пастыря в образе Христа, я никогда не помышлял, что получаю повеления от него, но от Бога; посему и стоял я, отче Иоанне, не как перед трапезой человеческой, но как перед жертвенником Божиим, и молился Богу; и по вере и любви моей к пастырю я не имел против него никакого лукавого помышления. Ибо некто сказал: «любвы не мыслит зла». Впрочем, и то знай, отче, что если кто предал себя простоте и добровольному незлобию, в том лукавый уже не находит себе места ни на мгновение".

Послушаем еще, и подивимся премудрости Божией, обретающейся в скудельных сосудах. Для душевного назидания спросил я одного из братьев, уже пятнадцать лет жившего в той обители, по имени Аввакир, которого, как и видел, почти все обижали; а служители едва не каждый день выгоняли из трапезы, потому что сей брат от природы был несколько неводержан на язык. "Брат Аввакир, — сказал я ему, — за что тебя всякий день выгоняют из трапезы, и я часто вижу, что ты идешь спать без ужина?" Он отвечал:

"Поверь, отче, сии отцы мои искушают меня, точно ли я монах? И как они делают сие не вправду, то и я, зная намерение их и великого отца, терплю все без отягощения; и вот уже пятнадцать лет живу, имея сию мысль; как и сами они, при вступлении моем в обитель, говорили, что до тридцати лет искушают отрицающихся от мира. И справедливо, отче Иоанне, ибо неискушенное золото не бывает чисто". Сей доблественный Аввакир, когда был при смерти, сказал отцам: "Благодарю, благодарю Господа и вас; ибо за то, что вы меня, на спасение мое, искушали, я семнадцать лет был свободен от искушений бесовских". Правосудный пастырь повелел положить его, как исповедника, по справедливости, со святыми, почивающими в том месте.

Был там чудный муж, по имени Мина, второй правитель после настоятеля, пятьдесят девять лет пребывавший в том общежитии и пришедший все послушания. Однажды настоятель захотел искусить богодарованное его терпение, и когда он пришел в игуменскую келлию и, положив вечерний поклон перед игуменом, по обыкновению, просил дать ему правило, то игумен оставил его лежать таким образом на земле даже до времени утреннего правила, а тогда уже благословив его, а вместе и укорив как человека, любящего выказываться и нетерпеливого, восставил его. Преподобный знал, что он перенесет сие мужественно, и потому сделал это в назидание всем. Ученик же преподобного Мины, утверждая истину сего происшествия, сказывал: "Я прилежно допытывался у него, не напал ли на него сон, когда он был оставлен игуменом в таком положении? Преподобный отец открыл мне, что, лежа на земле, он прочитал наизусть всю Псалтирь".

Не хочу неправедно умолчать перед вами о том, о чем молчать не должно. Великий Иоанн Савваит рассказал мне следующее: "В обители моей, в Азии, был один старец весьма нерадивой жизни и дерзкого права; говорю сие, не судя его, а дабы показать, что я говорю правду. Не знаю, каким образом приобрел он себе ученика, юношу именем Акакий, простого нравом, но мудрого смыслом, много жестокостей перенесшего от сего старца, который мучил его ежедневно не только укоризнами и ругательствами, но и побоями, терпение же послушника было не безрассудное. Видя, что он, как купленный раб, ежедневно крайне страдает, я часто говаривал ему при встрече с ним: "Что, брат Акакий, каково сегодня?" В ответ на это он тотчас показывал мне, иногда синее пятно под глазом, иногда уязвленную шею или голову; а как я знал, что он добрый терпеливец, то говаривал ему: "Хорошо, хорошо, потерпи— и получишь пользу". Прожив у своего немилостивого старца девять лет, Акакий отошел ко Господу, и погребен в усыпальнице отцов. Спустя пять дней после этого, наставник его пошел к одному, пребывавшему там, великому старцу, и говорит ему: "Отче, брат Акакий умер". Но старец, услышав это, сказал ему: "Поверь мне, старче, я сомневаюсь в этом". — "Пойди, и посмотри, — отвечал тот. Немедленно встав, старец приходит в усыпальницу с наставником блаженного одного подвижника и взывает к нему, как бы к живому: "Брат Акакий, умер ли ты?" Сей же благоразумный послушник, оказывая послушание и после смерти,

отвечал великому: "Отче, как можно умереть делателю послушания?" Тогда суровый оный старец, который был прежде наставников Акакия, пораженный страхом, пал со слезами на землю, а потом, испросив у игумена лавры келлию близ гроба Акакиева, провел там остаток жизни уже добродетельно, говоря всегда прочим отцам: "Я сделал убийство". Мне кажется, что великий старец, говоривший с умершим, был сам сей Иоанн Савваит.

(Рассказы преподобного Иоанна Лествичника)

220. Святая Церковь — помощница земледельцу

«Земле, земле, земле, слыши слово Господне!»— взывал Пророк, оплакивая несчастья Царя Иудина (Иер. 22; 28-29). Земле, земле, земле, слыши слово и молитву мою ко Господу! Так, можно сказать, постоянно взывает и молится Святая Церковь, испрашивая этой земле благословение от Господа, и от самой земли требуя изобилия плодов ее для питания возлюбленных чад своих. Молится, ибо ведает, что земля, некогда прекрасная как рай, была проклята в делах наших, была обречена производить одни терпения и волчцы. Кому снимать сие проклятие, если не молитвам Церкви? Молится, ибо ведает, что возлюбленный Жених ее, Господь — Искупитель, Сам некогда молился на этой бедной и осужденной земле; орошал ее Своим кровавым потом: падал на ней Божественным лицом Своим, обымал ее Своими святейшими дланями, дабы омыть, очистить, освятить ее. Молится, ибо знает, что земным детям ее необходима пища земная; и хочет, чтобы сия пища была не только достаточна, но и обильна; не только обильна, но и благословенна благословением Небесным, без которого не бывает ни прозябения, ни плодородия земли.

Таким образом, во-первых, когда наступает пора вверить недрам земли семена и когда добрый земледелец приносит часть своих семян в храм Господень и полагает оные пред алтарем, тогда Церковь с умилением простирает молитвенный глас своей к Отцу и Богу своему. "От Твоей пречистой и пребогатой длани, — говорит она, — мы прияли сие семян подаяние, пред Тебя, Владыко, принесли и положили пред очами Твоими: Тебе и вручаем будущее произрастание оных... Молимся Тебе, Боже наш, излей благословение Твое и отжени от нас вся снедающая плод наш земный". Окропленное святой водой, заранее оплодотворенное умиленной святой молитвой Церкви «человек вметаает семя в землю, и спит, и встает нощью и днию: и семя прозябает и растет, якоже не весть он... егда же созреет плод, абие послет серп, яко наста жатва» (Мк. 4; 26-27, 29).

Во-вторых, если жатва кончилась, и сжатые колосья убраны на гумно, то Церковь благодарит Господа, и паки вопиет к Нему, Источнику благих, чтобы Он благословил и умножил и гумно и плодоношение рабов Своих, чтобы исполнил (наполнил) сокровища и житницы их всякого благого плода,

пшеницы, вина и елея. Когда смотришь на гумно, очищенное трогательной молитвой, тогда невольно приходит на память трогательная история об оном древнем Гедеоне, который от молотьбы пшеницы, прямо с родительского гумна, пошел спасать и спас «Израиля от руки Мадиамли». Когда видишь благоговейно и усердно трудящихся на гумне, подобно Гедеону, «иже млачаше пшеницу», тогда как бы слышишь кроткое и благодатное приветствие Ангела Господня: «Господь с вами, Господь с вами, сильные крепостию» (Суд. 6; 11-12,14).

В-третьих, «се, земледелец ждет честного плода от земли, — говорит святой апостол Иаков, — долготерпя о нем, дондеже примет дождь ран и поздн» (Иак. 5; 7). Ждет и с трепетным чувством думает: "Принесет ли плод то, на что я употребил столько трудов, пролил столько пота? Увижу ли полные колосья? Соберет ли их рука моя?" Церковь лучше всякого другого понимает те чувства, какими по временам волнуются сердца, мнутся души простых детей ее. Поэтому, не ожидая жатвы, она, для утешения, для ободрения, вообще для возбуждения духа благочестия, с радостью позволяет «крестные ходы и молебствия» на полях и нивах христианских. В приятнейшее время года, когда посеянное стелется по земле густой зеленью или только что начинает пускать юные ростки, вы увидите на поле какой-нибудь русской православной веси благолепные святые иконы, Честный и Животворящий Крест Господень, Святое Евангелие Спасителя нашего, служителей алтаря Христова в церковных облачениях и множество молящихся разного пола и возраста. Молится дитя, которое еще не умеет трудиться, но уже просит хлеба; молятся отец и мать, которым нужно заботиться о пропитании своего семейства и для которых лучше самим умереть без пищи, нежели видеть детей своих голодом истаивающих; молится глубокий старец, повергаясь на землю, который в жизни своей много видел и лет плодородных, и годов неурожайных, который посему опытно ведает и великую радость, бывающую во дни богатых жатв, и всю скорбь, все ужасы годов голодных. Кто осмелится сказать, чтобы подобные действия Церкви не были самым ясным доказательством ее глубочайшей любви и материнских попечений о счастье и довольстве благодатных детей своих? А такие действия Церковь готова совершать не только весною, но и летом, и осенью, не только на полях, но и во всяком другом месте, где земля может приносить плоды благопотребные, например в садах.

В-четвертых, склонность к садоводству есть в нас неизгладимый остаток райской жизни, и Святая Церковь со всей любовью, с райскими благожеланиями и сладостной надеждой благословляет и освящает разведение садов между христианами. «Призри с небесе», Боже, — молится она словами Царя-пророка, — «и виждь, и посети виноград сей, и соверши и, егоже насади десница Твоя» (Пс. 79; 15-16).

Созреют ли плоды в садах и огородах ваших? — Церковь, веселяся и радуясь вместе с вами счастливому собранию оных, паки спешит возблагодарить Господа за Его милость и приглашает христиан к

прославлению Его святого имени. Она благословляет и освящает сии плоды святейшим именем Бога, в Троице славимого, и кроплением святой воды. Таким образом, каждый плод, сам по себе вкусный и приятный, должен соделаться еще приятнее, когда он подается рукой Матери Церкви и когда из-за него как бы слышится древний глагол Бога в раю, благословляющий снедь райских плодов: «от всякого древа, еже в рай, снеси» (Быт. 2; 16). В-пятых, не часто ли, братие мои, наши нивы, наши сады и огороды вместо чаемого обилия плодов приносят одно терние? Не часто ли даже и терния не бывает видно на тучных полях и пажитях? Земля суха и черна, аки головня; ни одного живого и свежего растения. Нападают на землю песия мухи, и поедают траву зеленую, от саранчи гибнут труды земледельца и садовника; убиваются градом винограды... Церковь старается предупредить это страшное бедствие или отворотить, когда оно уже наступило. Смотря на печальное и обезображенное лицо земли, она воспоминает пред Богом первобытную красоту мира, о коей Сам же Бог засвидетельствовал: «и виде Бог вся, елика сотвори: и се добра зело» (Быт. 1; 31), — и этой неописанной красотой тщится умолить Создателя, чтобы Он сжалился над теперешним бедственным положением земли и уврачевал глубокие раны ее. Сильным и поразительным заклинанием святого мученика Трифона она повелевает всем прожорливым зверям, насекомым и птицам, да не обидят ниже ниву, ниже виноград, ниже вертоград, ниже всякое древо плодовитое и бесплодное, и да отыдут на дивия горы, на места непроходимыя, на неплодныя дресеса, на нихже даровал им Бог повседневную пищу.

Так-то, братие возлюбленные, Святая Матерь наша Церковь при всяком удобном случае старается освятить, украсить и оплодотворить для нас землю; так тщится упоить бразды ее молитвою, усладить растения и плоды своим благословением, и отгнать от нее все вредное и вредящее.

Наступит время, когда и нас, подобно семени, положат в недра земные; Церковь не умедлит принести молитвы и моления на том месте, где будет посеяно бренное тело наше; святая Матерь наша с нежностью и упованием возгласит матери-земле: "Земле! зинувши, приими от тебе созданнаго рукою Божию прежде, паки же возвращшася к тебе рождающей еже бо по образу Своему Создатель прият, ты же приими тело твое".

Посему, когда расторгаешь недра земли для посева и сажения, помяни свою могилу, каково там будет тебе. Когда садишь или сеешь для возрастания: помысли, что и твое тленное тело будет посеяно, дабы восстать в нетлении. Когда нива твоя покрыта богатой жатвою, сад красуется цветами и плодами, не забывай, что и ты на то живешь и растешь, дабы украшаться цветом красоты нетленной, обиловать плодами добрых дел. Посмотри: все деревья и растения поднимаются в высоту, постоянно обращены к небу и солнцу; возносись и ты духом горе, выну (всегда) обращай мысль и сердце твое к вечному Солнцу правды — Богу, и возопий, молясь: «желает душа моя к Тебе, Боже, когда прииду и явлюся лицу Божию?» Аминь.

(Из "Бесед " Я.К. Амфитеатрова)

221. Радость от Христова Вознесения

Благословен Бог! Украшение тела есть глава его, а украшение праздников есть настоящий праздник. Мы празднуем Вознесение Христово, которое есть окончание всех праздников Господних. Так, первый праздник есть таинственное, чудесное Рождество Христово (рождение во плоти). Ибо как не чудно Божие схождение, или лучше снисхождение, Его к нам с небес? Господь всего — облекся в зрак рабий (образ раба); Содержащий все — имеет мать бедную! Второй праздник есть Богоявление. Там звезда указала рождение Бога Слова; здесь Иоанн воззвал: «се, Агнец Божий, вземляй грехи мира» (Ин. 1; 29); а Отец Небесный гласом Своим: «Сей есть Сын Мой возлюбленный, о Немже благоволих», — утвердил свидетельство Иоанново о Крещаемом (Мф. 3; 17). Но и сей праздник не заключает в себе всего веселия: смертное не пожерто еще безсмертием чрез воскресение. Третий праздник есть Воскресение после спасительных страданий, восставивших падший мир и возведших к вечной жизни Адама, древле умершего. Ибо от древа Адам вкусил смерть, древом же Креста получил и жизнь; и потому праздник Воскресения светоноснее предшествующих, ибо в нем Безсмертный смертию Своею умертвил смерть и даровал смертным живот вечный. Впрочем, сей праздник удерживает еще Христа на земле. Но день Вознесения все исполняет величайшей радостью. Иисус Христос отверзает светлые небеса и возносит человека в небесные высоты, побуждая тем все Ангельские чины к несказанной радости, представляет и нам чудное зрелище — вознесение нашей плоти на Царский престол. Ни Илия, никто другой, не восходил на небо ("Илия, — говорит святитель Иоанн Златоуст, — взят только яко на небо, потому что он — раб; а Иисус на самое Небо, ибо Он — Господь"), но один Единородный Сын Божий, «спешдый с небесе, Сын Человеческий, сый на небеси» (Ин. 3; 13). Он — пастырь добрый — оставил в высотах небесных девяносто девять овец — Ангелов, чтобы найти одну овцу заблудшую; и нашед, Он взял ее на рамена Свои и, вручая Отцу Своему, говорит: Отче! Я обрел заблудшую овцу, которую лукавый змий, коварно обольстив, завел на пути греха и омрачил идолослужением чистоту Богопознания. Увидев ее, погрязшую в тине нечестия, Я скоро исхитил ее всемогуществом Моим, омыл ее в струях Иорданских и умастил благоуханием Святого Духа Моего; ныне чрез воскресение пришел к Тебе, нося достойный Твоего Божества дар — сию духовную овцу.

Ныне диавол оплакивает свое поражение, видя наше тело вознесенным на небо, ибо ныне вознесением Иисуса Христа исчезает он как дым. "Что мне несчастному делать? — вопиет диавол, — Иисус исхитил у меня всех, от вечности бывших в моих руках, оставил меня без всего и, лишив меня крыл, поверг на землю. Обманут я Сыном Марии; я не знал что это Бог в человеческом теле; я почитал Его простым человеком, возбудил против Него

Иудеев, и чего не мог произвести сам, то сделал чрез них. Я изобрел Ему бесчисленные оскорбления, измыслил всякий род поношения: напоил его оцетом, венчал главу Его тернием, нанес Ему заушения, пригвоздил Его ко кресту и наконец, подвергнуши Его смерти, я торжествовал с Иудеями, как победитель. Узрев же, что Он воскрес в третий день, как предсказывал, я пал, как бы пронзенный мечом в сердце... Видя, что Он ест и пьет, я опять готовил для Него новый крест; но когда я замышлял это, Он восходит со славою на небо, откуда я низвержен со стыдом... Хотел бы Его преследовать, но как свинец падаю вниз; хотел бы удержать, но сам удерживаюсь невидимою силой. Что мне бедному делать? Отовсюду Он изгнал меня!... С неба Он поверг меня на землю, как малейший камень; пав на землю, я думал сокрыться в водах; но, нашед меня в струях Иордана, Он поразил меня как дракона; думаю удержаться хоть где-нибудь на земле, но все, как страж Господней ограды, взывает против меня: «Господня земля, и исполнение ея, вселенная и вси живущий на ней!» (Пс. 23; 1).

Землетрясение в час смерти Господней доказало, что земля Его, ибо она не могла снести поношения имени Господня и необыкновенно трепетала. Ангелы, благовествуя последнее пришествие Господне, говорили: «мужие Галилейстии, что стоите зряще на небо?» Зачем устремили взор свой туда? Лучше прославьте величие Восходящего на небеса, зря Творца их, и подивитесь Его человеколюбивому снисхождению. Ибо облекшийся в человека перстного, Он показал его гражданином Небесным и соделал жителем неба. О, куда возвел Он его, лежавшего долу! «...что стоите зряще на небо? Сей Иисус, вознесыйся от вас на небо, такожде приидет, имже образом видесте Его идуща на небо» (Деян. 1; 11). Приидет такожде! Каким образом? Облеченный в наше тело, с открытым ребром прободенным, да «воззрят нань Иудеи, Егоже прободоша» (Зах. 12; 10). Мы же да сподобимся зреть с дерзновением лицо Его и да получим обетованные блага, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа. Ему со Отцем и Святым Духом слава, честь и держава ныне и всегда, и во веки веков. Аминь.

(Из слова святого Епифания, архиепископа Кипрского)

Тропарь праздника:

Вознеслся еси во славе, Христе Боже наш, радость сотворивый учеником обетованием (обещанием) Святаго Духа, извещенным им бывшим (в чем они удостоверены были) благословением, яко Ты еси Сын Божий, Избавитель мира.

Кондак праздника:

Еже о нас исполнив смотрение (промышление), и яже на земли соединив небесным, вознеслся еси во славе, Христе Боже наш, никакоже отлучаяся (от нас), но пребывая неотступный, и вопия любящим Тя: Аз есмь с вами, и никто же на вы!

222. Богослужение в день Пятидесятницы

День Пятидесятницы венчает круг всех великих праздников христианских, ибо в сей день мы славим третье Лицо Пресвятой Троицы — Святого Духа, торжественно сошедшего на святых апостолов и излившего обильнейшие дарования на всю Церковь. Потому в Богослужении на сей день мы преимущественно обращаемся ко всей Пресвятой Троице и Ей приносим торжественные благодарения, славословия и прошения. Высочайшая, Божественная благодать ниспослана ныне роду человеческому; но при таком богатстве, туне нам дарованном, можно ли, без вреда для души, забывать нам свое недостойнство, нашу ничтожность пред Богом? Потому-то Церковь, с песнопениями торжества и радости, весьма мудро соединяет ныне чувства смирения и покаяния.

На великой вечерне в стихирах, следующих за пением: «Господи возвал», Церковь, описывая событие праздника, возвышает вместе умы наши к познанию высочайшего Небесного Посетителя: "Все подает Дух Святой, источает пророчества, совершает священников, не книжных научает мудрости, рыбарей являет богословами и собирает собор церковный". При сем Церковь призывает нас славить всю Святую Троицу: да, "прияв Духа небесного, нераздельней Троице поклоняемся, Которая спасла нас"; научает, с преклонением душевных и телесных колен, "воспевать безначального Отца, собезначального Сына и соприисусущного и Пресвятаго Духа, просвещающего и освящающего души наши".

Все песнопение оканчивается распространенною трисвятою песнию: ««Святой Боже», все сотворивший Сыном, при содействии Святаго Духа, «Святой Крепкий», Коим мы Отца познали, Коим и Дух Святой пришел в мир, «Святой Безсмертный», утешительный Дух, исходящий от Отца и почивающий в Сыне, — Троице Святая, слава Тебе".

В паремиях Церковь, от великого события новозаветного обращается к древним великим преобразованиям и обетованиям, указывая таким образом на внутреннюю связь Заветов Нового и Ветхого. В первой паремии (Чис. 11, 16, 17, 24-29) описывается древнейшее явление Духа Божия на 70-ти мужах, избранных в помощь Моисею, — явление, в коем видно сходство с настоящим явлением Пресвятого Духа на апостолах. Во второй паремии слышим те самые слова Божественного пророчества, которыми апостол Петр, в день Сошествия Святого Духа, объяснял удивленному народу таинство сего великого события: это обетование об излинии Духа на всякую плоть, на сынов и дочерей, на старцев и юношей (Иоил. 2; 23-32, ср. Деян. 2; 14-21). Наконец в третьей, взятой из пророка Иезекииля (36; 24-28), предвозвещаются верующим очистительные духовные воды, дарование духа нового, вместо ветхого, и сердца плотяного, вместо каменного, и обещается Дух Божий.

В стихирах на стиховне славословия соединяются уже с молениями: "Духа Твоего Святаго не отыми от нас, — сияния Его и нас сподоби", и

возносится моление к Самому Пресвятому Духу: "Царю Небесный, Утешителю, Душе истины! — прииди и вселися в ны, и очисти ны от всякия скверны". Наконец воспеваем и благодарственную песнь Господу Иисусу Христу, виновнику столь высоких милостей Божиих к человекам: "Благословен еси, Христе Боже наш, Иже премудры ловцы явлей, низпослав им Духа Святаго, и теми уловлей вселенную, Человеколюбче, слава Тебе" (Тропарь праздника).

Первый канон, поемый на утрени, составлен преподобным Космою Иерусалимским. Вот некоторые тропари сего канона: "Ныне обетование Господа и то, что проповедано Законом и Пророками, исполняется (песнь 1). Ныне глаголавший в Пророках познается служителем слова, разделяется им во огни и является им в иностранных языках (песнь 4). Это Дух Божий, Дух премудрости, Дух, от Отца исходящий и Сыном нам подаваемый (песнь 5). Он изливается на всякую плоть, и все исполняются истиннаго боговедения (песнь 6). Приидите же, станем на горе Сионской, во граде Бога Живаго, и будем соучастниками учеников духоносных (песнь 8), чрез которых народам возглашены величия Божий и преподано познание Святой Троицы (песнь 9)".

Второй канон, святого Дамаскина, еще яснее раскрывает Божественное таинство. "Священные уста изрекли: Я не разлучаюсь с вами, о други, — и истиннейшее Слово возвеселило друзей ниспосланием на них Святого Духа (песнь 1). Сие Богоначальное Существо неученых Апостолов соделало мудрецами, заграждающими словом уста премудрых (песнь 3). Ныне изшел из Сиона закон Благодати, апостолам даровано ведение языков и напечатлено в них живоносное и равномошное Отцу Слово (песнь 5). Возобнови, Господи, — поет святой Певец, — в сердцах наших Духа всеисполняющего и попяляющего наши скверны (песнь 6), — да взываем все: благословен Ты, обновитель вселенной (песнь 7). Даруй, о Душе Святой, Себя нам, рабам Твоим, да будеши в нас непрестающим дыханием" (песнь 8). — Следуют «хвалитные» псалмы с хвалебными песнями, в коих опять прославляется Сам Великий Посетитель Церкви, "Дух Святой, Вечносущий со Отцем и Сыном, Жизнь и Животворящий, Свет и Податель света, источник благодати, Тот, Кем познается Отец и прославляется Сын, Бог и боготворящий, огонь, исходящий от Отца, глаголющий и действующий, разделяющий дарования, венчающий Пророков, Апостолов и Мучеников".

Здесь еще слышим ту молитву к Пресвятому Духу: «Царю Небесный, Утешителю», — которую Церковь начинает всякое свое Богослужение, потому что без благодати Святого Духа не может и быть достойного служения Богу.

На литургии антифоны заимствуются из тех псалмов, в которых изображается небесная проповедь, исходящая во весь мир (Пс. 18) — ясный образ проповеди Евангельской, на которую посвящены Апостолы огненными языками Духа; — обещается помощь от Святого и заступление от Сиона (Пс. 19) — совершеннейшее исполнение чего видим ныне в Сионской горнице, — и воспевается Божия сила и благословение благодостынное, венчающее

верного помазанника Божия (Пс. 20)— Самого Иисуса Христа, Которому Бог Отец желание сердца дал есть, и хотения устну Коего не лишил — в ниспослании Апостолам Святого Духа.

Лик присовокупляет к стихам псаломским моление к Спасителю и к Святому Духу: «молитвами Богородицы, Спасе, спаси нас! — Спаси ны, Утешителю благий, поющая Ти: Аллилуиа!» Апостол представляет величественное описание воспоминаемого события: «Бысть внезапно с небесе шум, яко носиму дыханию бурну... явишася (Апостолом) ...языцы яко огненни... и исполнишася вси Духа Свята и начата глаголати иными языки... Бывшу же гласу сему, снидеша народ... дивляхуся же вси, слыша глаголющих их (на разных языках) величия Божия» (Деян. 2; 2-4, 6-7, 11). В Евангелии (Ин. 7; 37-39) Господь возглашает к народу: «аще кто жаждет, да приидет ко Мне и пьет: веруяй в Мя, якоже рече Писание, реки от чрева его истекут воды живы. Сие же рече, — говорит Евангелист Богослов, — о Дусе, Егоже хотяху приимати верующии во имя Его».

Последняя — таинственнейшая — часть литургии, самым священнодействием напоминает нам сошествие Святого Духа. Заметим при сем, что при освящении даров священник всегда молитвенно воспоминает ниспослание Святого Духа на Апостолов и, призывая Того же Духа говорит: "Иже Пресвятаго Твоего Духа в третий час Апостолом Твоим низпославый, Того, Благий, не отыми от нас, но обнови нас молящих Ти ся!"

Вечерня непосредственно следует в сей день за литургией. Молитвы, читаемые на вечерне с коленапреклонением, возвышают душу к самому престолу Всесвятой Троицы, и вместе заставляют глубоко чувствовать всю нашу бедность и виновность пред Богом, возбуждают и утверждают веру, любовь и упование, и столь полны, что объемлют всех не только живых, но и умерших, отец и братьев наших (см. листок № 4). Все Богослужение сего великого праздника заключается особенным отпустом, в котором высокими чертами описывается все Божественное строительство спасения нашего во Христе: "Иже от Отчих и Божественных недр истощивый Себе и с небесе на землю сошедый, и наше все восприемый естество и обоживый е, последи же на небеса паки возшедый и одесную седый Бога и Отца, Божественнаго же и святаго, и Единосущнаго, и единосильнаго, и единославнаго, и соприсносущнаго Духа низпославый на святых Своих Ученики и Апостолы, и Сим просветивый убо их, теми же всю вселенную, Христос, истинный Бог наш — помилует и спасет нас, яко Благ и Человеколюбец".

(Из "Воскресного чтения", 1889)

223. Братие, пожалеем согрешающих!

Когда мы сами согрешаем пред Богом, с каким снисхождением смотрим мы на свои грехи! "Что делать? — так обыкновенно рассуждаем мы тогда. — И рады бы не грешить, да враг попутает — поневоле согресишь, мы — не

Ангелы безплотные, мы — люди грешные, слабые. Бог ведь знает наши немощи и не осудит нас"... Такими рассуждениями мы стараемся заглушить в себе голос совести — судии неподкупного. И обманываем себя и других, думая оправдаться тем пред судом правды Божией!

Совсем другое дело, когда мы видим других согрешающих: о, тогда мы являемся строгими ревнителями закона Божия и беспощадными обличителями неправды людской; тогда мы восстаем против греха со всей ревностью и судим согрешившего строже суда Божия: Бог еще щадит грешника, ожидая его покаяния, а мы уже выставляем его на позор людской и — что греха таить? — иногда, под видом сожаления, с тайным каким-то злорадством указываем на его грехи... И вот, этот несчастный грешник, который, может быть, и согрешил-то только по неведению, по увлечению, по недостатку опытности духовной, а иногда и потому, что мы же его натолкнули как-нибудь на грех, — этот, говорю, грешник, не видя к себе ни в ком участия, примечая, как все от него отвращаются с холодным презрением, падает духом и начинает все глубже и глубже втягиваться в смрадную тину греха, и доходит, наконец, до мрачного отчаяния: "Все равно-де уж погибать: прежнего не воротить!"

А кто знает? Если бы мы после первого его падения отнеслись к нему с состраданием, покрыли бы его грех любовью, подали бы ему руку помощи, помогли бы ему встать... Кто знает? Может быть он и встал бы, и опять стал бы добрым человеком, да еще лучше нас, черствых сердцем и холодных душою самолюбцев!..

Много может любовь христианская; много бывало примеров, когда братская беззаветная любовь извлекала несчастных грешников из пропасти греха и обращала на спасительный путь покаяния. Вот что рассказывает святитель Христов Иоанн Златоуст в трогательном слове своем к Феодору падшему: "Скажу тебе и во дни наши случившееся, чему сам ты можешь быть свидетелем. Ты знаешь Финикса, Урванова сына, этого юношу, который остался в безвременном сиротстве господином великого имени, множества слуг и поместий. Сперва он, оставив занятие в училищах, сбросил с себя свои блестящие одежды и, облекшись в убогое рубище, пошел в ту пустыню, которая на горах наших. Там показал такое великое любомудрие, какое прилично не только его возрасту, но хотя бы кому из великих и чудных мужей, и удостоился священного сана. Между тем, некоторые развратные люди, посещавшие его по праву родства, успели соблазнить его: юный подвижник вернулся в город и стал разъезжать на гордом коне, окруженный множеством последователей. Разжигаемый пресыщением, он впал, наконец, и в непотребную любовь. Тогда некоторые святые мужи, встречая заблудшего на торжище, подходили к нему и ласково приветствовали. Юноша с высоты коня своего, стороною и как бы мимоходом, разговаривал с ними. Но добрые люди не стыдились сего; они заботились только о том, как бы овцу исхитить от волков; и их терпение увенчалось успехом. Юноша, устыдившись их великого усердия, как скоро видел издалека, что они идут,

тотчас сходил с коня, кланялся низко, и в молчании слушал все, что они говорили в наставление ему.

Таким-то образом они скоро, по благодати Божией, возвратили его в пустыню. И он так просиял добродетелями, что прежняя жизнь его, сравниваемая с жизнью по падении, совершенно ничего не значит.

Но Финикс, быв еще юношей, пал и встал. Другой же некто, после многих трудов, понесенных им в пустыне, достигавший уже старости, сатанинским наваждением впал в плотское похотение. Он явно, без стыда, открыл свою мысль жившему с ним брату. Напрасно сей убеждал его оставить пагубное намерение: пустынный не послушал и ушел в город. Товарищ, издали идя, наблюдал за ним. Увидев, что он вошел в непотребный дом, и дождавшись, пока тот вышел, он встречает его с распростертыми объятиями, любезно целует, и нисколько не упрекая за сделанный грех, умоляет только, чтоб он опять возвратился в пустынное жилище. Такая великая кротость устыдила падшего: он тотчас очутился, умилился — и последовал за товарищем на гору. Там он просит друга затворить его в другой келлии, двери наглухо заключить, подавать ежедневно один хлеб и воду, и всем спрашивающим о нем сказывать, что он умер. Немного спустя случилась страшная засуха; все сокрушались и плакали. Тогда одному из сетующих велено было во сне идти и просить затворника, чтоб он помолился и отвратил бездождие. Отправились несколько человек, но нашли только одного товарища, а о затворнике слышали, что он умер. Думая, что сновидение обмануло их, они обратились к молитве. Сновидение повторилось. Тогда они упрашивали отшельника показать им затворника. "Он жив, а не умер", — говорили все. Видя, что тайна обнаружилась, отшельник приводит своих посетителей к святому затворнику. Разломав стену, все вошли к затворнику, упали к ногам его, рассказывали о своем бедствии и умоляли его спасти от голода. Святой муж сперва отказывался, но потом, будучи не в состоянии переспорить их, помолился, — и Бог послал дождь".

Таково было раскаяние падшего пустынного. А что было бы с ним, если бы любящий брат-сподвижник не вернул его опять в пустыню? Может быть он погиб бы в отчаянии...

Братие мои! Возненавидим грех, но пожалеем согрешающих! Ведь и сами мы не лучше их — такие же грешники, а... «творяй грех раб есть греха» (Ин. 8; 34). Пока покрывает нас благодать Божия, дотоле этот господин наш — грех — не имеет власти над нами; отступает благодать Божия — и он заставляет грешника творить волю свою... А за осуждение-то ближнего и оставляет нас благодать Божия, и мы впадаем в те же грехи, которые осуждали в ближних своих. Не напрасно один святой подвижник, когда видел согрешающего, всегда говорил сам себе: "Горе мне! Брат мой согрешил сегодня, а я согрешу завтра; он покается, а мне даст ли Господь покаяться — этого еще не знаю!"

Пожалеем, братие, согрешающих, вспомним грозное слово Спасителя: «имже бо судом судите, судят вам; и в ню же меру мерите, возмерится вам. Что же видиши сучец, иже во оце брата твоего, бервна же, еже есть во оце твоём не чуеши?.. Лицемере, изми первее бервно из очесе твоего, и тогда узриши изъята сучец из очесе брата твоего» (Мф. 7; 2-3, 5). Не будем, братие, осуждать согрешающих: им — Бог судия! «Ты кто еси судяй чуждему рабу?» — строго вопрошает Апостол Христов. Что тебе за дело до чужих грехов, когда у тебя своих не перечеть? «Своему Господеву стоит или падает. Станет же, силен бо есть Бог поставити его» (Рим. 14; 4). Он встанет, а ты упадешь; его Бог помилует, а тебя, судию дел чужих, осудит в муку вечную... Пожалеем, други мои, согрешающих: ведь все они братия наши. Помолимся о них Господу теплой молитвой сердечной любви, да обратит их Господь на путь покаяния... Поплачем за них о грехах их, скажем им слово братского вразумления: много может слово любящей души! Кто знает? Может быть наше слово падет добрым семенем в душу согрешившую, может быть оно, согретое нашей любовью, орошенное благодатью Божией, принесет плод покаяния... Кто знает? Силен Бог благословить наше слово доброе; может быть согрешивший умилился сердцем и воздохнет ко Господу в чувстве покаяния... Ах, други мои! Какая радость будет тогда у Господа, у Ангелов Божиих о сем грешнике кающемся! И причиной этой радости будет слово ваше доброе!... Слышите, что глаголет Господь: «...аще изведеши честное от недостойнаго», если сделаешь бесчестного честным, негодного добрым — «яко уста Моя будеши» (Иер. 15; 19). Какая высокая честь, какая награда великая! Вот и Апостол Христов увещевает: «Братие, аще кто в вас заблудит от пути истины, и обратит кто его, да весть, яко обративый грешника от заблуждения пути его, спасет душу от смерти — слышите, други: спасет душу от вечной смерти! — и покрывает множество грехов» (Иак. 5; 19-20). Аминь.

224. Благодатное утешение скорбящему

Слово скорбящего. «О, если бы верно взвешены были вопли мои, и вместе с ними положили на весы страдание мое! Оно верно перетянуло бы песок морей!» (Иов. 6; 2-3). «На что дан страдальцу свет, и жизнь огорченным душею, которые ждут смерти, и нет ее, которые вырыли бы ее охотнее, нежели клад, обрадовались бы до восторга... что найти гроб? Вздохи мои предупреждают хлеб мой, и стоны мои льются, как вода» (Иов. 3; 20-22,24) «...оставил меня Господь, и Бог мой забыл меня!» (Ис. 49; 14). «Чего я ужасался, то и постигло меня; и чего я боялся, то и пришло ко мне. Нет мне мира, нет покоя, нет отрады: постигло несчастье!» (Иов. 3; 25-26).

Слово утешающего. «Кто это говорит: "и то бывает, чему Господь не повелел быть"? Не от уст ли Всевышнего происходит бедствие и благополучие?» (Плач. 3; 37-38). «Неужели доброе мы будем принимать от

Бога, а злого не будем принимать?» (Иов. 2; 10). «Зачем сетует человек живущий? всякий сетуй на грехи свои» (Плач. 3; 39). «Не пять ли малых птиц продаются за два ассария? и ни одна из них не забыта у Бога» (Лк. 12; 6), «...не упадет на землю без воли Отца вашего» Небесного (Мф. 10; 29). «А у вас и волосы на голове все сочтены. Итак не бойтесь: вы дороже многих малых птиц» (Лк. 12; 7). «По милости Господа мы не исчезли, ибо милосердие Его не истощилось. Оно обновляется каждое утро» (Плач. 3; 22-23).

Слово скорбящего. «За что так упорна болезнь моя, и рана моя так неисцельна, что отвергает врачевание» (Иер. 15; 18). «Нет мира в костях моих от грехов моих... я совсем поник, весь день сетуя хожу... я изнемог и сокрушен чрезмерно; кричу от терзания сердца моего!» (Пс. 37; 4, 7, 9).

Слово утешающего. «Искушает тебя Господь, Бог твой, чтобы узнать, любишь ли ты Господа, Бога твоего, от всего сердца твоего и от всей души» твоей (Втор. 13; 3). «Плавильня — для серебра, и горнило — для золота, а сердца испытывает Господь» (Притч. 17; 3) «...Души праведных в руке Божией... хотя они в глазах людей и наказываются, но надежда их полна бессмертия» (Прем. 3; 1,4). «Блажен человек, которого вразумляет Бог, и потому наказания Вседержителя не отвергай...» (Иов. 5; 17)... «Господь, кого любит, того и наказывает; бьет же всякого сына, которого принимает. Если вы терпите наказание, то Бог поступает с вами, как с сынами. Ибо есть ли какой сын, которого бы не наказывал отец?» (Евр. 12; 6-7). «Будучи... судимы, наказываемся от Господа, чтобы не быть осужденными с миром» (1 Кор. 11; 32).

Слово скорбящего. Что за сила у меня, чтобы надеяться мне? ... Твердость ли камней твердость моя? и медь ли плоть моя? (Иов. 6; 11-12) ...сердце мое поражено, и иссохло, как трава, так что я забываю есть хлеб мой; от голоса стенания моего кости мои прильпнули к плоти моей... не сплю и сижу, как одинокая птица на кровле (Пс. 101; 5, 6, 8).

Слово утешающего. Всякое наказание в настоящее время кажется не радостью, а печалью; но после наученным через него доставляет мирный плод праведности. Притом, если мы, будучи наказываемы плотскими родителями нашими, боялись их, то не гораздо ли более должны покориться Отцу духов, чтобы жить? Те наказывали нас по своему произволу для немногих дней; а Сей — для пользы, чтобы нам иметь участие в святости Его. Если же остаетесь без наказания, которое всем обще, то вы незаконные дети, а не сыны (Евр. 12; 11,9-10, 8). Вот, мы ублажаем тех, которые терпели. Вы слышали о терпении Иова и видели конец оного от Господа, ибо Господь весьма милосерд и сострадателен (Иак. 5; 11).

Слово скорбящего. Господь отдал меня в руки, из которых не могу подняться ...око мое, око мое изливает воды, ибо далеко от меня утешитель, который оживил бы душу мою... (Плач. 1; 14,16).

Слово утешающего. Близок Господь к сокрушенным сердцем... (Пс. 33; 19). Утешайся Господом... Предай Господу путь твой (Пс. 36; 4, 5). Возложи

на Господа заботы твои, и Он поддержит тебя (Пс. 54; 23). И будет Господь прибежищем угнетенному, прибежищем во времена скорби (Пс. 9; 10). Он причиняет раны, и Сам обвязывает их; Он поражает, и Его же руки врачуют (Иов. 5; 18).

Слово скорбящего. Утомлен я воздыханиями моими: каждую ночь омываю ложе мое, слезами моими омочаю постель мою! (Пс. 6; 7).

Слово утешающего. Сеявшие со слезами будут пожинать с радостью (Пс. 125; 5) ...кратковременное легкое страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную славу (2 Кор. 4; 17). При умножении скорбей... в сердце... утешения Божий улаживают душу... (Пс. 93; 19).

Слово скорбящего. ...неужели навсегда отринул Господь, и не будет более благоволить? Неужели во гневе затворил щедроты Свои?(Пс. 76; 8, 10).

Слово утешающего. ...не на век оставляет Господь. Но послал горе, и помилует по великой благодати Своей (Плач. 3; 31, 32).

Слово скорбящего. ...душа моя насытилась бедствиями, и жизнь моя приблизилась к преисподней... я стал как человек без силы... (Пс. 87; 4, 5).

Слово утешающего. ...если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется (2 Кор. 4; 16). Взирай на начальника и совершителя веры Иисуса, Который вместо предлежавшей Ему радости претерпел крест, пренебрегши посрамление, и воссел одесную престола Божия. Помыслите о Претерпевшем такое над Собою поругание от грешников, чтобы вам не изнечь и не ослабеть душами... (Евр. 12; 2-3) ...Христос пострадал за нас, оставив нам пример, дабы мы шли по следам Его (1 Пет. 2; 21).

Слово скорбящего. Сердце мое трепещет во мне, и смертные ужасы напали на меня (Пс. 54; 5)... Заступник мой! для чего Ты забыл меня? (41, 10) ...не закрой уха Твоего от воздыхания моего, от вопля моего! (Плач. 3; 56).

Слово Господа. Забудет ли женщина грудное дитя свое, чтобы не пожалеть сына чрева своего? но если бы и она забыла, то Я не забуду тебя... Я Господь, Спаситель твой и Искупитель твой... (Ис. 49; 15, 26). Как утешает кого-либо мать его, так утешу Я вас (Ис. 66; 13). Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас! (Мф. 11; 28).

Слово скорбящего. Доколе, Господи... будешь скрывать лице Твое от меня? Доколе мне слагать... скорбь в сердце моем день [и ночь ?] (Пс. 12; 2-3). Око мое истомилось от горести (Пс. 87; 10) ...Надо мною прошла ярость Твоя... (Пс. 87; 17). Для чего, Господи, отречаешь душу мою, скрываешь лице Твое от меня? (Пс. 87; 15).

Слово Господа. На малое время Я оставил тебя, но с великою милостью восприиму тебя. В жару гнева Я сокрыл от тебя лице Мое на время, но вечною милостью помилую тебя... (Ис. 54; 7-8).

Слово скорбящего. Восстань, что спишь, Господи... Для чего скрываешь лице Твое, забываешь скорбь нашу и угнетение наше... Восстань на помощь нам... (Пс. 43; 24, 25, 27).

Слово Господа. ..не бойся, ибо Я с тобою; не смущайся, ибо Я Бог твой; Я укреплю тебя, и помогу тебе, и поддержу тебя десницею правды Моей (Ис. 41; 10).

Слово скорбящего. Не удаляйся от меня, ибо скорбь близка, а помощника нет. (Пс. 21; 12). Я же беден и нищ... Ты — помощь моя и избавитель мой, Боже мой! не замедли (Пс. 39; 18).

Слово Господа. ..не бойся... ты Мой. Будешь ли переходить через воды, Я с тобою, — через реки ли, они не потопят тебя; пойдешь ли через огонь, не обожжешься, и пламя не опалит тебя. (Ис. 43; 1-2).

Слово скорбящего. Призри, услышь меня, Господи Боже мой! Просвети очи мои, да не усну я сном смертным... (Пс. 12; 4)... и с печалью сойду... в преисподнюю (Быт. 37; 35).

Слово Господа. Я есмь воскресение и жизнь; верующий в Меня, если и умрет, оживет... Веришь ли сему? (Ин. 11; 25, 26).

Слово скорбящего. Так Господи! я верую, что Ты Христос, Сын Божий (Ин. 11; 27), Ты крепость моя. В Твою руку предаю дух мой (Пс. 30; 5-6)... да будет воля Твоя... (Мф. 6; 10) ...да будет мне по слову твоему! (Лк. 1; 38)... Ты держишь меня за правую руку... и с Тобою я ничего не хочу на земле (Пс. 72; 23, 25).

(Выписки из Священного Писания)

225. Священная песнь Богоматери

Кто был первый песнотворец новозаветной Церкви? Кто прежде всех новозаветных песнописцев воспел славу и величие Господа, когда Он, Царь Небесный, благоволил приклонить небеса и сойти с небесного Своего престола на нашу грешную землю? Из чьих уст раздалась первая песнь хвалы и славословия Богу — Спасителю грешного рода нашего? Из уст Пречистой и Преподобной Его Матери! Она, как древняя оная Мариам, сестра Моисеева, предназначала все наши новозаветные хвалебные песнопения в честь Своего Божественного Сына; Она воспела Его милость и правду, всемогущество и святость, еще в то время, когда Он, Господь и Творец неба и земли, восприяв от пречистых кровей Ее человеческое естество, яко младый младенец пребывал в Ее девственных ложеснах! И что это за чудная, поистине Божественная песнь! Как радуется сердце, когда поют ее в церкви Божией! А поют ее почти каждый день, на утрене, пред 9-ю песнию канона (исключая некоторые праздники), поют, предваря торжественным возгласием: «Богородицу и Матерь Света в песнях возвеличим!» — поют с каждением всей церкви и припевают после каждого стиха в честь Самой Составительницы сей песни: «Честнейшую Херувим и Славнейшую без сравнения Серафим, без истления Бога Слова Рождшую, сущую Богородицу, Тя величаем!» — Неземною радостью радуется душа при этом пении; и так полна радости эта чудная песнь Матери Божией, что, как говорит один

пастырь Церкви, и в самые горькие минуты забудешь свое горе, и возрадуешься духом, если только достанет у тебя сил воспеть эту дивную песнь. И это потому, что от великой радости воспета она Самою Матерью Божией, ибо подумайте только, какой радостью было преисполнено сердце Пресвятой Девы Богородицы, когда Она в первый раз воспела эту песнь? Не нашему грешному сердцу чувствовать эту радость: ее могут понимать только Ангелы Божий... Приникнем благоговейным вниманием к глубокому смыслу самой песни; а чтобы лучше уразуметь ее, раскроем Священное Евангелие и послушаем, что благовествует Богоглаголивый Лука о том, когда и по какому случаю Мать Божия воспела Свою дивную песнь.

«Во дни тыя» — вскоре после благовещения Архангела Пресвятой Деве Марии о зачатии и рождении от Нее Сына Божия, — «воставши же Мариам... иде в горняя» — в нагорную страну Иудейскую, иде «со тщанием» (с поспешностью), ибо вся Она, Благодатная, была теперь преисполнена небесной радостью, а кто ж не знает, кто на себе не испытал, как сильное чувство радости побуждает нас поскорее поделиться им с людьми близкими? Ведь от избытка сердца глаголют уста! И с кем ближе всего было поделиться Благодатной Деве Своей радостью, если не с близкой Своей сродницей, праведной женой старца — священника Захарии — Елисаветою, о которой притом от того же Архангела узнала Она, что и ее, всеми поносимую за неплодство, посетил Бог Своею милостью, что и она, Елисавета, теперь зачала во чреве сына, и радуется великой радостью о Боге Спасителе? И вот идет Пресвятая Дева, идет со тщанием в горняя, «во град Иудов», лежавший к юго-западу от Иерусалима; «и вниде в дом Захариин и целова (приветствовала) Елисавет. И бысть яко услыша Елисавет целование Мариино (лишь слышала старица Елисавета знакомый голос возлюбленной своей сродницы), възграся младенец во чреве ея: и исполнися Духа Свята Елисавет...» И открылась тогда пред духовными очами матери Предтечевой тайна, никому из людей еще неведомая; она познала, кто пришел посетить ее, и от избытка счастья «возопи» (воскликнула) она «гласом велиим, и рече: благословена Ты в женах, и благословен плод чрева Твоего: и откуда мне сие (чем заслужила я грешная такую великую честь, такое счастье), да приидет Мати Господа моего ко мне; се бо (ибо вот), яко бысть глас целования Твоего во ушью мою, възграся младенец радощами (радостным трепетанием) во чреве моем: и блаженна Ты, веровавшая, яко будет (сбудется непременно) все, глаголанное Тебе от Господа!»

Глубоко тронула смиренную Деву Марию эта необыкновенная встреча; из уст Елисаветы Она услышала повторение благовестия Архангелова; и вот тогда-то из Ее пречистых уст излилась вдохновенная песнь во славу Бога Спасителя. «И рече Мариам: величит (славит) душа Моя Господа, и возрадовася дух Мой о Бозе Спасе Моем». В Нем едином все Мое счастье, вся радость, все блаженство; Сама Я — раба непотребная, Он — Мой Спаситель: «яко призре» (Он милостиво призрел) «на смирение рабы Своея» (на Мою бедность и ничтожество) «се бо отныне ублажат Мя» (будут

благословлять и превозносить Меня как Матерь Божию) «все роды» (все люди, все народы), все те, кто уверует в Моего Сына и Бога, «яко сотвори Мне величие Сильный» (Он Всемогущий сотворил со Мною великое дело), и да будет «свято имя Его» — слава Ему Всесвятому, творящему дивная чудеса! «И милость Его» — Его несказанное милосердие — изливается и переходит от отцов на детей, от предков к потомкам «в роды родов к боящимся Его. Сотвори державу мышцею Своею» — Он явил силу Своего всемогущества: расточи (рассеял, обезсилил, уничижил) «гордая мыслию сердца их», надменных своим знанием и происхождением, «низложи сильныя со престол» — смирил гордыню самонадеянных язычников, избрав для совершения спасения уничиженный народ еврейский: «и вознесе смиренныя: алчущия» (сердечно желавших спасения) «исполни благ» — щедро оделил благами Царства Небесного — и богатыяся (гордо хвастающиеся своими мнимыми добродетелями) отпусти тщи (оставил ни с чем). «Восприят» — опять взял под Свое отеческое попечение народ еврейский — «Израиля отрока Своего, помянути милости», исполнив древние обетования, якоже глагола чрез пророков о грядущем Спасителе «ко отцем нашим, Аврааму и семени его» (его потомству); и эта милость Божия продлится ко всем людям отныне и до века!

(Изложение Святого Евангелия от Луки (1; 39-56))

226. Рождество Предтечи Господня Иоанна.

Когда незаходимое Солнце — Христос Спаситель наш благоволил воссиять миру и, приклонив небеса, сошел в святейшее самого неба девическое чрево, надлежало явиться пред Ним деннице — от неплодной старицы Святому Предтече Иоанну, дабы он предвозвестил людям пришествие Господне. И вот, когда исполнилось время чревоношения святой Елисавете, жене священника Захарии, она родила сына в старости своей, подобно тому, как некогда Сарра родила Исаака. Так чудо предшествовало чуду: прежде нежели Пресвятая Дева Мария родила Христа, престарелая Елисавета родила Предтечу Христова, дабы видевшие необычайное по законам природы рождение от неплодной старицы, уверовали потом превышеестественному рождению от безмужной Девы: ибо всемогущая сила Божия, разрешившая неплодство старицы Елисаветы, конечно могла и нетленную отроковицу Марию соделать Матерью, ибо Создателю послушно всякое естество.

Когда же Елисавета родила сына, и узнали о том ее соседи и сродники, то все радовались милости Божией, какую явил ей Господь, сняв с нее поношение безчадства. И исполнились тогда слова благовестника Гавриила, который говорил Захарии: жена твоя родит тебе сына, и многие о рождестве его возрадуются.

В восьмой день по рождении собрались в дом Захарии священники и другие сродники, чтобы обрезать младенца, и хотели назвать его по имени отца — Захарию, но мать не соглашалась на сие. Будучи супругою пророка и матерью величайшего из пророков, Елисавета и сама была исполнена дара пророческого, и как пророчица желала, чтобы ее сына нарекли Иоанном. Тогда обратились к отцу младенца и знаками стали спрашивать его: как бы он желал назвать сына? Немолчаливый Захария попросил дощечку и написал: «Иоанн будет имя ему». И тотчас отверзлись уста Захарии, и разрешился язык его, и он стал говорить, прославляя Бога. И дивились все таким чудесам: дивились тому, что старица неплодная родила сына, и что отец и мать избрали для сына необыкновенное имя, и что по написании сего имени немой отец стал говорить. И был страх на всех живущих вокруг их; и рассказывали обо всем этом по всей нагорной стране Иудейской.

И все, слышавшие о сем, говорили: что будет младенец сей?

И рука Господня была с младенцем, умножая в нем благодать Божию, и охраняя жизнь его. Дошел слух о чудесном рождении Иоанна и до царя Ирода. И вот, когда родился Господь наш Иисус Христос, и Ирод послал в Вифлеем воинов, чтобы избить там всех детей, он вспомнил тогда и об Иоанне, сыне Захарии, и подумал: не он ли будет царем Иудейским? И послал он воинов в дом Захарии; но посланные не нашли там Иоанна, ибо лишь только святая Елисавета услышала, что в Вифлееме началось избиение младенцев, тотчас же взяла свое дитя и убежала с ним в горы соседней пустыни, а святой Захария в то время находился в Иерусалиме, совершая служение во храме по чину среды своей. Между тем, Елисавета, укрываясь в горах, усердно молила Господа защитить ее с младенцем. Раз она увидела издалека воинов, которые искали ее; и воскликнула она к горе каменной, которая была пред нею: "Гора Божия! Сокрой мать и дитя!" И расступилась пред нею гора, и скрылась там святая Елисавета со своим сыном. А воины возвратились к Ироду ни с чем. Тогда Ирод послал к Захарии в церковь сказать: "Отдай мне твоего сына Иоанна!" — Святой Захария отвечал: "Я теперь служу Господу Богу Израилеву, а где мой сын — не знаю". И разгневался Ирод; и послал к Захарии в другой раз с приказанием: если не отдаст он сына своего, убить его самого. И пришли свирепые убийцы, как звери лютые, и говорили со гневом священнику Божию: "Где ты скрыл своего сына? Отдай нам его — так царь повелевает! А если не отдашь, то сам сейчас же умрешь!" — И отвечал им святой Захария: "Вы убьете тело мое, а Господь примет душу мою!" — и бросились на него беззаконные, и убили его между алтарем и храмом. И застыла его святая кровь на мраморном помосте подобно камню, на вечное обличение Ироду.

А Елисавета пребывала в пещере горы той, покрываемая Богом вместе с Иоанном; и появился там для них повелением Божиим источник ключевой воды, и выросла финиковая пальма с плодами, которыми и питались они. Спустя сорок дней после убиения Захарии преставилась и святая мать

Предтечи. А святой Иоанн, питаемый Ангелом, возрастал и хранимый Богом пребывал в пустыне той до дня явления своего Израилю.

Родина Предтечи Иоанна

К юго-западу от Иерусалима, на один час с четвертью езды, в обширной горной лошине, между садов и обработанных полей, красиво расположено селение Айн-Карим (в древности — Горняя, или Горний град Иудов); это — родина Предтечи Христова Иоанна. На том месте, где родился величайший из рожденных женами Пророк, находится теперь францисканский монастырь. Церковь здесь трехпрестольная; левый престол стоит над местом рождения Иоанна Предтечи. Из храма, по восьми мраморным ступеням спускаются в пещеру, где под мраморной доской престола горят шесть неугасимых лампад, а под ними помещена вырезанная из мрамора же звезда с латинской надписью: "Здесь родился Предтеча Господень". Свод и стены пещеры обложены мрамором и покрыты богатой материей, а пол украшен мозаикой. Главный престол храма стоит на том месте, где счастливый старец Захария воспел свою благодарственную песнь: «благословен Господь Бог Израилев...» (Лк. 1; 67 и далее). За монастырем в конце селения виден под тенью смоковниц водоем, называющийся "Источником Марии". Предание говорит, что сюда ходила черпать воду Мать Божия, когда гостила у Своей сродницы Елисаветы.

Невдалеке от этого водоема находились развалины дома святых Захарии и Елисаветы.

Ныне в Горней Русской миссией устроены приют для православных поклонников и женская обитель православных, с церковью.

(Синаксарь на 24 июня)

227. Похвала Златоуста святому апостолу Павлу

«Аще хвалится (ми) подобает, о немощи моей похваляюся» (2 Кор. 11; 30). Видишь ли, что апостол Павел никогда не хвалится чудесами, а всегда гонениями и искушениями? На него ополчались иудеи, восставали язычники, с ним препирались лжебратия, его оскорбляли немощные братия. Везде против него были смятения и возмущения — и от своих, и от чужих. «Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа весть... яко не лгу, — говорит он. — ...языческий князь Арефы царя стрежаше Дамаск град, яти мя хотя» (2 Кор. 11; 31 -32). Смотри же, какова брань, ежели князь ради его стерег город. Когда же говорю о брани, разумею ревность Павлову. Если бы Павел не дышал таким огнем ревности, то не воспламенил бы такого неистовства в областном правителе/Столько терпел и никогда не поколебался, но все, что ни встретится, переносил мужественно, однако же не вдавался безрассудно в

опасности и не бежал им навстречу. Смотри, на какое средство согласился он, чтобы избежать осады: «...оконом в кошнице свешен бых». Хотя желал он переселиться из сей жизни, но вместе искал и спасения помощью человеков, чтобы сберечь себя для проповеди. Но и здесь опять все приписывал Богу.

Вот славная победа, вот победные знамена Церкви! Так низлагается диавол нашими злостраданием. Диавол чем больше наводил на Павла опасностей, тем больше был поражаем. Он ввергал его то в труды, то в скорбь, то в страх, то в болезнование, то во все вдруг; но Павел во всем оставался победителем. Не с такой силой множество труб поколебало каменные стены города Иерихона и разрушило их, с какою глас Павлов ниспровергал своим звуком твердыни диавола и, отнявши у него множество пленников, Павел сам вооружал их, составлял из них свое воинство и с помощью его побеждал чудесно. Как лев, рыкающий и испускающий из уст пламень, он для всех был нестерпим. Непрестанно являлся всюду. Приходил к одним, спешил к другим, появлялся у тех, переносился к другим, налетал скорее ветра. И, управляя вселенной, как одним домом или одним кораблем, то извлекал утопающих, то укреплял изнемогающих, то давал приказания пастырям Церкви: всем был все, чтобы всех спасти (25-я беседа на послание 2 Кор.) — и демоны убегали, и болезни удалялись, и где бы только ни показался Павел, — все уступало ему дорогу, и как те, которые много раз терпели на войне поражение, трепещут при одном виде оружия, нанесшего им раны, так точно и демоны удалялись при виде платков и опоясаний Павловых (13-я беседа на послание 1 Кор.).

Он все терпел, чтобы только других освободить от зла. И заметь, он претерпел кораблекрушение, чтобы остановить кораблекрушение вселенной; и день пробыл во глубине морской, дабы извлечь людей из глубины обольщения; был в трудах, чтобы успокоить трудящихся; терпел язвы, дабы уврачевать изъязвленных диаволом; сидел в темницах, чтобы сидящих во узах и мраке известь на свет; многократно бывал при смерти, чтобы избавить других от лютой смерти; пять раз получал он по сорок ударов без одного, чтобы избавить от бичей диавольских тех, которые его бичевали, был бит палками, чтобы других привести под жезл Христов; забросан был камнями, чтобы других освободить от бесчувственных камней; был в пустыне, чтобы извлечь из пустыни; был в путешествиях, дабы остановить заблудших и открыть путь, ведущий к небу; подвергался опасностям в городах, чтобы указать горний град; терпел голод и жажду, чтобы избавить от лютейшего голода; был в наготе, чтобы обнаженных грехом облечь в одежду Христову; терпел нападение от народа, чтобы отвести от нападения демонского, был спущен в корзине в окно по стене, дабы поднять поверженных долу... Будем ли еще говорить, когда не знаем всего, что претерпел Павел? Мученик умирает однажды, а сей блаженный одним телом и одной душою претерпел столько бед, что они могут и самую крепкую душу привести в трепет (25-я беседа на послание 2 Кор.).

И сей-то Павел, который торжественно восклицает: «благодать Его (Христова), яже во мне, не тща бысть, но паче всех их потрудихся» (1 Кор. 15; 10); сей-то Павел, смиренномудрствуя, говорит: «Аз бо есмь мний (меньший) Апостолов, иже несмь достоин нарещися Апостол» (1 Кор. 15; 9). Видишь образец величайшего смирения? Видишь, как Павел уничижает себя, как именуется себя самым меньшим из Апостолов! Размысли, кто произнес оные слова?

Павел, гражданин небесный, хотя еще облеченный немощным телом, столп Церкви, земной Ангел, человек небесный!.. (Беседа о покаянии). Сей Павел, когда заставляла нужда рассказывать о своих заслугах, касался их слегка; и хотя бы мог написать многие книги, если бы стал распространяться о каждом подвиге, перечислять Церкви, о которых заботился, говорить о темницах и о подвигах своих в них, о подробных обстоятельствах каждого труда, о нападениях на него, однако же не захотел сего (25-я беседа на послание 2 Кор.).

Люблю я говорить о сем муже и созерцать красоту его добродетели! Восходящее солнце светлыми лучами не столько озаряет очи мои, сколько лицо Павла освещает мою душу. Солнце озаряет зрение, а Павел восторгает ум к самым сводам небесным. Он возносит душу выше солнца и луны (Беседа о покаянии).

О, кто дал бы мне ныне прикоснуться к Павлову телу, прильпнуть ко гробу и увидеть прах того тела, которое носило язвы Господа Иисуса и повсюду посеяло проповедь Евангелия, прах тела, через которое вещал Христос, через которое проглаголал Павел оные вожделенные слова: «молил бых ся бо сам аз отлучен быти от Христа по братии моей...» (Рим. 9; 3), через которое говорил он перед царями и не стыдился! Не столько страшен для нас гром, сколько страшен для демонов голос и даже одежды Павловы. Этот голос связывал демонов, очищал вселенную, прекращал болезни, изгонял пороки, поселял истину, — в этом голосе почивал Сам Христос!.. О, как желал бы я видеть прах этих уст, через которые Христос изглаголал великие и неизреченные тайны, которые изгоняли бесов, очищали грехи, заграждали уста тиранов, связывали язык мудрецов, привели вселенную к Богу!.. Желал бы я узреть и прах этого сердца, которое, не погрешая, можно назвать сердцем вселенной, источником бесчисленных благ. Ибо из этого сердца разливался на все дух жизни. Оно было так пространно, что вмещало в себе целые города, племена и народы, сгорало скорбью о каждом из погибающих, мучилось болезнями рождения о чадах несовершенных... — сердце превысшее небес, пространнейшее вселенной, блистательнейшее лучей солнечных, горячее огня, твердейшее алмаза!.. В этом сердце был источник текущий и напоющий не лицо земли, но души человеческие... Оно жило новой, а не этой нашей жизнью, — было сердцем Христовым, скрижалю Духа Святого, книгой благодати!.. Желал бы я увидеть и прах этих рук, — и узы носивших, и через возложение низводивших Духа Святого, и написавших оные письма: «видите, колицеми книгами писах

вам моею рукою» (Гал. 6; 11). И прах этих очей, которые сначала потерпели омрачение, но прозрели для спасения вселенной, еще в теле удостоились видеть Христа; которые смотрели на земное, но не видели его, созерцали невидимое, но не знали сна, бодрствовали ночью!

Желал бы я увидеть и прах этих ног, обтекавших вселенную, но не утруждавшихся, ног, которые когда забиты были в колоду, то поколебалась темница, и которые обходили всю землю и несколько раз измеряли ее стопами своими!.. О, как желал бы я увидеть гроб, в котором почивают все эти члены, воистину Христовы — члены, пригвожденные страхом Божиим, носившие на себе язвы Христовы!..

Но, возлюбленные, и Павел был подобострастный нам человек, и у него было то же естество, которое имеем и мы! Только он явил величайшую любовь ко Христу и потому взошел превыше небес и сравнялся с Ангелами... Итак, не дивиться только ему будем и не изумляться только его подвигам, но постараемся, по возможности, и подражать ему, ибо слышите, что говорит он? «Молю... вас, братие, подобии мне бывайте, якоже и аз Христу» (1 Кор. 4; 16), — будем же подражать ему, дабы, по отшествии из сей жизни, сподобиться и нам узреть его и участвовать с ним в неизреченной славе, которую да сподобит Бог получить всем нам, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа. Ему же вкупе со Отцом и Святым Духом слава, держава и честь во веки веков. Аминь (32-я беседа на послание к Рим).

228. Не зазирай (не осуждай) чужой добродетели

Ей, Господи Царю! Даруй мне зрети мои прегрешения, а не любоваться мнимыми моими добродетелями, даруй мне зрети добродетели моего ближнего и покрой от очей моих лукавых все немощи его!

Так бы, друзья мои, молиться нам надобно на всякий день и час; тогда мы всех людей стали бы считать святее себя и праведнее. Укоряя себя за грехи свои бесчисленные, любуясь добродетелями ближнего, мы стали бы на всякий день и час прославлять Отца нашего Небесного, Который праведных любит и грешных милует, и всех зовет ко спасению гласом Своего милосердия... К несчастью, на деле бывает далеко не так... Не говорю уж о том, что не проходит, кажется, ни одного часа, чтобы мы не осудили ближнего за его немощь, за какое-нибудь его прегрешение, — это у нас уж дело обыкновенное, но бывает иногда еще хуже: находятся люди, которые готовы судить и осуждать самые добродетели ближних...

Да, друзья мои, бывают на свете такие ненавистники добра, которые не только сами грешат, но желали бы, чтобы и все другие так же грешили, как и они; чтобы весь мир грешил заодно с ними, чтобы никто не колол им глаза своей доброй христианской жизнью... И вот, лишь только заметят такие люди, что человек не хочет заодно с ними идти по широкой дороге в погибель вечную, не хочет, например, в праздник Божий угощаться в

корчемнице, а спешит в храм Божий, не хочет тратиться на гулянье, на пустые Удовольствия, а несет лишнюю копейку на свечу, на украшение храма Божия, подает ее бедному, нищему, убогому, — лишь заметят эти люди недобрые, как начинают уже поносить его: "Ханжа, лицемер, святоша! Спасаться вздумал, лучше других захотел быть... Вот мы тебе покажем, какой ты святой". И показывают. Он хочет Богу помолиться, а ему мешают; он хочет поговорить, с Самим Господом во Святых Таинах соединиться, а над ним смеются, его бранят: "Тебе работать не хочется — вот и задумал поговорить, святоша этакий!.." И чтобы он ни задумал, во всем идут ему наперекор.

Не правда ли, други мои, чем разнится рассуждение этих неразумных людей от безумных речей тех безбожников, которые еще при Соломоне рассуждали: «Уловим... праведнаго, яко непотребен нам есть, и противится делом нашим... Бысть нам на обличение помышлений наших»: тяжело нам и смотреть на него: он так не похож на нас, идет совсем другой дорогою... «и удаляется от путей наших, яко от нечистот... Досаждением и мукою истязим (испытаем) его, да... искусим беззлобство его...» (Прем. 2; 12, 14-16, 19). Поистине сатанинское ожесточение сердца! Ведь сатана только и думает о том, как бы весь мир против Бога восстановить, а эти несчастные люди, сами того не зная, усердно ему помогают в том! А того и на мысль не приходит им, что, может быть, ради этого самого праведника, которого они готовы со света сжить, Бог милует и их самих, и не будь его, этого праведника, они сами давно погибли бы... Но праведен Господь и правы суды Его! Он нередко еще здесь, на земле, совершает суды Свои над такими споспешниками врага рода человеческого. Вот что рассказывает в своих записках один благочестивый писатель нашего времени.

Два брата из крестьян жили в одном доме нераздельно, и оба были женаты. У старшего жена была здоровая, а у младшего больная; первая вела себя не так, как следовало бы истинной христианке, а вторая была очень набожна, скромна и часто говела и причащалась Святых Таин. По крестьянскому обычаю, они занимались хозяйством понедельно. Случилось так, что болезненная женщина, в очередь хозяйничания старшей невестки, вздумала приобщиться: она отговела, и после причастия, придя домой, безмолвно удалилась на печку, и там в раздумье сидела, ничем не занимаясь; а старшая между тем хлопотала по хозяйству. Бог весть с чего она вдруг начала упрекать свою невестку в праздности, потом бранить и, наконец, бес до того овладел ею, что в неистовстве своем она коснулась святыни... "Монашенка ты! — кричала она гневно на свою невестку, — то и знай, говеешь да причащаешься; молишься-молишься, а что от того добра? И больна ты всегда, и слаба; а я так вот пятнадцать лет уже не бывала на исповеди и не причащалась, а видишь: что мне делается? здоровешенька! Дайка вот я тебя причащу, — вскрикнула она, наконец, запальчиво, — ты у меня будешь здорова!" И в исступлении своем несчастная, схватив ощепок лучины, бросилась на печку, чтоб поколотить причащеницу, которая на все безумные слова ее ничего не говорила, а только молча плакала. Но едва

только безумная женщина занесла ногу, чтобы ступить на первую ступеньку лестницы у палатей и печки, — вдруг вскрикнула и упала... На крик ее сбежались домашние и муж ее; подняли и положили на лавку: она была без чувств, не могла ничего говорить, а только стонала и мрачно поводила глазами... В несколько минут ногу, которую занесла она, раздуло: нога забагровела и сделалась как бревно. Между тем глаза несчастной выкатились, а богохульный и неистовый язык вытянулся сам собою из гортани, распух, забагровел и повис... Часа через два после того, эта женщина в таких ужасных признаках карающей правды Божией испустила дух... Между тем младшая ее невестка, которую она так обидела, видя, что Бог страшно поразил несчастную, заливалась слезами, кланялась ей в ноги и горько приговаривала: "Если Бог покарал тебя за меня, прости; я тебя прощаю, и Бог да простит". Но, видно, Бог не услышал молитв ни ее, ни плачущего семейства. Так, с выкатившимися глазами, с высунувшимся языком, с чрезмерно распухшей ногой, и похоронили несчастную.

Вот что значит укорять ближнего за его добрую жизнь; вот что значит смеяться над святой добродетелью! Берегись, брат возлюбленный, судить чужую добродетель, хотя бы и казалась она тебе подозрительной. Что тебе за дело: лицемерит или нет ближний твой, делая доброе дело? «Ты кто еси судяй чуждему рабу?» (Рим. 14; 4). Разве ты был у него на душе, что знаешь о его лицемерии? А что, если он не лицемерит, а служит Богу всем сердцем своим? К кому ты тогда приравняешь себя, осуждая брата за то, за что должен бы его любить и уважать? Ведь это дело — прямо диавольское! Да у тебя самого, может быть, нет и никакого добра, даже и лицемерного.. . Как же ты судишь добро ближнего? Сам добра не делаешь — другим делать не мешай; сам грешешь — других не заставляй грешить... Почти добродетель хотя в других, если не даешь ей места в своей душе... Не шути, не смейся никогда над добрым делом ближнего, хотя бы и казалось оно тебе странным, необычным.

Избави тебя, Бог, от такого бесовского посмеяния! Убойся суда Божия и укори себя самого: "Брат мой делает по силе добро, а я, окаянный, что делаю?.. Какой ответ дам я своему Господу, когда явлюся на Его Страшный суд? Господи, Господи! Если уж не за мои добрые дела, коих вовсе нет у меня, но хотя за молитвы братьев моих, рабов Твоих истинных, не оставь меня грешного, обрати на путь истинный!" И верь, друг мой, это смиренное самоосуждение услышит Господь; Он коснется твоего сердца грешного и зажжет в нем искру добра; тебе самому захочется бросить грех, тебя самого потянет к заповедям Божиим. "Вот, — скажешь ты, — брат мой исполняет же эти заповеди, отчего же мне не исполнять их? Попытаюсь начать: Бог не без милости; не все же грешить, не умирать же во грехах. Помогите, Господи!" Так подскажет тебе Ангел хранитель твой, и ты, Бог даст, бросишь грех — и покаешься, и начнешь жить по заповедям Божиим, и возлюбишь их всею душой. Верь святому Апостолу, который говорит, что эти «заповеди... тяжки не суть!» (1 Ин. 5; 3).

И возблагодаришь ты Господа, что указал тебе добрый пример жизни спасительной в добродетели твоего ближнего. И возлюбишь ты сего ближнего, как своего наставника ко спасению, и оба пойдете вы по одному пути Божию. Помоги же вам, Господи, ревновать друг другу в делах спасительных, и сохрани вас, Милосердый Боже, от великого искушения шутить и смеяться над добродетелями ближнего!..

229. Без страха Божия от греха не удержишься

Хорошо сказал царь Давид о грешнике: «Глаголет пребеззаконный согрешати в себе: несть страха Божия пред очима его» (Пс. 35; 2), как бы так говоря: почему пребеззаконный грешник замышляет преступать заповеди Божий, святые и спасительные, и решается на дела Богу противные? Потому, что нет страха Божия пред очами его. Почему сильный обижает слабого? Почему клятвопреступник во лжи клянется, дерзкий — досаждаёт, бесстыдный — сквернословит? Почему человек, будучи сам весь во грехах, осуждает других? Потому, что нет страха Божия пред очами их. Почему мздоимный судия судит неправо, почему ленивый всю жизнь проводит в небрежении, утопая в греховных удовольствиях, не помышляя о покаянии? Потому, что нет страха Божия пред очами их. Без страха Божия не удержишься от грехов, не исправишь своей жизни, как говорит тот же Давид: «несть бо им изменения, яко не убояшася Бога» (Пс. 54; 20). Не расстаются грешники со своими беззакониями, не хотят обратиться к добродетели, потому что Бога не боятся.

Кто Бога не боится, тот готов на всякое зло: ему не страшно убить человека — он даже почитает это делом удачества и храбрости; украсть, ограбить кого — для него дело выгоды. Плотские скверные грехи он и в грех не ставит, считая их потребностью природы. Лукавство и хитрость он считает мудростью; он каждый грех готов считать добродетелью, делом обычным: самым бесстыдством он хвалится: «хвалим есть грешный в похотех души своея...» (Пс. 9; -4); чего следовало бы стыдиться, тем он утешается; о чем бы плакать, тому он радуется; чем бы гнушаться, того он желает; чего бы избегать всячески, того он усиленно ищет. Кто Бога не боится, тот есть человек греха. Он только о грехе и думает, греха желает, грехом услаждается, сам в себе возжигает греховный пламень, а беззаконные дела — собирает как сокровище: «...сердце его собрал беззаконие себе...» (Пс. 40; 7). Как дикий конь, он порвал узду страха Божия и стремится туда, куда влечет его греховное пожелание, пока не упадет в ров погибели вечной. Кто Бога не боится — тот безбожник, он живет так, как будто не верует в Бога, не ждет Страшного суда Божия и вечной муки в геенне огненной. Для него все это — сказки; это поистине — сын погибели, раб и друг диавола, противник Божий, предтеча антихристов: как антихрист не захочет и слышать о Боге и воспротивится Ему, сам назовет себя богом; так и тот, кто Бога не боится, как

бы не хочет знать Бога над собою, не слушает Его повелений, он сам себе — бог! Одним словом: где нет страха Божия, там всякое зло совершается, там всякая страсть, как говорит преподобный Дорофей. Как все реки текут в море, так в сердце, в коем нет страха Божия, стремятся все греховные пожелания, а за ними — и греховные дела. О, если бы люди грешные убоялись Господа Бога! Они не решались бы прогневлиять Его, своего Судию праведного, своими беззакониями!

Страх Божий — это узда, удерживающая грешника от пути его беззаконного, как сказано в Притчах: «страхом же Господним уклоняется всяк от зла» (Притч. 15; 27). Вот почему и Пророк Моисей, желая отвратить народ еврейский от грехопадений, заповедует ему иметь прежде всего страх Божий: «...да будет, — говорит, — страх Его в вас, да не согрешаете» (Исх. 20; 20). Страх Божий — путеводитель ко спасению и начаток любви к Богу, как говорит тот же Моисей: «И ныне, Израилю, что просит Господь Бог твой у тебе, точию еже бояться Господа Бога твоего, и ходити во всех путех Его, и любити Его и служить Господу Богу твоему от всего сердца твоего и от всея души твоя» (Втор. 10; 12). Вот видите, от страха Божия начинается спасение человеческое: кто боится Господа, тот ходит путем Его, хранит все заповеди Его, любит Его, ничего не жалеет для Него и служит Ему со всем усердием. Аврааму было сказано: «ныне бо познах, яко боишися ты Бога» (Быт. 22; 12). Знал Бог, испытующий сердца и утробы, что Авраам имеет страх Божий; но по-человечески сказал: «ныне бо познах» — ныне стало явно для всех, что ты боишься Бога. Почему? Потому что Авраам со всем усердием послушался Бога, повелевшего ему принести в жертву Исаака. А послушал он потому, что Бога любил больше, чем сына, и не только сына, но и больше, чем себя самого: он готов был сам себя лишиться утехи и надежды, не щадил своей супруги Сарры, которая, конечно, неутешно стала бы оплакивать сына. Вот истинное Боголюбие! Кто любит Бога, тот и боится Его, и слушает Его, ничего — даже себя самого не щадит для Него, будучи готов умереть за Него, как говорится в тропаре мученицам: «Тебе, Женице мой, люблю, и Тебе ищущи страдальчествоую и умираю за Тя...» А кто не любит Бога, тот не боится Его, не слушает Его, и не только жалеет чем-нибудь пожертвовать для Бога, но и Божие готов себе присвоить...

Скажут: страх и любовь противоположны друг другу; сказано: «страх муку имать: бойся же не совершился в любви» (1 Ин. 4; 18). Люди, обыкновенно, не любят и бегут от того, чего боятся. Напротив, где любовь, там и страха нет: «Страха несть в любви, но совершенна любви (любовь) вон изгоняет страх» (1 Ин. 4; 18).

Отвечаем на сие: есть страх мирской и плотской, и есть страх Божий, страх духовный. Страх плотской есть страх раба и невольника; страх духовный есть страх сыновний. Кто боится страхом мира сего, тот хотя и исполняет волю того, кого он боится, но делает это не из любви к нему, а только потому, что боится наказания. А кто боится страхом Божиим, тот исполняет волю любимого со всем усердием, из любви к Нему; он боится

только того, как бы не оскорбить любимого, как бы не потерять Его расположения к себе, он боится Его, как сын отца, боится и в то же время любит! Для него утешительно с любовью соединять страх: как говорит Псалмопевец: «да возвеселится сердце мое бояться имене Твоего» (Пс. 85; 11). А слова святого Иоанна Богослова относятся к любви совершенной. "Есть два страха, — говорит преподобный Дорофей, — один страх первоначальный, другой — совершенный. Однако невозможно достигнуть совершенного страха иначе, как только первоначальным страхом. Начни с того, что делай добро, дабы избежать наказания, подобно рабу; потом станешь делать Добро для того, чтобы получить награду, как наемник; а затем Дойдешь до того, что будешь делать добро уже единственно из любви к Богу, как сын, и сподобишься услышать: «...уже неси раб, но сын... и наследник Божий Иисус Христом» (Гал. 4; 7). Один брат спросил старца: "Что мне делать, отче, для того, чтобы бояться Бога?" Старец отвечал: "Иди, живи с человеком, боящимся Бога, и тем самым, что он боится Бога, научит он и тебя бояться Бога".

Святой Златоуст поучает: "Если помыслим, что Бог везде присутствует, все слышит, все видит, не только то, что мы делаем, но и то, что таится в глубине наших сердец, — если так расположим себя, то мы будем бояться Его, и не решимся ни на какое грешное дело или слово, ни даже помышление. Ибо скажи мне; если бы ты всегда стоял близ Царя; не стоял ли бы ты со страхом? Как же ты, предстоя пред Богом, смеешься и не боишься, не трепещешь пред Ним? Не злоупотребляй Его долго терпением: Он долго терпит для того, чтобы привести тебя ко спасению. Прежде чем начать какое-либо дело или слово, помысли, что Бог тебя видит, что Он около тебя. Он — тут, ешь ли ты, или пьешь, спишь ли, гневаешься ли на кого, или крадешь... Что бы ты ни делал, помни, что Бог с тобою, — и никогда не согресишь: ты будешь чувствовать, что предстоишь Царю Небесному". Так поучает святой Иоанн Златоуст. Будем же помнить, что страх Божий есть начало и основание жизни богоугодной. «Начало премудрости, — сказано в Писании, — страх Господень» (Притч. 9; 10), — премудрости не мирской, а духовной, о коей сказано: «благочестие есть премудрость» (Иов. 28; 28), — премудрости, которая всегда поучается в законе Господнем. А без страха Божия все клонится к падению и разрушению: «Аще кто не держится страха Господня со тщанием, вскоре превратится (развратится) дом его» (Сир. 27; 3).

(Из "Летописи" святителя Димитрия, митрополита Московского)

230. Дорожите, дети, благословением родительским!

«Благословение отчее утверждает дома чад» (Сир. 3; 9).

Преподобный отец наш Сергей в юности своей не раз говорил своим праведным родителям: "Отпустите меня с благословением, и я пойду в

монастырь". — "Подожди, чадо, — отвечали ему родители, — сам видишь: мы стали стары и немощны, послужить нам некому, у братьев твоих немало заботы о своих семьях. Мы радуемся, что ты печешься о спасении своей души — это дело доброе, но ведь твоя благая часть не отнимется у тебя. Послужи нам немного, пока Господь возьмет нас к Себе, и тогда Бог благословит исполнить твое заветное желание".

И благодатный сын повиновался. Без благословения родительского он не решился даже на такое святое дело, как монашеское житие. Вот как угодник Божий дорожил этим благословением! Дорожите и вы, дети, благословением родительским, если хотите, да благо вам будет и да долголетны будете на земли! Дорожите этим сокровищем, которого никто и никогда не может похитить у вас! С благословением родительским никакие беды и напасти не страшны будут вам; с ним и в счастье-довольстве вы не забудетесь. Недаром говорит мудрая пословица: "Родительское благословение со дна моря достанет, оно в огне не горит и в воде не тонет". В родительском благословении действует благословение Бога Самого. Сам Бог — Отец Небесный, сотворив наших праотцов, благословил их Своим Отческим благословением (Быт. 1; 28) и определил, чтобы «благословение отчее» утверждало дома чад (Сир. 3; 9).

И смотрите, читайте сами в Слове Божиим, во Святой Библии, и в житиях святых угодников Божиих, как Бог всегда исполнял на детях благословение их родителей. Благословил Ной Сима и Иафета — и исполнилось на их потомстве его благословение: в потомстве Сима сохранилось для всего мира истинное Богопочтение, а потомки Иафета — европейские народы — и поныне, спустя несколько тысяч лет, распространяют свои владения по всей земле. Напротив, лишился Хам благословения родительского — и поныне его потомки, обитатели Африки, лишены Божия благословения и блуждают во тьме заблуждений... Знали это и помнили древние люди, и ценили родительское благословение дороже всякого наследства. Даже Исав, этот сластолюбец, так легкомысленно продавший брату свое первенство за чечевичную похлебку, и тот — прочтите в Библии, как горько-горько заплакал, когда узнал, что благословение первородства досталось не ему, а младшему брату! И «возопи, сказано, гласом велиим и горьким зело, и рече: благослови убо и мене, отче!» (Быт. 27; 34). И выплакал он себе, благословение, хотя и не то, какое потерял. Так дорожили в древние времена благословением родительским. Дорожат им и теперь добрые, послушные дети. Идет ли боголюбивый юноша или девица спасать свою душу во святой обители — они прежде всего просят на то родительского благословения, на веки нерушимого. Желает ли добрый сын избрать себе подругу жизни — он и не подумает начинать такое важное дело без благословения родительского. Решается ли он вступить в какое-либо звание (духовное или светское), идти на службу царскую, заняться ли торговлей или каким-либо трудом праведным — он на все непременно просит родительского совета и благословения. А добрые православные

родители, любящим сердцем благословляя детей своих, имеют святой обычай при этом вручать им и видимый знак своего и Божия благословения — святую икону Спасителя, или Пречистой Его Матери, или какого-либо святого угодника. И становится эта святая икона заветной святыней благочестивых детей на всю их жизнь; и не расстаются они с нею нигде и никогда. И случалось, что пули вражий, ударившись о святыню, благоговейно носимую на груди христоробивого воина, отлетали без вреда для него, ибо Господь видит любовь и почтение добрых детей к родителям, и исполняет на них святое слово Свое: «да благо ти будет, и будеши долголетен на земли» (Еф. 6; 3). И видимо почивает на доме их Божие и родительское благословение.

К несчастью, не все дети знают цену этого великого сокровища. Есть дети, которые ни во что ставят родительское благословение и за то лишаются Божия благословения. Вот поучительный рассказ из недавних времен, рассказ, свидетельствующий, как дети должны дорожить самым знамением родительского благословения — святой иконою, какова бы она ни была.

Молодой человек, сын одной благочестивой помещицы, отправлялся на службу в Петербург. Мать при отъезде благословила его Ахтырской иконой Божией Матери. Икона была простая, без ризы, на вид невзрачная, темная, как обыкновенно эта икона пишется. Было уже лето, июль месяц, близко ко времени, когда чествуется Ахтырская икона Божией Матери. Путникам нужно было выбраться на большую дорогу, глухой степью, заросшей высокой травой и бурьяном. И вот юноша, оставшись в карете один, держа в руках икону, которую его мать подала ему в карету с напутственными словами и слезами и которую ему некуда было деть, предался мечтам о своем будущем: о роскошной жизни в Петербурге, о знакомстве со знатными особами, о блестящем обществе. Взглянув на образ, бывший у него в руках, — темный, невзрачный, — он подумал, что при такой обстановке, какая его ожидает, ему будет стыдно поставить у себя такую икону. И вот, не долго думая, он вышвырнул святой образ из кареты в густую, высокую траву и продолжал мечтать.

Путешествие кончилось благополучно. Юноша приехал в Петербург и поступил на службу. Когда устроилась квартира, то дядька, размещая вещи, вспомнил про святой образ и спросил у барина — где он? Барин сказал, что он вышвырнул его еще в степи... Дядька пришел в ужас и тут же сказал, что не будет ему счастья без материнского благословения. "Материнская молитва со дна моря достанет, — сказал старик, — а кто ее не почитает, тот счастья век не знает". Барин успокоил дядьку, а сам развлекся и позабыл о своем поступке. Но ненадолго.

Вскоре что-то приключилось ему весьма неприятное, и дядька не приминул напомнить ему о материнском благословении. Юноша промолчал, но с тех пор его поступок стал приходить ему на ум всякий раз, как только постигала его какая-нибудь неприятность. Он служил в Петербурге года два или три, служба шла для него весьма неудачно. Неприятности повторялись

чаще и чаще; а дядька всякий раз твердил о материнском благословении. Наконец было получено известие о смерти матери, и юноша совершенно упал духом, потеряв возможность испросить у нее прощение и вторичное благословение. Тут-то дядька приступил к барину с настоятельными советами и увещеваниями бросить службу, ехать на родину и употребить все возможные средства к разысканию иконы. У самого юноши явилось сильное раскаяние; он вышел в отставку и поехал домой опять на долгих, опять на своих лошадях. Проехали уже степью несколько верст; вдруг лошади взбесились и понесли... карету опрокинули; барин вывалился, дядька и кучер тоже... Наконец лошади умаялись и остановились. Кучер и дядька по следу измятой травы нашли их стоящими и спокойно щиплющими траву. Барина в карете не оказалось. Кучер и дядька отправились искать барина... наконец нашли; но как?! Он лежал в обмороке, с окровавленным лицом, а под головою икона... та самая Ахтырская икона Божией Матери, которою мать благословила его, провожая в Петербург, и которую он так легкомысленно выбросил вон из экипажа! Дядька и кучер в изумлении пали на колени, а юноша, опамятавшись и увидев святой образ, зарыдал горячими слезами, благодаря Господа за Его милость и вразумление. Он порешил идти домой пешком, неся в руках с честью святу ю икону. Потом он построил в своем имении церковь, которая и теперь там существует во славу Божией Матери и в честь святой иконы Ахтырской; а самую икону, покрыв дорогой ризой, поставил в церкви как храмовую, сказав, что он не достоин, чтобы этот чудотворный образ украшал жилище его, так тяжело согрешившего пред Господом и пред святою иконой Пресвятой Его Матери.

Так вразумил Бог сего юношу, доброго сердцем, но легкомысленного, и научил его дорожить родительским благословением. Дорожите, дети, и вы этим сокровищем, если желаете, чтобы на вас почивало Божие благословение!

231. Чему учит нас Христово Преображение?

Просишь ты, чтобы я тебе еще предлагал о спасительных действиях Спасителя нашего Иисуса. Хорошо. Добро нам в том поучаться. Путники есмы, отечество наше не на земле; землю, как путь, переходим, и все земное на земле оставляем, и едиными душами отсюда отходим. Сего ради о сем да помышляем и печемся, что душе нашей полезно, и с нею неотлучно отходит, и в отечество входит. Спаситель наш, сказав апостолам, что Ему следует в Иерусалиме пострадать и умереть за спасение наше, за несколько времени прежде страдания, взял с Собою трех апостолов — Петра, Иакова и Иоанна — и возвел их на гору высокую, где перед ними преобразился: и просветилось лицо Его, яко солнце; ризы же Его были белы, яко свет; тут явились им в славе два пророка, Моисей и Илия, с Господом беседующие. Потом услышался глас из облака светла, осенившего их: «Сей есть Сын Мой

Возлюбленный, о Немже благоволих: Того послушайте» (Мф. 17; 5). Апостолы, слышавше глас сей, пали ниц, и убоялися зело.

Сим спасительным действием показал Господь апостолам, во первых, что Он есть Отчее сияние, Бог и Господь, и Царь славы, хотя и покрылся смиренным человечества образом: видимым образом является, как человек, подобный прочим, но внутри — Бог есть. Апостолы прежде видели славу Его от дел чудесных, но здесь увидели славу Его уже очами своими, когда показалось им лицо Его яко солнце, и ризы яко свет, как свидетельствуют: «и видехом славу Его, славу, яко Единородного от Отца» (Ин. 1; 14). Показывалась слава Христова от дел Его, которых никто, кроме Бога, не может творить. Но здесь явилась слава Его Божественная образом видимым, когда просветилось лицо Его Божественное как солнце, и ризы блистали как свет, о чем и глас Отчий свидетельствовал.

Во-вторых, сим показал, что Он волею идет на страдание, о котором предсказывал. Познавшему, что Он есть Бог, Которому все возможно, удобно можно познать, что и страдание Его вольное есть. Ибо кто Бога может убедить к страданию, Бога, Который над всеми есть, и Которого слову и мановению все повинуется? Едина любовь и милосердие Его к нам, бедным, подвигло Его к тому. А тем самым увещевал апостолов, чтобы они, видевше Господа и Учителя своего страждуща, не соблазнились и не убоялись, и не отстали от Него, ведая, что Он волею будет страдать; какие бы это ни были страдания. Мог бы Он все злобное действие врагов Своих остановить, но не хочет; но все хочет страдать и терпеть, чтобы от сего человека погибший спасение получил.

В-третьих, апостолы, как Спасителя увидели во славе, так и явившихся пророков, причастников той славы, видели. Отсюда видим, что в вечной жизни слава святых будет подобна славе Христовой: будут «подобны Ему... и узрят Его, якоже есть» (1 Ин. 3; 2). Здесь просветилось лицо Христово яко солнце: «тогда праведницы просветятся яко солнце в Царствии Отца их» (Мф. 13; 43), «Иже преобразит тело смирения нашего, яко быти сему сообразну телу славы Его» (Флп. 3; 21). Видим еще, коликая радость и сладость тамо будет. Петр таковую радость и сладость почувствовал в себе, видев славу Божию, что и с горы сходить не хотел, но хотел тамо и пребывать: «Отвещав же Петр рече (ко) Иисусовы: Господи, добро есть нам zde бытии» (Мф. 17; 4). Только часть некую славы Божией, и сколько могли видеть, видели, но в такую радость и сладость пришли: какая же радость и веселье будет там, где вся явится слава Божия, где узрят «Бога лицом к лицу!» (1 Кор. 13; 12)... Но кто хочет радости и славы оныя участником быть, тому надобно скорби и поношению Христову здесь сообщаться. «С Ним (Христом) страждем, да и с Ним прославимся» (Рим. 8; 17) «...многими скорбьми подобает нам внити во Царствие Божие» (Деян. 14; 22). Видишь, что не только скорбьми, но и «многими скорбьми внити туда подобает».

В-четвертых, глас оный Отчий: «Сей есть Сын Мой Возлюбленный, о Немже благоволил: Того послушайте», — не только апостолов, но и нас всех

касается. Тогда возглашал Бог из облака апостолам, но через них и к нам сей глас дошел; и к нам глаголет Бог: «Сей есть Сын Мой Возлюбленный, о Немже благоволих: Того послушайте!» Сколько раз читаем или слышим Евангелие Его святое, столько раз слышим глас Сына Божия, глаголющий к нам, Который не о чем ином поучает нас, как о спасительном пути, которым до славы оной Божией, на горе святой отчасти показанной, должно всякому идти, кто хочет получить оную. И кто слову Божию не внимает, тот не человеку не внимает, но Самому Богу; и кто слово Божие не слушает, и по слову Божию не живет, тот Бога не слушает, Который через слово Свое глаголет (т. III, 181). Послушаем же Сына Божия, как увещевает нас Небесный Отец, и, мирские прихоти оставивши, возьмем всяк крест свой, какой от Него наложен будет, и пойдем за Ним, да приведет нас к Небесному Своему Отцу; тако потечем, да постигнем; постраждем с Ним, да и с Ним прославимся; не постыдимся поношение Его носить, да и Он не постыдится нас, когда придет во славе Своей. Да помянет нас Господь во Царствии Своем!

(Из творений святителя Тихона, епископа Задонского)

Тропарь праздника:

Преобразился еси на горе, Христе Боже, показавый учеником Твоим славу Твою, якоже можаху: да возсияет и нам грешным свет Твой присносущный, молитвами Богородицы, Светодавче, слава Тебе!

Кондак праздника:

На горе преобразился еси, и якоже вмещаху (сколько могли), ученицы Твои славу Твою, Христе Боже, видеша; да, егда Тя узрят распинаема, страдание убо уразумеют вольное, мирови же проповедят, яко Ты еси воистинну Отчее сияние.

232. Радость восходящей на небо Богоматери

«Воставши же Мариамь... иде в горня со тщанием...» (Лк.1; 39)

Так Евангелист Лука описал путешествие Препоблагословенной Девы Марии из Назарета во град Иудин. А если бы тому же Евангелисту довелось описывать преславное преставление Матери Божией, то он, наверное, написал бы не только: «иде в горня со тщанием», но сказал бы еще, что Она летела, летела с такой скоростью, что опередила самих Херувимов, Ее провожающих. Почему так? — Да подумайте только: кто переходит? откуда и куда?

Знаем мы, что все люди переходят на тот свет. А как не все мы одинаковы, то и свет тот не для всех одинаков. Много бед терпят праведные на сем свете; начиная с праведного Авеля и кончая теми, кто ныне праведно живет, не найдешь ни одного из праотцов, пророков, апостолов и святителей, которые всю жизнь провели бы счастливо и безбедно на земле. Ко всем праведным одинаково относится оное апостольское слово: «хотящий

благочестно жити о Христе Иисусе, гоними будут» (2 Тим. 3; 12). Теперь посмотрите на грешников, начиная с Каиновых потомков и кончая нынешними: редкий из них несчастливо живет: кто лишен дневного пропитания, а у грешника нераскаянного всего вдоволь; кто разоряется, а он оттого еще богатеет. Это подтверждает и Царь Давид: «вскую грешных путь спеесть?» — жалуется он. Таков сей мир, в коем живем. Таков сей берег, от которого отплываем. Для праведных он полон бед, а для грешников счастлив. Взглянем теперь на другой берег, к которому пристанем, — на тот свет, куда все пойдем.

Великое блаженство уготовал там Бог для любящих Его! Помысли, если хочешь, великую славу царей, исчислил их бесчисленные богатства — все это ничто в сравнении с блаженством, для праведных уготованным. Представь себе человека, паче всех мудрейшего, паче всех краснейшего: но и мудрость самого Соломона против тамошней — невежество, и красота целомудренного Иосифа — одно безобразие, и сила Сампсонова — немощь. Подумай: что всего более услаждает в сем мире твои чувства? — Алмазы ли и жемчуга приятны твоим очам? Музыка ли утешает твой слух? Иноземные лакомства услаждают гортань или дорогие ароматы нравятся обонянию? Но все это против небесных сладостей — мерзость, белена, горечь и смрад!

А грешникам грозит там страшная и ужасная беда: там огонь неугасающий, червь неусыпающий, плач неутешный и скрежет зубов... Все здешние беды против тамошних — только детские забавы!

Итак, для праведных умереть — значит на сем берегу — в сей жизни — со всеми бедами разделаться, а там — со всяким блаженством познакомиться. Как же поэтому не желать им поскорее перейти туда? Да если бы и никаких бед в сей жизни они не терпели, — все равно они туда поспешали бы... А то — отсюда их гонят всякие беды, а туда зовет вечное блаженство, здесь им не дают простора на аршин для прожития, а там для них готовы целые круги небесные, в наследие им отведенные... Здесь праведника обижают и бьют, и суда не дают, а там ему Царство обещают... Как же ему не спешить туда? Но если все праведники из сей жизни как на крыльях орлиных летят, то что сказать о Матери Божией?

Полна бед и горестей была Ее жизнь на земле; не говорю о Ее убожестве, о скитании с Младенцем Иисусом: из Вифлеема в Египет, из Египта в Назарет, — о Ее постоянных скорбях и тревогах за Сына. Довольно вспомнить только то, что Она перенесла во время страданий Господних. Ее Сына, точно злодея, связанного по городу водили: какими там Матерь за Ним стопами шла? Сына на позорище от главы до ног безпощадно били: какими очами там Матерь взирала на то? Сына, в поругание, тернием колючим венчали: какими словами Матерь сего бедного Царя приветствовала? Сына посреди двух злодеев, аки страшного злодея, повесили, желчью напоили, нам умирающим уже издевались: можно ли высказать словами, в каком жалостном положении Матерь стояла тогда у креста?!.. Один живописец, изображая смерть царской дочери, представил окружающих сродников в

разных видах печали, а лицо самой царицы-матери завесил платком. Когда его спрашивали: для чего он так сделал? Он отвечал: как бы я ни изобразил скорбь матери по любимой дочери — все будет слабо, а потому под платком пусть каждый сам представляет себе ее печаль, как умеет!

И нам никогда не изобразить страданий Матери Божией у креста — как бы мы ни старались это сделать. Довольно того, что начертал живописец Дух Святой чрез Симеона: «и Тебе же Самой душу пройдет оружие» (Лк. 2; 35). Не сказал: тело пройдет, но душу — так тяжка была Ее горесть. И с сим-то мечом, вонзенным в Ее душу, Богоматерь три дня носилась. И чем больше Она видела страданий Сына, тем глубже этот меч в Ее душу проникал. И хотя он изъят был Воскресением Сына, но и потом, до самого Ее преставления, Она не без скорбей пожила. Если много терпели ученики Христовы, то конечно еще больше терпела от иудеев Сама Матерь их Божественного Учителя. Довольно вспомнить злобный поступок одного Аффония, который самое тело Ее, к погребению несомое, хотел опрокинуть. Как же после всех этих бед и скорбей не идти Ей со тщанием в горние селения Божий? Но и этого мало. Слышала Она от Сына Своего, что и самый последний праведник просветится яко солнце в Царствии Его; ведала, что и рабов Своих паче царей земных ублажает Бог. А ведь Она была — первейшая праведница, великая страдалица, Она была — Матерь Божия! И вот надежда благ вечных воскрыляла Ее паче колесницы Илииной. К тому же: вспомним, в каком унижении видела Она на земле Своего Сына? Он был тернием увенчан, в рубище одеян, оплеван, поруган, окровавлен, распят! Как же было не спешить Ей на небо, где Сын Ее теперь уже славою и честью венчан, где возседит Он одесную Отца как Царь и Владыка вселенной? На такое зрелище матери приятно и издали посмотреть, тем паче возсесть одесную Сына, яко честнейшей Херувимов и Серафимов! Вот почему мы можем сказать и ныне о Ее преставлении: «воставши Мариамь, иде в горня со тщанием!»

А мы, слушатели, со тщанием ли пойдем от мира сего? Увы! Есть у нас тщание, но не на тот свет: мы со тщанием гоняемся за почестями, за богатством, за всякими удовольствиями; а о смерти и не думаем. Или нет: иногда думаем, только не о своей, а о чужой: "Вот такой-то скоро умрет — и очистит нам свое место!"

Каково же будет после сего наше исхождение на тот свет? Если мир сей нам так сладок, то понятно, что смерть нам очень горька. О, если бы она только лишила нас сладостей мира сего! Но нет: она после сих сладостей приводит сластолюбцев в муку вечную. Думай же, честолюбец: приятно ли тебе будет пойти туда, где выставлен будешь на вечный стыд? Рассуждай, судия неправедный, хорошо ли тебе будет на том берегу, где давно на тебя приносится Богу жалоба: «доколе, Господи, не мстиши?» Смотри, ненасытное око! каково тебе будет там, где поместят тебя в тесных узилищах адовых? Вот почему нам неприятно, когда нас на тот свет зовут; вот почему «смерть грешников (называется) лютою!.. Итак, если желаем, чтобы наша смерть была для нас вожделенною, не будем любить мира, ни яже в мире.

Если наше око лукавое засмотрится на чужое добро, обратим его к небу: пусть там выбирает себе, что хочет — в пресветлом пространстве небес! Тогда и смерти не будем бояться, — даже скучать станем по ней, повторяя псаломское слово: «Увы мне, яко пришествие мое продолжися» (Пс. 119; 5); «когда прииду и явлюся лицу Божию?» (Пс. 41; 3).

О Мати Божия, со тщанием в горняя прешедшая! Матерним Твоим к Сыну ходатайством обрати все тщание наше от земных к небесным, да со тщанием и востанем, и со тщанием пойдем в след Тебе в горняя Сына Твоего! Аминь.

(Слово Георгия Конисского, архиепископа Белорусского)

233. Как учит Священное Писание о священном предании?

«Хвалю же вы, братие, яко вся моя помните, и якоже предах вам, предания держите» (1 Кор. 11; 2)

Святой апостол Павел хвалит коринфских христиан за то, что верно сохраняют предания. Какие это предания? — Сие можно усмотреть из тех его изречений, которыми он напоминает и дополняет предания. Он говорит, что «муж не должен есть покрывати главу» во время молитвы: вот дополнение предания, которое показывает, что ранее сего было предание о церковной молитве. Далее говорит он: «еда... домов не имате, во еже ясти и пиши; Или о церкви Божией нерадите?» Сие обличение случайного беспорядка и неблагочиния в церкви показывает, что сему предшествовало предание о святости церкви, по которому она совсем не то, что простой дом, и требует благоговейного внимания. С особенной же ясностью указывает Апостол на таинство Тела и Крови Христовых, когда говорит о сем:» аз... приях от Господа... и предах вам». Итак, Апостол хвалит коринфских христиан за соблюдение преданий о церковной молитве, о святости храма, о Божественной литургии.

Заслужить похвалу Апостола за верное соблюдение истинных преданий должно быть желательно всякому сыну Церкви. Итак, внимания каждого достойно учение о преданиях. В учении о преданиях самое сие понятие и самое наименование предания заимствуется из Священного Писания. Апостол Павел говорит: «Темже Убо, братия, стойте и держите предания, имже научистесь или словом, или посланием нашим» (2 Фес. 2; 15). Вот вместе — и учение, и заповедь о преданиях. «Стойте и держите предания», то есть твердо и постоянно соблюдайте: вот заповедь, выражение неременной обязанности соблюдать предания. «Предания, имже научистесь или словом, или посланием нашим»: вот учение о предании. Преданиями называет Апостол все то, чему от него научились христиане, яко от Апостола, относительно веры, священноначалия, Богослужения, благочиния церковного и правил жизни. Далее он различает два вида предания: предание посредством послания, или писанное предание, и предание посредством

слова, или неписанное предание. Но как предание писанное простее и обычнее именуется Священным Писанием, то наименование предания обыкновенно употребляется для означения того, чему не посредством Священного Писания, но посредством слова и примера мы научились от святых Апостолов и святых Отцов.

Достойно примечания, что Апостол нераздельно и равно заповедует держаться и преданий посредством слова, и преданий посредством послания, или иначе сказать, велит нераздельно и равно держаться и Священного Писания, и священных преданий. Предания и Богодухновенное Писание стоят у него рядом; он требует от нас неменьшего внимания и ревности к преданиям, как и к Богодухновенному Писанию. Нужно ли более сего, для удостоверения о важности преданий, и для побуждения к верному соблюдению оных?

Но Христианские предания прошли через многие страны, народы, языки, через многие века. К первоначальным преданиям апостольским присоединились предания отеческие разных времен. В некоторых преданиях оказалось разнообразие. Возникла необходимость исследовать подлинность и достоинство преданий. Посему одни обращают все внимание на то, что в преданиях есть темного и недостоверного, и отсюда заключают, что можно освободить себя от дальней заботы о преданиях, тогда как «имамы известнейшее пророческое» и апостольское слово в Богодухновенном писании, могущее «умудрити во спасение». Другие, обращая внимание только вообще на заповедь соблюдать предания, без исследования, без рассуждения, слепо держать всякие предания, не стараясь дознать их подлинность, достоинство и чистоту. Что же должно делать? — Должно остерегаться обеих крайностей, теперь указанных.

Священное Писание начато чрез Моисея. Как же до того, в продолжение столь многих веков от начала мира, сохранялась и распространялась истинная вера, и учреждалось сообразное с нею Богослужение? — По преданию. Следственно предание было точно такое же орудие Божие ко спасению человеков, как и Священное Писание.

Священное Писание Нового Завета начато чрез Евангелиста Матфея, спустя восемь лет по вознесении Господнем на небо. Где же до того было Евангелие, основание догматов, учение жизни, устав Богослужения, законы управления церковного? — В предании, Богодухновенное Писание, по свидетельству святого Евангелиста Луки, есть только продолжение предания. «Якоже предаша нам, иже исперва самовидцы и слуги бывшии Словесе, изволися и мне... порядку писати» (Лк. 1; 2-3).

Вы хотите все утверждать на незыблемом основании Священного Писания. Очень хорошо. Так и должно. Между тем откуда известно вам, какие книги суть священные, и почему та или другая из них точно принадлежит к числу священных? — Сие известно большей частью из предания. Итак, самое Священное Писание пользуется пособием предания. Если так важно истинное предание, то когда же могла бы уменьшиться его

важность? Разве тогда, когда Писание сказало бы нам, что уже не нужно заботиться о предании? Но Писание говорит противное сему: «стойте и держите предания, имже научитесь или словом, или посланием».

При сем, конечно, нужно испытывать, суть ли предания истинные апостольские и святоотеческие, дабы не подвергнуться тому же осуждению, которым Господь порази́л фарисеев и книжников Иудейских, державших предания старец: «всуе чтут Мя, учаще учением, заповедем человеческим. Оставльше бо заповедь Божию, держите предания человеческая» (Мк. 7; 7-8).

Как же предохранить себя от сего осуждения? Как испытать предания, и отличить несомнительное? — Надежнейшее для сего правило извлекаю из приведенного теперь изречения Господня. Испытывай предание посредством слова Божия и посредством заповедей Божиих. Если предание противоречит слову Божию, если оно ведет тебя к нарушению заповеди Божией, то знай, что это человеческое, не истинное предание, что такое предание соблюдал бы ты «всуе», между тем как нарушение заповеди Божией осудило бы тебя.

Другое правило для испытания преданий можно извлечь из следующего изречения святого апостола Павла к Тимофею: «да у веси, како подобает в дому Божий жити, яже есть Церковь Бога жива, столпе и утверждение истины» (1 Тим. 3; 15). Если Церковь есть столп и утверждение истины, то в ней должно искать истины, а ею можно поверять истину преданий, которых Церковь есть единое верное хранилище. Приемля предание от единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви, «стойте» в нем, не колеблясь напрасными сомнениями, «держите» оное, с упованием благоугодить Богу. «Не оставляйте своего собрания» (Евр. 10; 23, 25), то есть собрания Вселенской Православной Церкви, «якоже есть неким обычай». Ведайте, что такие люди, оставившие Церковь, «столп и утверждение истины», конечно предложат вам предание или ложное, или поврежденное, или по крайней мере, краденое и неблагословенное; и, конечно, ложное не спасет, поврежденное не исцелит, краденое не обогатит, неблагословенное не принесет благословения.

Прославим, братия, Бога, сподобившего нас быть чадами и членами истинной и Святой Церкви, в которой истинное и святое предание и с сим вместе преподаяние благодати и освящения, сходит с неба на землю, «яко роса Аермонская... на горы Сионския», течет непрерывно и неизсякаемо, и орошает священно началие и священнодействия, «яко миро на главе, сходящее на браду, браду Аароню, сходящее на ометы одежды его» (Пс. 132; 2, 3), так что помазанные Духом Святым Апостолы помазуют тем же духовным миром святых Отцов, и сии своих преемников из века в век, святители подают освящение храмам и таинствам, а храмы и таинства подают освящение святителям, почему, прикасаясь к святыне, вы прикасаетесь к той же благодати, которая излилась в сошествии Святого Духа на Апостолов.

(Из слова святителя Филарета, митрополита Московского)

234. Как в церкви Богу молиться?

Если хочешь с пользою душе помолиться, молись всегда дотолы, пока хоть мало-мало просветлеет у тебя на душе, и душа забудется в Боге. Телесная молитва без внутренней — все равно, что тело без души: то мертвая молитва и следовательно неслышная, не доходит она до Бога. Послушайте, что еще в Ветхом Завете сказал Господь о такой молитве: «приближаются Мне людие сии усты своими и устнами чтут Мя: сердце же их далече отстоит от Мене. Всуе же чтут Мя», — то есть напрасно, без пользы (Мф. 15; 8-9). И понятно, что это за молитва. Молитвы ты читаешь и поклоны творишь, а думаешь совсем о другом! Разсуди: если ты и сам-то не слышишь и не внемлешь тому, что уста твои лепечут на молитве, то как же от Бога требовать, чтобы Он выслушал тебя? Тебе и самому лень следить за тем, что язык твой читает на память или по книге, а Бог обязан тебя выслушать? Как будто Богу лепет наш или поклоны нужны! Нет, други мои, Ему нужно «наше сердце!»

Но с другой стороны худо, если кто не только внутренней, но и внешней молитвы не справляет как должно. А есть и таковые между нами. Не говорим о тех, кто не справляет совсем или не всегда справляет молитвенное правило; нет, я о тех хочу говорить, которые и молятся, однако ж далеко не так, как должно. И, вопервых, — как творят поклоны многие и многие из нас? — Только «голову склоняют» при этом! А между тем по церковной заповеди малый поклон должен быть никак не иной, как «в пояс», именно такой, чтобы можно было, склонясь, достать рукой до земли. А затем, как многие осеняют себя крестным знамением? Стыд и срам сказать! Сын Божий за нас распятие претерпел, а нам лень даже и перекреститься настоящим образом!

Неправильно также делают и те, которые за одним поклоном крестятся два-три раза и более. К чему это? Частить крестным знамением и поклонами не следует. За молитвой надо больше внимать тому, что читаешь или слышишь, в церкви например, и творить поклоны только в потребных случаях, когда указывает Устав, или когда требует неудержимое сердечное движение. И в тех случаях — сперва перекрестись, а потом и поклон, а не так, как делают иные: крестятся и кланяются в одно и то же время. Притом сперва проговори (или выслушай) то или другое молитвенное воззвание, а затем уже и поклонись. Все должно быть благообразно и по чину.

А у нас, грешных, как бывает? Господи, Господи! И говорить-то об этом тягостно!.. Ныне, судя по поведению предстоящих в храме Божиим, не всегда можно бывает и угадать: зачем, собственно, все эти люди собираются в храм Божий? Ужели для молитвы? Но в таком случае они и молились бы, как должно, а не озирались то и дело, в течение всей службы, по сторонам; не смотрели бы за тем, как ставятся свечи и идет сбор подаваний в пользу церкви и тому подобное; слушали бы — что поется и что читается за службой и, сообразно с тем, творили бы и крестное знамение, поклоны. А то как часто бывает? Когда следует перекреститься и поклониться, стоят все — никто и не

перекрестится; а когда не надо, например, во время чтения Апостола или Евангелия, вдруг все начинают креститься и творить поклоны, и все это так часто-часто... Потом — ни одного движения, как только диакон возгласил: «помолимся!»

А еще хуже то, что к нашей молитве при этом очень нередко примешивается лицемерие. Истинная молитва не любит выказывать себя: она всегда скромна и всячески кроется от сторонних взглядов и наблюдений и, подобно молитве мытаря, она и очей не смеет возвести к небу. А среди нас, увы! — сколько есть богомольцев, которые именно о том и заботятся, чтобы обратить на себя внимание других, и которые, особенно из женского пола, не прочь даже похвалиться своей молитвой, и для сего, когда вовсе не следует, творят земные поклоны и стоят на коленях, и это даже во дни воскресные и во дни великих праздников, когда Уставом Церкви и правилами святых Отцов и даже двух Вселенских Соборов положительно запрещены коленопреклонения. Так, о поклонах перед целованием Евангелия в воскресенье за утреней читаем в Уставе: подходящий к Евангелию "не до земли творит поклоны, но малые, преклоняя главу, дондеже рукою достигнет до земли. В неделю бо (то есть в воскресный день) и Владычний праздник и в Пятидесятницу всю (от Пасхи до Троицына дня) колена не преклоняют" (Типикон, гл. 2. Утреня). Правило 20-е I Вселенского Собора гласит: "поелику суть некоторые, преклоняющие колена в день Господень (то есть в воскресенье), и во дни Пятидесятницы: то, дабы во всех епархиях все одинаково соблюдаемо было, угодно святому Собору, да стояще приносят молитвы Богу". И 90-е правило VI Вселенского Собора: "от Богоносных отец наших канонически предано нам не преклоняти колен во дни воскресные ради чести Воскресения Христова". А вот и порядок, как соблюдать сие, указанный тем же Собором: "в субботу по вечернем входе священнослужителей в олтарь, по принятому обычаю, никто не преклоняет колен до следующего в воскресный день вечера, в который, по входе, опять колена преклоняем".

Глубокое значение этого обычая в Церкви прекрасно раскрывает святитель Василий Великий: "стоя молитвы творим в день воскресный, но причину сего не все знаем. Ибо не токмо, как совоскресшие Христу и долженствующие искать горняго, стоянием во время молитвы напоминаем себе о благодати нам дарованной, но и потому сие творим, что день сей (воскресный) есть как бы некоторый образ чаемого (будущего) века... Посему церковные уставы научают нас предпочитать в сии дни прямое положение тела во время молитвы, ясным напоминанием как бы переселяя нашу мысль от настоящего в будущее", где не будет коленопреклонений. Что никто не исполняет ныне сих правил — это не оправдание, и тем прискорбнее такое явление в мире христианском.

Други мои! Уставы церковные и правила соборные, конечно, не на то существуют, чтобы нам не знать их или знать, да не исполнять! — "Но у меня, — скажешь, — есть усердие именно земной поклон сотворить?" Умерь

твое усердие, так не к стати и не во время родившееся. Для земных поклонов есть дни будничные. А в праздники этого от тебя не только никто не требует, но даже и запрещает Святая Церковь — повергаться ниц пред Богом в такие дни. Или хочешь ты быть умнее святых Отцов, которые и сами не преклоняли, и нам запретили преклонять в праздники колена на молитве?

Неправильно, други мои, поступают также те из вас, которые, придя в церковь поздно, пробираются, однако, всегда вперед и через то производят в церкви шум и толкотню во время службы, оттесняя при этом малых детей назад и застения от них святой алтарь и священнодействующих.

Вообще, что это у некоторых за понятие такое о Божественной благодати, что стараются непременно всегда вплотную подойти под святое, например, Евангелие и за Великим входом под Святые Дары, особенно с детьми, хотя бы дети и плакали при этом? Ужели не все равно, где бы ни стоять в церкви в это время, и благодать Божия не на всю ли церковь распространяется одинаково? А между тем, заметьте, что бывает следствием всего этого: чем бы слушать со вниманием читаемое Евангелие, или поминать своих родных за Великим входом в сосредоточенной молитве, у нас в эти святейшие минуты поднимается по церкви шум, вопль детей, убаюкивание их со стороны матерей и прочее.

Священник и диакон возглашают вам перед чтением Евангелия: «вонмем — премудрость!» Вы же не только сами не хотите внимать Евангельскому учению, а и другим мешаєте и почасту совершенно не даєте расслушать Евангельское чтение. И думаете, за это не придется вам отвечать пред Богом? Ей, ответите — и много ответите!

Когда Евангелие читается, тогда Христос вещает нам Свое слово. Ты же — увы! — и знать того не хочешь. Не так делали предки наши. Они, склонив главы, как вкопанные стояли обыкновенно за чтением Евангелия и — кого на каком месте застигало Евангелие, на том и стояли до его окончания, — на папертях или в дверях. По прочтении Евангелия, тогда уже входили в церковь. Аминь.

(Из "Круга поучений " протоиерея Белоцветова)

235. Прежде долг уплати

«Милости хочу, а не жертвы» (Мф.9;13. 12;17)

О, если б люди знали, какое великое счастье — делать добро, жить для добра, думать только о добре! Человек создан для добра; а Бог так милосерд, так человеколюбив, так устроил весь мир, что нам на каждом шагу предоставляется случай сделать доброе дело — да еще не одно: только трудись, твори добро, и в добре находи свое счастье в сей жизни, и блаженство — в будущей!

Но и добро можно иногда делать без пользы, и даже со вредом себе и ближнему. Хорошо ли, например, если первого встречного нищего ты

осыплешь золотом, так что он, не имея нужды трудиться, предастся праздности, а от праздности перейдет к пьянству и другим порокам; а другой бедняк, для которого у тебя ничего не останется, умрет на твоих глазах с голоду? Хорошо ли, если ты возьмешься за такие подвиги, которые выше сил твоих: например, наложишь на себя обещание, которого выполнить не сможешь, станешь носить вериги, когда еще не можешь снести от брата слова оскорбительного, или возьмешься поучать других, когда сам еще младенчествуешь разумом?

Итак, всякое доброе дело нужно делать с рассуждением. Но правое рассуждение, по учению святых Отцов, есть дар Божий, который дается не всякому, а только тому, кто много трудится, понуждая себя к исполнению заповедей Божиих. Рассуждали же Древние еврейские книжники, что если человек пожертвует на церковь то, что следовало бы отдать на пропитание старикам-родителям, то его совесть может быть спокойна, потому что, — так говорили эти законники. — Бог выше отца с матерью, и если ты отдал Богу, то греха нет в том, что отца или мать обидел... Но не так рассуждал Христос Спаситель. «...хорошо ли, — говорил Он им, — что вы отменяете заповедь Божию, чтобы соблюсти свое предание? Ибо Моисей сказал: Чти отца твоего и мать твою... Иже злословит отца своего или мать свою, смертью да умрет» (Исх. 20; 12. 21; 16). «А вы говорите: кто скажет отцу или матери: корван, то есть дар Богу то, чем бы ты от меня пользовался, тому вы уже попускаете ничего не делать для отца своего или матери своей, устраняя слово Божие преданием вашим, которое вы установили» (Мк. 7; 9-13). Значит, рассуждение может быть правое, и может быть лукавое. Как же быть, когда не знаешь, на какое доброе дело решиться? И то хорошо, и это Богоугодно; и с тем жаль расстаться, и этого совесть не велит оставлять... Что делать, чтобы не погрешить в этом выборе, когда нельзя взяться разом за то и другое?

Что делать? Да нужно помнить, что не все добрые дела измеряются одною мерой: есть добрые дела, которые Самим Богом указаны в Его святых заповедях, — они для всех одинаково неотложны и обязательны: за нарушение заповедей нераскаянных грешников ждут муки вечные; а есть и такие добрые дела, которые благочестивый человек приносит Богу как дар своего усердия. Бог не требует от тебя например, чтобы ты роздал нищим все свое имение, ушел в пустыню или в затвор — это дело доброго твоего произволения; если сделаешь так, то велика тебе награда у Бога, если не сделаешь — Бог не взыщет за то; но если бедняк умрет с голоду на твоих глазах, а ты не поможешь ему, если сирота будет плакать под окном твоим, а ты не приютишь его, не приласкаешь, не позаботишься о нем, вот за это, конечно, дашь Богу строгий ответ, потому что помогать ближнему нам Самим Господом заповедано. Итак, прежде исполни то, что тебе заповедано, а потом уж делай и то, что желаешь сам сделать для Бога по своему усердию.

Заповеди знаешь? — говорил Господь одному юноше, когда тот спрашивал Его, что ему делать, чтобы наследовать жизнь вечную, —

соблюди заповеди, держись их всем сердцем и всей душой твоей, и ты никогда не погресишь в том, какое доброе дело тебе избрать.

Послушай: вот, что рассказывает один благочестивый писатель о двух пожилых крестьянах — людях благочестивых, которые жили очень дружно между собой, как добрые соседи. Сговорились они вместе побывать во святом граде Иерусалиме, поклониться Святому Гробу Господню; но когда настало время отправиться в далекий путь, вдруг один из них без всякой видимой причины объявил, что он остается дома, и путешествовать не желает. Оскорбился сосед и, даже не простившись с ним, ушел в дальнейшее странствование. Благополучно дошел он до святого града Иерусалима, вошел в храм Воскресения и что же видит? Его сосед, оставшийся дома, впереди него вошел и поклонился Гробу Господню... Он видел, как сосед обходил с прочими богомольцами все святые места Иерусалимские, и сколько ни старался подойти к нему ближе, чтобы спросить, когда и как тот прибыл во святой град, но каждый раз его сосед скрывался в толпе народа. И везде, где был наш поклонник, видел он невдалеке от себя своего земляка и мысленно укорял его, что, разделившись с ним в пути, он не хочет свидеться с ним и теперь во святом граде. Настало время ему оставить Иерусалим; не стал он видеть и земляка, и подумал, что, верно, он раньше его отправился обратно. Но на обратном пути он нигде не видел его. Возвратившись на родину, он поспешил осведомиться у своих домашних: возвратился ли из Иерусалима его сосед? И к крайнему своему удивлению узнал, что тот и не думал путешествовать в Иерусалим, и все это время оставался дома... Не поверил крестьянин своим домашним и поспешил к соседу, который встретил его с сердечной радостью. Возвратившийся из странствия стал упрекать его, почему он не хотел с ним встретиться во святом граде; а тот слушал в недоумении и, наконец, клятвенно заверил его, что он вовсе не был в Иерусалиме и все это время был дома... И все соседи подтвердили его слова. А странник с клятвой уверял всех, что много раз видел соседа у всех святых мест Иерусалимских, и наконец стал просить своего друга сказать ему откровенно: почему он, согласившись с ним разделить благочестивое странствие, вдруг от сего отказался? Тогда сосед принужден был открыть ему, что он действительно имел желание побывать вместе с ним во Святой Земле, но, когда они собирались в путь, умер один знакомый ему крестьянин, оставив после себя долги и малолетних сирот, коим угрожали голод и нужда. "Я сжалился над ними, — говорил добрый крестьянин, — уплатил долги за умершего теми деньгами, которые у меня были припасены на дорогу, и обеспечил сирот тайной помощью; а свое желание — поклониться Гробу Господню — предал воле Божией".

Выслушал эту речь своего соседа странник и сказал: "Поистине твоя тайная милостыня по заповеди Христовой не меньше в очах Божиих, чем мое странствование ко святым местам; Бог принял твое благочестивое намерение за самое дело, потому что ты не исполнил его не по лености и нерадению, а ради милосердия к ближнему".

Поистине, скажем и мы словами святого Златоуста: "Любвеобилен наш Владыка Христос: Он о делах радуется, но и намерение с любовью приемлет; действию воздает всю должную честь, но и доброе расположение хвалит". И нет сомнения, что Он с любовью принял труды поклонника святых мест, как чистую жертву его горячего усердия и благословил его Своим благословением Небесным. Но если б к этому страннику, прежде чем он отправился в далекое странствие, пришли просить помощи те сироты несчастные, которым помог его добрый сосед, и если бы странник отказал им в этой помощи, ссылаясь на то, что ему нужны деньги на дорогу дальнюю, или если б он приготовил деньги для помощи им, а потом раздумал и отправился на эти деньги странствовать, — то и ему сказал бы Господь то же, что не раз говорил Он фарисеям: «милости хочу, а не жертвы» (Мф. 9; 13. 12; 7); не нужно Мне твое усердие, твои труды добровольные, если не захотел ты оказать милости этим несчастным... Чего не сделал ты «одному из сих» братии Моих «меньших», того не сделал «Мне» Самому (Мф. 25; 45). Прежде исполни повеленное, потом, если можешь, трудись по усердию; прежде уплати долг послушания Моим заповедям, потом принеси, если желаешь, и дар твоего ко Мне усердия и любви. Я с любовью приемлю всякую жертву, но только от того, кто не отказывается исполнять Мои заповеди!

Таков, братие, порядок добрых дел, Самим Богом установленный. Будем следовать ему и, при помощи Божией, нам не придется раскаиваться ни в одном деле добром, какое бы мы ни делали.

236. Помоги, Господи!

Боже милосердый! Ничего я не могу сделать доброго сам собою, без Твоей всемогущей благодатной помощи: призри милостивым оком на немощь мою, «Боже, в помощь мою вонми!» Ты ведаешь, Господи, как много у меня врагов, и явных, и тайных, и видимых, и невидимых; Ты лучше меня знаешь, с каким ожесточением ищут моей гибели лукавые демоны; к несчастью, есть и люди, мои немощные братья, которые немало вредят душе моей, соблазняя ее на дела, Тебе негодные; а я, бедный грешник, не в силах стоять против соблазна: «Господи, помощи ми потщися», на помощь мне поспеши! Ты ведаешь, Боже мой, сколько сетей невидимых расставляет диавол, чтобы уловить душу мою, Ты знаешь все опасности, мне угрожающие, которых усмотреть я не в силах; Сам покрой меня от всех злоумышлений вражеских, Сам обличи все лукавые козни их, «да постыдятся и посрамятся ищущии душу мою; да возвратятся вспять» без успеха, не повредив душе моей, Тобою защищаемой и укрепляемой; «и да постыдятся хотящии ми злая» — все мои зложелатели! Ты знаешь, Сердцеведец, что даже и тогда, когда успеваю я сделать что-либо доброе Твоею же благодатною помощью, враги невидимые спешат похитить у меня цену добра помыслом тщеславия, или же похвалою

людскою; а потом, когда попустишь Ты искушение, чтобы смирить мое возношение, они злорадствуют, смеются надо мною, над моею неосторожностью, говорят: хорошо, хорошо — поделом ему! «Да возвратятся же абие стыдящееся», да обратятся в постыдное бегство «глаголющие ми: благоже, благоже!» Напротив, «да возрадуются и возвеселятся о Тебе», моем помощнике и заступнике, «еси ищущии Тебе, Боже», все возлюбившие Тебя всем сердцем, «и да глаголют выну: да возвеличится Господь» — велик Он, милосердый защитник гонимых! Так да рекут все «любящие спасение Твое». А без Тебя, Господи, я не в силах стоять против врагов моих: «аз же нищ есмь и убог, Боже, помози ми: Помощник мой и Избавитель мой еси Ты, — един Ты, Господи, не закосни» — не умедли!..

(Изложение псалма 69)

Боже, в помощь мою вонми!..

Для приобретения непрестанной памяти о Боге вам предлагается такой образ молитвы: «Боже, в помощь мою вонми, Господи, помози ми потщися» (Пс. 69; 2). Этот стишок прилично прилагается ко всякому состоянию и всем случаям; он находящихся в унынии и смущении духа, или угнетаемых печалью или какими-нибудь помыслами, не допускает отчаиваться в средствах к спасению, показывая, что Тот, Кого призывают, всегда призывает на нашу борьбу и слышит наши мольбы. А когда мы имеем веселие сердца, то Он увещевает, что вовсе не должно превозноситься счастливым состоянием, которое мы не можем удержать без покровительства Божия. Этот, говорю, стишок всякому из нас необходим и полезен во всяком состоянии.

Докучает ли мне страсть чревобесия, требует пищи, какой нет у меня, и навевает мне запах царских кушаний, то надобно мне говорить: «Боже, в помощь мою вонми, Господи, помози ми потщися!»

Подстрекает ли меня мысль вкушать пищу прежде времени, со стенанием мне надобно взывать: «Боже, в помощь мою вонми, Господи, помози ми потщися!»

Когда имею нужду в более строгом посте для укрощения плоти, а слабость желудка не позволяет мне, — мне надобно молиться: «Боже, в помощь мою вонми, Господи, помози ми потщися!»

Когда хочу заняться чтением Писаний Божественных, а беспокоящая болезнь головы не позволяет, и сон склоняет лицо мое к священной книге и заставляя меня прервать положенное по Уставу богослужение и псалмопение, также надобно мне вопиять: «Боже, в помощь мою вонми, Господи, помози ми потщися!»

Вижу ли, что я крайне ослабел от того, что, по наваждению диавольскому, отлетел от очей моих сон, —с воздыханием мне надобно молиться: «Боже, в помощь мою вонми, Господи, помощи ми потщися!»

Опять, когда я нахожусь в борьбе со страстями, то, чтобы разгорающийся чуждый огонь не сжег благовонные цветки целомудрия, надобно мне взывать: Боже, в помощь мою вонми, Господи, помощи ми потщися!

Чувствую ли, что грешные пожелания утихли во мне, то, чтобы благодать Божия не оставляла меня, с усердием надобно мне говорить: «Боже, в помощь мою вонми, Господи, помощи ми потщися!»

Беспокоит ли меня страсть гнева, сребролюбия, или же печали, принуждая меня нарушать любезную для меня кротость, то, чтобы возмущением гнева не увлечься в желчную раздражительность, с глубоким стенанием мне надобно взывать: «Боже, в помощь мою вонми, Господи, помощи ми потщися!»

Искушает ли меня уныние, тщеславие, гордость и дух мой обольщается грешным помыслом о нерадении или холодности других, то, чтобы не возобладало надо мною это губительное внушение врага, со всем сокрушением сердца мне надобно молиться: «Боже, в помощь мою вонми, Господи, помощи ми потщися!»

Благодать ли смирения и простоты, по отвержении гордости, приобрел я постоянным сокрушением духа, то, чтобы опять не потерпеть мне большого поражения от возношения своею победой, всеми силами мне надобно восклицать: «Боже, в помощь мою вонми, Господи, помощи ми потщися!»

Возмущаюсь ли непостоянством своего сердца или не могу удержать рассеяние помыслов и самую молитву свою не могу изливать без перерыва, без мечтаний, суетных образов, и чувствую себя стесненным такой сухостью, то, чтобы мне освободиться от этой нечистоты души, необходимо буду взывать: «Боже, в помощь мою вонми, Господи, помощи ми потщися!»

Чувствую ли, что посещением Святого Духа я опять владею помыслами, то, чтобы мне удостоиться дольше пребывать в этом, заботливо и часто надобно мне взывать: «Боже, в помощь мою вонми, Господи, помощи ми потщися!»

Тревожат ли меня ночные ужасы демонов, окружающие меня, беспокоят ли мечтания нечистых духов, самая надежда спасения и жизни у меня исчезает от страшного трепета, всеми силами я буду взывать: «Боже, в помощь мою вонми, Господи, помощи ми потщися!»

Опять, когда утешением Господа буду ободрен, буду чувствовать, что как будто я огражден бесчисленными тысячами Ангелов, так что кого я прежде боялся больше смерти, того вдруг осмеливаюсь вызывать на борьбу, то, чтобы, по благодати Божией, дольше продлилась во мне сила такой стойкости, всеми силами мне надобно взывать: «Боже, в помощь мою вонми, Господи, помощи ми потщися!»

Итак, молитва этого стихка с неослабным постоянством должна быть изливаема, чтобы избавиться от несчастий, а в счастьях сохраниться от превозношения. Во всяком деле или служении, или в пути не переставай воспевать его и размышлять о нем и во время сна и во время обеда, и во всех случаях. Это размышление сердца не только сохранит тебя невредимым от всякого нападения демонов, но и, освободив от всех пороков земной нечистоты, сообщит неизреченную и не многими испытанную горячность молитвы.

(Из творений преподобного Иоанна Кассиана Римлянина)

Два коварных советника

Некто из прозорливцев рассказал о себе следующее: "Когда я, — говорил он, — сидел в собрании братьев, бес тщеславия и бес гордости пришли и сели при мне по ту и по другую сторону; и первый толкал меня в бок тщеславным своим перстом, побуждая меня рассказать о каком-нибудь моем видении или о делании, которое я совершил в пустыне. И лишь только я успел отразить его, сказав: «да возвратятся вспять и постыдятся хотящие ми злая» (Пс. 39; 15); тотчас же сидевший по левую сторону говорит мне на ухо: «благоже, благоже» ты сотворил, и стал велик, победив бесстыднейшую мать мою. Тогда я, обратившись к нему, произнес слова, следующие по порядку после сказанного мною стиха: «да возвратятся вспять и постыдятся» глаголющие ми: «благоже, благоже» сотворил еси" (Пс. 39; 16).

Прозорливца спросили: "Как тщеславие бывает матерью гордости?" Он отвечал: "Похвалы надмевают душу; когда же душа вознесется, тогда объемлет ее гордость, которая возводит до небес, и низводит до бездн".

("Лествица", сл. 22, гл. 35)

237. Пора одуматься!

Воспрями от сна и войди в самого себя, отвергни помыслы свои, и смотри: вот день преклонился. Подумай, брат, еще и о том, что братьев наших, которые вчера были вместе с нами, с нами разговаривали, сегодня нет уже с нами — позваны ко Господу своему и нашему, дабы каждый из них показал Ему свою куплю. И теперь познайте, что значит вчерашний день, и что сегодняшней: вчерашний, подобно утреннему цветку, прошел, а сегодняшней, подобно тени вечерней, исчезает. Что же ты, возлюбленный, нерадишь? Что ленишься, что опьянел от беспечности, как от вина? Что не возбуждаешь себя к трудам? Что ты раздражаешь Врача, не желая исцелиться? А когда Он начнет лечить, зачем скрываешь язвы твои от Него, а потом поносишь Его, что Он не исцелил тебя? Время покаяния дается тебе, а ты нерадишь о нем. За что же поносишь Законодателя, что Он послал тебе

смерть, когда ты беспечен? Разве тогда скажешь смерти: отпусти меня на покаяние?

Воспрями, возлюбленный, воспрями; последний час постигнет тебя, как западня, и тогда ужас обнимет твою душу, и ты скажешь: как протекли дни мои в рассеянии? И как прошло время жизни моей в непотребных помыслах? Но что пользы так рассуждать в час смерти, когда ты не можешь уже возвратиться в век сей? Как не плакать, как не скорбеть? Как не поражаться страхом, когда Господь вселенной и Сам, и чрез Своих рабов, Пророков и Апостолов, проповедует и взывает, и никто не слушает! Что же они проповедуют? Брачный пир, говорят, готов и упитанное заклано, Жених со славою и величием сидит в чертоге, и приходящих принимает с радостью, дверь открыта и слуги спешно приготавливают стол: поспешайте же скорее, пока дверь не заперта, чтобы не остаться вам за дверью, и тогда никто уже не проведет вас чрез нее.

Между тем, никто не думает о сем, никто не заботится о сем; беспечность и суета века сего как узами связала нашу душу. Священное Писание мы правильно списываем, правильно читаем, но не хотим искренно повиноваться ему, потому что не хотим усовершенствовать себя по правилам его. Кто же ходит в дальний путь без съестных припасов, как мы? Оставивши свои съестные припасы здесь, думаем ничего не брать в путь? Блажен, кто с надеждою пришел ко Господу и принес с собою нескудный запас!

Когда я подумал, возлюбленные, о Страшном суде, ужаснулся; и когда представил райские радости, то со стенанием плакал, сколько только мог плакать, потому что я погубил дни свои в лени и рассеянности, и в помыслах нечистых провел лета свои; как умалились они — не заметил; как прошли — не опомнился... Дни мои исчезли, а беззакония умножились! Горе, горе, возлюбленные мои! Что делать мне, покрытому стыдом в то время, когда вокруг меня станут те, которые знали меня, которые видели меня в этой благочестивой одежде и называли блаженным, между тем, как я внутри исполнен был беззакония и нечистоты, и забыл о Господе, испытующем сердца и утробы? Точно, мне позорно будет тогда, и несчастен, кто постыжен будет там!

Человеколюбивый! Всеблагий! Милосердием Твоим умоляю Тебя, не поставь меня ошуюю с козлицами, оскорбившими Тебя, не говори мне: "Не знаю тебя!" Но дай мне, по милосердию Своему, непрестанный плач, сокрушение и смирение сердца; очисти его, чтобы оно соделалось храмом святой благодати Твоей. Хотя я грешен и неблагочестив, однако же беспрестанно толку в дверь Твою; хотя я ленив и беспечен, однако же иду Твоим путем...

Братия мои возлюбленные! Прошу вас, как друзей, старайтесь благоугождать пред Богом, пока есть время; плачьте пред Ним день и ночь на молитве своей и славословии, чтобы Он освободил нас от бесконечного будущего плача, скрежета зубов, огня геенского и червя неумирающего, чтобы даровал нам радость во Царствии Своем и в жизни вечной, где нет ни

скорби, ни печали, ни воздыхания, где не нужны ни слезы, ни покаяние, где нет ни страха, ни трепета, где нет смерти, где нет ни противника, ни врага; где нет ни вспыльчивости, ни гнева, где нет ни ненависти, ни вражды, но везде радость, удовольствие и веселие, и трапеза исполнена духовными яствами, которые приготовил Бог для любящих Его. Блажен, кто будет призван к этой трапезе. Напротив, несчастен, кто лишится ее!

Прошу вас, возлюбленные, окажите мне свою любовь, ходатайствуйте за меня в молитвах своих пред Всеблагим, Человеколюбивым Единородным Сыном Божиим, чтобы Он излил на меня милость Свою, избавил меня от множества беззаконий моих и дал мне обитель возле ваших обителей, чтобы мне быть соседом вашим. Поелику вы — чада Его возлюбленные, а я подобен псу презренному, то вы будете бросать мне крупички от стола своего, и на мне исполнится слово Писания, что и псы едят от стола падающие крошки (Так говорит о себе великий угодник Божий, подвижник пустыни, любобезмолвный Ефрем, воздвигающий всех своими писаниями к покаянию. А что сказать о себе нам грешным, в суете мира сего живущим и в нерадении пребывающим?.. Если он называет себя псом презренным, как назвать себя нам, грехами смердящим?.. Подумаем, друзья мои, о своей греховности!..).

Прошу же вас, возлюбленные, принесите за меня молитвы свои, и будем все заботиться о жизни нашей, ибо все проходит, как тень! Возненавидим мир, и то, что в нем, то есть чувственные попечения, и не будем иметь другой заботы, кроме только о своем спасении, как Господь наш сказал: какая польза человеку, если он и целый мир приобретет, душе же своей повредит? Или: какой выкуп даст человек за душу свою?

Мы, братия, купцы духовные и подобны купцам мира сего. Купец ежедневно вычисляет свою пользу и свой убыток, и ежели потерпит убыток, старается и заботится, как бы вознаградить его. Так и ты, возлюбленный, верно рассчитывай, пока идет твоя торговля. Каждый вечер входи в сердце свое, размышляй и спрашивай самого себя: не оскорблял ли я чем Бога? Не говорил ли праздного слова? Не был ли нерадив? Не оскорблял ли брата своего? Не осуждал ли кого-нибудь? Когда уста мои открывались на славословие, душа моя не рассеивалась ли по миру? Когда чувственная похоть пробуждалась во мне, не услаждался ли я ею? Не был ли увлечен земными заботами?

Если во всем этом ты понес убыток, то старайся вознаградить его: воздыхай, плачь, чтобы снова не потерпеть убытка. Поутру опять рассуждай и спрашивай себя: как я провел ночь свою? Вместе с телом бодрствовал ли мой ум? Глаза мои проливали ли слезы? Не предавался ли сну во время коленопреклонения? Когда находили злые помыслы, не удерживал ли их с удовольствием? Если найдешь себя виновным в этом, старайся исцелиться, и поставь стража у сердца своего, чтобы не понести подобного убытка. Если таким образом будешь подвигаться, то сохранишь свою торговлю в хорошем состоянии.

(Из творений преподобного Ефрема Сирина)

Что так поздно?

Когда хозяин дома и отец семейства, по какому-либо делу отправившись в город или на поле, долго не возвращается, супруга начинает чувствовать живейшее беспокойство — часто выходит за ворота, прислушивается к шуму ветра и к шороху листьев древесных, устремляет взоры в темнеющую даль, отовсюду ждет, и все вопрошает: что он не идет, дождусь ли я его? Когда же услышит его приближение, она бежит к нему навстречу, и с кротким упреком говорит ему: что так поздно? что так поздно?

Когда сын или дочь где-нибудь долго замедлят, родители спрашивают у них: что так поздно? Время темное, есть лихие люди, есть опасные звери; долго ли подвергнуться опасности? И почему было не поспешить?..

Не так ли и благодать Божия постоянно вещает к сердцу грешника, медлящего на темном пути греховном?

"Что так долго не идешь ко мне? Зачем так поздно возвращаешься? Или не ведаешь, что каждая минута промедления отнимает у тебя часть награды, уготованной тебе мною? Или не знаешь, что на пути ко спасению лежат тысячи соблазнов и препон? Враг-человекоубийца непрестанно ходит, яко лев рыкаяй, иский кого поглотити; лукавый мир повсюду изрывает яму, чтоб низринуть тебя в нее, самая плоть твоя и похоть очес, и гордость житейская поминутно угрожают тебе пропастью. Что так поздно? Что так поздно?!"

Но лучше поздно, чем никогда.

(Из "Воскресного чтения", 1845)

238. Житейские занятия христианина

Взирая на поля и сады, увенчанные цветами, исполненные плодов благих и обильных, благочестивый земледелец и вертоградарь с умилением поднимают очи свои горе к Тому, от Негоже всяк дар совершен, свыше нисходяй, и с искренним благодарением произносят: "Слава Богу, Благодетелю нашему? По Его неизреченному милосердию, мать-земля наша не оставила нас без хлеба, и детей наших без пропитания".

Но не одна земля своими растениями и плодами поддерживает земную жизнь человека: есть другие предметы, коими безгрешно может христианин не только питать, но и обогащать себя. Сказал Господь первым людям: наполните «землю,» и господствуйте «ею», и обладайте «рыбами морскими... и... птицами небесными», и всеми скотами, и всеми гадами пресмыкающимися по земли (Быт. 1; 28). Таким образом, и скот, и птица, и рыба, и насекомое — все служит человеку, из всего позволено ему извлекать пользу и невинное услаждение. И каким бы вы ни решились заниматься честным промыслом, Святая мать наша Церковь всегда готова

благословить оный, везде и всегда по вашему призванию поспешит умолять Господа, чтобы Он — Владыка твари — даровал благий успех вашим занятиям. Вот ее мольбы.

1. Чин благословения стад овчих или иных скотов. Скотоводство издревле было одним из первых и Богом благословенных занятий, коими человек промышлял себе пищу, одежду и иные продовольствия жизненные. Первый праведник и мученик был пастух: «И бысть Авель пастырь овец» (Быт. 4; 2); и первая Богу приятная жертва была та, которую принес Авель «от первородных овец своих, и от туков их» (Быт. 4; 4). Чем богат был славнейший из патриархов древних? Преимущественно скотом: «Авраам же бяше богат зело скоты» (Быт. 13; 2). Исаак — радость отца и матери, утешение грядущих родов, Иаков — родоначальник двенадцати колен Израильских, Моисей — человек Божий, великий пред Богом, Иов многострадальный, «человек оный благороднейший сущих от восток солнца» (Иов. 1; 3), и многие другие великие мужи древности деятельно упражнялись в скотоводстве и имели обширные пастбища для своих многочисленных стад (Быт. 26; 14. 30; 43. Исх. 3; 1). Вообще счастливая жизнь патриархальная была — жизнь пастушеская. «Пастуси овчии, раби твои, и мы, и отцы наши отдетска и доселе» (Быт. 46; 32-34. 47; 3). Таким образом, священный пример великих предков освящает известное дело и для потомков. Но и без примеров, кто не знает, сколь великую пользу и облегчение доставляет человеку домашний скот? Кому, например, не известно, как много трудов, беспокойств и даже славы, конь разделяет с человеком, — конь, столь живо изображенный Самим Богом в Его святом слове? «Копытом копая на поли играет... сретая стрелы посмеяется и не отвратится от железа: над ним играет лук и мечь... трубе же вострубившей глаголет: благоже: издалеча же обоняет рать, со скаканием и ржанием» (Иов. 39; 21-23, 25). О чем молился Давид, царь из пастырей, каких сокровищ земных испрашивал у Бога для своих подданных? Он молился о том, между прочим, чтобы овцы тысячами и десятками тысяч ходили во дворах его подданных, и чтобы волы их были тучны (Пс. 143; 13-14). Блажен народ, — восклицал он, — у которого все сие (Пс. 143; 15). О том же молится, того же усердно испрашивает у Господа и Святая Церковь возлюбленным детям своим. "Владыко Господи Боже наш, — взывает она, благословляя стадо животных, готовых изыти на пажить, — Тебе молимся, и Тебе просим: якоже благословил и умножил еси стада патриарха Иакова, благослови и стадо скотов сих: и умножи, и укрепи, и сотвори е в тысящи; и избави е от всякаго навета врагов, и воздуха смертнаго, и губительнаго недуга".

2. Чин благословения новых сетей для ловитвы рыб. У вас нет возможности или большой нужды возделывать землю, разводить скот и пр., вам удобнее промышлять на воде, чем на земле, выгоднее заниматься рыбной ловлей? Не думайте, чтобы Церковь пренебрегла этим промыслом: не пренебрегает, а, напротив, возвышает, облагораживает и освящает она сие полезное занятие особенной молитвой благословляя новые мрежи, кои

рыболов готовится в первый раз спустить на воды. Она трогательно вспоминает пред Спасителем Богом те чудеса, которые Он благоволил совершить над рыбою, когда двумя рыбами насытил пять тысяч народа; когда по Своем Живоносном Воскресении, Божественным Своим повелением мрежи Апостолов наполнил множеством рыб; и сими чудесами убеждает Владыку Всесильного, чтоб Он предлежащие мрежи благословил, и в ловитве, Своим Божественным благословением, всегда оные множеством рыб исполнял, и от рыб, теми мрежами уловленных, вкушающих в мире и здравии душевном и телесном сохранял. На помощь рыболовам она призывает святого славного и всехвального апостола Петра и иных Апостолов, потому что они сами были рыбаки. Она благословляет новые мрежи окроплением священной воды, призыванием всесвятого имени Божия, и во благонадежие детей своих, рыболовов, воспевает с Давидом: «Господи Господь наш, яко чудно имя Твое по всей земли» (Пс. 8, положенный и в сем и в предыдущем чине. См. большой Требник).

3. Ни для птицеводства, ни для пчеловодства Церковь не положила особых чинов молитвенных. Но, во-первых, она освящает употребление мяса, яиц и сыра в пищу; во-вторых, молится об очищении и безвредности меда нечистого; в-третьих, сама, при своих священнодействиях, постоянно употребляет мудрое произведение художницы-пчелы — воск — в церковных свечах.

Наконец, надобно и то сказать, что Церковь с великой любовью и благоволением взирает и на птицу небесную, парящую в воздухе, и на пчелу, сидящую на цветке; она желает, чтобы мы учились у них многим добродетелям, которых сами не имеем. Так, птицы небесные по Евангелию ее и нашего Спасителя — великий урок для малодушных и маловерных. «Воззрите на птицы небесныя, яко не сеют, ни жнут, ни собирают в житницы, и Отец ваш Небесный питает их. Не вы ли паче лучши их есте?» (Мф. 6; 26).

Пчела есть наставница благочиния, порядка, трудолюбия и строгая обличительница лени, нерадения и праздности. «Доколе, о лениве, лежиши?— вопрошает Церковь устами мудрого Соломона, — когда же от сна встанеши... иди ко пчеле, и увеждь, коль делательница есть, делание же коль честное творит! еяже трудов царие и простии во здравие употребляют, любима же есть всеми и славна; аще силою и немощна суши, (но) премудростию почтена произведеса» (Притч. 6; 8,9).

Будем благодарны и признательны матери нашей Церкви за ее великое попечение о нас; будем благоговейно пользоваться тем, что она освящает, назидаться тем, чем она желает вразумлять. И да не уподобимся тем нечестивцам, о коих сказано: «Позна вол стяжавшаго и, и осел ясли господина своего: Израиль же Мене не позна, и людие Мои не разумеша. Увы, язык грешный...» (Ис. 1; 3-4). Аминь.

(Из "Бесед " Я. К. Амфитеатрова)

239. Дни седмицы

Скажите мне, — говорил некогда один древний учитель христианам своего времени, — скажите мне вы, приходящие в церковь только в дни праздничные: другие дни недели не также ли праздники, не также ли дни Господни и как бы дни воскресные? Только Иудеям свойственно «дни смотреть» и различать; и потому-то Господь сказал, что праздников их ненавидит душа Его: а христианин, напротив, смотрит на все дни, как на дни Господни, даже более — как на дни Пасхальные, потому что в каждый из них на Божественной литургии закалается Агнец Божий и все Ему причащаются".

Таков, по мысли благочестивой древности, должен быть у христианина взгляд на дни жизни своей! Все они должны быть посвящены Богу и ни один из них не должен проходить без славословия и благодарения Богу.

И Святая Церковь не только подобно Давиду возвещает имя Господне «вечер и заутра и полудне» (Пс. 54; 18); не только освящает молитвою вместе с Пророками и Апостолами, важнейшие часы дня: первый, третий, шестой и девятый, но и все эти молитвословия ежедневно разнообразит новыми песнопениями в честь Господа или святых Его, так что каждый день седмицы освящен у нее каким-нибудь воспоминанием.

Седмица, по Уставу Церкви, начинается с вечера субботы. Такое счисление дня возводит мысль нашу чрез целый ряд веков к самому первому дню творения, когда, по глаголу Божию... «бысть вечер, и бысть утро, день един» (Быт. 1; 5); равно напоминает и тот вечер, который предшествовал светлому дню Воскресения, и в который Спаситель, совершив дело нашего искупления, почил плотию во гробе, а духом сошедши в преисподняя, истощил, по слову Церкви, вся адова царствия. Воспоминанию славного Воскресения Христова посвящены все церковные песнопения воскресного дня.

Но среди хвалебных песней в честь сего новозаветного события, Церковь не оставляет без внимания и первоначальной Божественной заповеди о седьмом дне, по которой день сей должен напоминать человеку о Боге, как Творце и Промыслителе всех тварей. В глубокую полночь она собирает верных для славословия "Всемогущей, Животворящей и Светоначальной Святой Троице, мирную (видимую) и премирную (невидимую) тварь, ради единой благодати от несущих приведшей и о ней промышленной" и в троичных каналах, певаемых на воскресной полунощнице, песнословит Триипостасного Бога, преимущественно как Зиждителя мира видимого и невидимого.

Понедельник каждой седмицы посвящен воспоминанию Бесплотных Сил — может быть потому, что Ангелы сотворены были прежде всякой видимой твари. Ублажая их еженедельно в сей день благохвалениями, Святая Церковь воздает справедливую дань благодарения сим споспешникам нашего спасения, и ныне посылаемым в мир «за хотящих наследовати спасение» (Евр. 1; 14). Она молит их, как непосредственно предстоящих Святой

Троице", возносить пред Бога молитвы святых (Откр. 8; 3) и охранять верных "кровом крыл невестственных своея славы".

Во вторник Церковь совершает память святого Пророка, Предтечи и Крестителя Иоанна. Многие из пророков, подобно Иоанну, предвозвестили пришествие Спасителя и славны были святой жизнью, многие так же положили душу свою за исповедание истины: но, по суду Самого Спасителя, «не воста врожденных женами болий Иоанна Крестителя» (Мф. 11; 11)-Высокое достоинство его так выражает Церковь в одной из хвалебных стихир своих: "Проповедниче Христов и Крестителю, ангеле, апостоле, мучениче, Пророче, Предтече, свещниче, друже ближний, пророков печать, в рожденных пречестнейший, ходатаю ветхия и новые благодати, светлый Слова гласе, твоими ходатайствы молитвы исправи!" (стих, вечер, гл. 2). Вот почему память Крестителя Христова всегда была в глубоком уважении у христиан, которые еще в древности его же изображениями преимущественно любили украшать места молитвенных собраний своих и особенно крещальни. Вот почему и Святая Церковь устала особый день для еженедельного чествования памяти святого Предтечи.

Среда и пяток каждой седмицы посвящены воспоминанию страстей Христовых по древнейшему Апостольскому установлению. В правиле 69 святого Апостола говорится: "аще кто епископ, пресвитер или диакон, или иподиакон, или чтец, или певец не постится во Святую Четыредесятницу пред Пасхою или в среду, или в пяток, кроме препятствия от немощи телесной, да будет извержен, аще же мирянин, да будет отлучен". В постановлениях Апостольских изъясняется и самая причина поста в сии дни, которую так излагает святой Епифаний: "В среду и пяток пост до часа девятого, потому что в среду предан был Господь, а в пяток распят. Апостолы предали в сии дни совершать пост во исполнение того, что сказано: «егда отымется от них жених, тогда постятся»".

Благоговейно славословя Распятого за нас, Святая Церковь ублажает в сии дни и самое орудие нашего искупления — Животворящий Крест Господень, и прибавляет несколько стихир и песней в воспоминание Пресвятой Девы, сострадавшей распятому Господу (крестобогородичны).

В четверток Церковь ублажает память святых Апостолов. Можно думать, что день сей назначен для прославления сих первых и великих провозвестников Евангелия потому, что он ознаменован в их жизни, и в истории Церкви двумя важными событиями: в четверг, перед страданием, Спаситель соединил Апостолов в горнице сионской, и среди сего Богоизбранного лика установил святейшее Таинство Причащения, дав им повеление и власть «сие творить в Его воспоминание»; в четверг же на Елеоне они получили из уст Господа окончательное утверждение в звании всемирных проповедников и учителей: «будете Ми свидетелие во Иерусалиме же и во всей Иудеи и Самарии и даже до последних земли» (Деян. 1; 8), и в след за тем прияли обетование от Ангелов и будущем славном пришествии Его на землю.

Верные повелению своего Учителя, Апостолы пронесли имя Его до конец земли, ниспровергли идолов, очистили мир от языческих суеверий и основали церкви. Благодарная Церковь не находит слов, достаточных к выражению величия каждого из них: "Что ты именуем, Апостоле, — зовет она, — небо ли? яко славу исповедал еси Божию; звезду ли всех озаряющую? чашу, пиво святое изливающую? друга Христова блаженнейшаго, бесплотных сожителя"... (стих. Апост.). С памятью святых Апостолов она соединяет в четверток же воспоминание великого иерарха и чудотворца Николая, прославляя его пламенную ревность к вере и православию и ту многообразную помощь, которую являл он всем прибегавшим к ходатайству его, и которая соделала имя его общеизвестным и любезным для всех верных.

Суббота посвящается воспоминанию всех святых, и в частности: мучеников, святителей и преподобных. Впрочем, святым мученикам ежедневно, за исключением воскресного дня, посвящается на вечерне несколько стихир и стихов из канона. Причина сего особенного усердия Церкви к мученикам заключается не только в глубоком уважении ее к памяти святых страстотерпцев, но, может быть, и в том, что места для общественного Богослужения издревле преимущественно устроились при гробах святых мучеников.

Суббота же назначается Церковью и для молитвенного воспоминания всех отшедших от мира братьев. Для любви христианской, «крепкой аки смерть», не доставало бы лучшего утешения, если бы Церковь не имела особого дня в неделе для моления об усопших; и вот, каждую неделю в субботний день мы слышим молитвенные воздыхания ее к Богу об упокоении отшедших от нас собратий наших. Древнее благочестивое обыкновение посвящает субботу сверх того воспоминанию Преподобной Девы Марии. Впрочем, во все дни седмицы и на всех без исключения Богослужениях Церковь в честь Ее воспевает не только множество отдельных стихир на всех дневных службах, но и посвящает (на повечериях ежедневно) ей целые каноны, как главнейшей Заступнице и Ходатаице христиан. Вот сколько священных воспоминаний Церковь предлагает верующим в течение седмицы! Вот сколько указывает Она нам высочайших образцов всех добродетелей для подражания! «Темже убо и мы, толик имуще облажащ нас облак свидетелей... терпением да течем на предлежащий нам подвиг» (Евр. 12; 1).

(Из "Воскресного чтения", 1885)

240. Наши оправдания

«Никтоже может двема господинома работати» (Мф. 6; 24)

Не два, а много владык над нами. Один у нас Господь на небе, а сколько владык на земле! Не говорим уже о наших страстях, которые, как владыки,

повелевают нами и требуют от нас себе угождения: что значит наша служба, наши занятия домашние и общественные, самое звание наше — что такое, как не владыки, которые так или иначе заставляют нас жить и действовать? Не удивительно потому, что многие из нас говорят: "Что нам делать? Рады бы мы и Богу служить: кто не рад сему? Рады бы и молиться Ему: кто не хочет сего? Но увы! Долг службы, занятия домашние и общественные, самое звание наше не позволяют нам исполнять желание сердца. Иное дело — иноки, отшельники: для них мир как бы не существует; им только и дела — служение Богу, а нам много ли остается времени и досуга для служения Богу?"

Что же? Ужели в самом деле звание наше, какого бы рода оно ни было, может препятствовать служению Богу? Ужели только одни иноки могут свободно служить Господу? Сохрани нас, Боже, от подобных мыслей!.. "Мы и рады бы, — говорят люди простые, — служить Богу, да не можем: рады бы мы знать волю Божию, но мы люди темные, не можем разуместь Писания; рады бы ходить на службу Божию, но работы, которыми мы живем и питаемся, не дают нам на то времени; рады бы и молиться Богу, но хребет наш после трудов дневных и поклониться не может. С утра До ночи мы на поле, с утра до ночи работаем — когда же нам служить Богу, когда нам молиться"?

Высказывается как будто правда, и сердце как будто успокаивается, но эта правда — ложь, этот покой — хуже беспокойства! Ужели правда, будто одним только ученым и премудрым дано ведать волю Божию? — Нет! «...исповедаются, Отче, Господи небесе и земли, — говорит Спаситель, — яко утаил еси сия от премудрых и разумных и открыл еси та младенцем» (Лк. 10; 21). Посмотрите на святых апостолов: все они были мужи простые и некнижные, и однако ж кто лучше их понимал волю Божию? Пастыри Вифлеемские тоже были люди неграмотные, и однако ж они прежде всех премудрых мира успели поклониться лежавшему в яслях Младенцу Иисусу и узнать в Нем обетованного Мессию.

Итак, грешно нам, братие, говорить: "Где нам знать волю Божию? Мы люди темные". На что ж у нас совесть? На что и служители алтаря Господня, назначенные для возвещения воли Божией? Внимайте, братия, своей совести — и вы узнаете волю Божию; обращайтесь чаще с вопросами к служителям престола Божия — и вы узнаете волю Божию; молитесь чаще и усерднее Подателю всякой мудрости — и вы узнаете волю Божию.

"Мы и рады бы ходить в церковь на службу Божию, да работы наши не дают нам на то времени". Итак, мы дорожим нашими работами, потому что ими поддерживается жизнь наша телесная; но «не душа ли болши есть пищи...» (Мф. 6; 25)? Мы не имеем досуга каждый день посещать храм Божий, но Господь этого и не требует от нас: «шесть дней делай, — говорит Он, — и сотвориши в них вся дела твоя: день же седмый суббота», а у нас новозаветных чад Церкви — воскресенье — «Господу Богу твоему». А сколько в году праздников, сколько воскресных дней! О, если б хотя только

сии святые дни неопустительно проводить нам во храме Божиим должным образом!.. И это с нашей стороны немалая была бы жертва и служение Богу...

"Рады бы мы, — говорят иные, — и молиться Богу, но хребет наш после дневных трудов и поклониться не может". Так-то всегда бывает у нас! Нужно добыть нам пищу — и хребет наш легко наклоняется; а нужно Богу молиться — он и наклониться не может. Нужды-то наши телесные, видно, все впереди нужд духовных... Но если хребет наш или колени от усталости не хотят послужить Богу, будем, по крайней мере, работы наши начинать с благословением Божиим, продолжать с благочестивыми чувствами, оканчивать с благодарною к Богу молитвой; тогда и работа наша будет вместе приятным служением Богу. Или и это для нас тяжело? Но, скажите, ужели ж ум наш во время работ ни о чем не мыслит? Ужели и язык наш остается совсем неподвижным? Никто сего не скажет. А если уста наши без усталости празднословят, а во время молитвы чуть движутся, что тому причиной? Итак, сами мы виновны в том, что не служим Богу каждый в своем звании и состоянии.

"С утра до ночи, — говорят, — мы на поле, с утра до ночи работаем: когда ж нам молиться, когда служить Богу?" Тут-то и случай молиться, тут-то и случай служить. Давно сказано, что праздность есть мать всех пороков; а когда мы в трудах и занятиях, — тут уж мало места пороку; а когда труды свои освящаем еще и молитвою и благочестивыми размышлениями, то что такое работа наша, как не служение Богу? Кто был святой Антоний Великий? Самый строгий подвижник пустынножизни. А он служил Богу и плел корзины. Кто был святой апостол Павел? Самый ревностный благовестник Христов. А он служил Богу и делал палатки. Кто был святой Иосиф, обручник Пресвятой Девы? Воспитатель Самого Спасителя. А он служил Богу и занимался древоделием... Можно даже есть и пить во славу Божию (1 Кор. 10; 31). Как же можно думать, будто работы, приличные нашему званию, могут мешать служению Богу? Только плоть наша ленивая может внушить подобную мысль: «...иди за мною, сатано, — скажем ей в ответ, — соблазн ми еси: яко не мыслиши яже (суть) Божия, но человеческая» (Мф. 16; 23).

"Мы бы не прочь послужить Богу, — говорят другие, — да куда же нам деваться с ежедневными заботами и хлопотами? У нас их так много, что нам некогда даже и подумать о служении Богу". И опять плоть ленивая, а не сердце чистое может высказывать подобные мысли. У нас так много занятий, что нам некогда и подумать о служении Богу... Вот, Боже наш, до чего мы дожили!... Ты послужил для нас, приняв на Себе зрак раба, послужил до кровавого пота, до самой смерти. Ты и донныне подаешь «...нам вся обильно в наслаждение» (1 Тим. 6; 17), а нам, рабам Твоим, нам недосуг стало и послужить Тебе!... Нет, возлюбленные, пусть все дела наши предпринимаются с доброй целью, совершаются честно и добросовестно и освящаются молитвой, тогда и на мысль нам не придет сказать: "Нам некогда

и подумать о служении Богу"; тогда и самый труд наш земной будет служением для неба.

И богатство не может помешать нам служить Господу Богу, если только мы сами захотим... Много ли из нас найдется таких богатых людей, каков был святой праотец наш Авраам? А он целую жизнь был богат, и целую жизнь служил Богу. Как же это было? Во всех действиях своих он показывал, что Господь посылает ему сокровища для того, чтобы питать нищих, помогать бедным, защищать сирот; целые дни сидел он при дверях своей палатки, в сладкой надежде принять к себе странника, осчастливить несчастного. И целую жизнь таким образом был богат, и целую жизнь служил Богу. Итак, смотрите: у Авраама богатство и у Иуды — золото; но первый с богатством восходит на небо, последний с золотом падает в бездну ада... Что же мешает и нам подражать Аврааму? Итак, богатство для христианина — не препятствие, а прекрасное средство служить Богу. Точно так же и всякая служба общественная несколько не препятствует служить Богу, иначе Спаситель и не сказал бы: «воздадите убо кесарева кесареvy, и Божия Богови» (Мф. 22; 21). Славен был Давид, велик Езекия, знатны были и древние христианские благочестивые цари и князья, как Константин Великий и наши Владимир равноапостольный, Александр Невский, — и однако ж ни бремя государственных занятий, ни блеск двора — ничто не могло препятствовать им открыто служить Богу и молиться Ему... Прекрасные они были граждане на земле: прекрасные теперь граждане на небе!

Так, братие, должно быть и с каждым из нас. Звание наше, какого бы рода оно ни было, с тем и дается нам Господом на земле, чтобы мы чрез него достигли звания Небесного. Господи, помоги нашей немощи! Сам Всесильный, дай нам силы, чтобы мы, служа царю земному, служили и Тебе, Царю Небесному, и несли звание земное так, чтобы чрез него достигали звания Небесного. Аминь.

(Из книги "Минуты пастырского досуга")

241. «Я буду судить вас ... каждого по путям его» (Иез. 33; 20)

Говорит Господь во святом Своем Евангелии: "И вы будьте подобны людям, ожидающим возвращения господина своего с брака, дабы, когда придет и постучит, тотчас отворить ему"... И если найдет их так, то блаженны рабы те. "Вы знаете, что если бы ведал хозяин дома, в который час придет вор, то бодрствовал бы, и не допустил бы подкопать дом свой. Будьте же и вы готовы; ибо, в который час не думаете, придет Сын Человеческий". Кто верный и благоразумный домоправитель, которого господин поставил над слугами своими раздавать им в свое время меру хлеба? Блажен раб тот, которого господин его, придя, найдет поступающим так. Истинно говорю вам, что над всем именем своим поставит его. Если же раб тот скажет... не скоро придет господин мой, и начнет бить слуг и служанок, есть и пить и

напиваться, — то придет господин раба того в день, в который он не ожидает, и в час, в который не думает, и рассечет его, и подвергнет его одной участи с неверными (Лк. 12; 36-40, 42-46), с лицемерами; там будет плач и скрежет зубов" (Мф. 24; 51)..

Это значит: в чем застанет, в том и судить будет! Застанет Господь человека в покаянии, и милостив будет суд Его; застанет во грехе, и судить будет как грешника... «и беззаконник, если обратится от всех грехов своих, какие делал, и будет соблюдать все уставы Мои, — вещает Он чрез пророка, — и поступать законно и праведно, жив будет, не умрет» (Иез. 18; 21). «Ни один из грехов его, какие он сделал, не помянется ему; он стал творить суд и правду, — он будет жив» (33; 16). Таков закон милосердия небесного! — Но "и праведник, если отступит от правды своей и поступит беззаконно, и он умрет, то он умрет за грех свой, и не припомнятся ему праведные дела его, какие делал он (3; 20). За беззаконие свое, какое делает, и за грехи свои, в каких грешен, он умрет" (18; 24). Таков закон природы Божией! — "Праведность праведного не спасет в день преступления его", если в сей день будет он восхищен на суд Божий; "и беззаконник не падет в день обращения от беззакония своего", если час смертный застанет его в покаянии (33; 12). "Так говорит Господь Бог! Кто хочет слушать, слушай; а кто не хочет слушать, не слушай" (3; 27).

Так, возлюбленные, говорит Господь, так и делает. Милосерд Он к кающимся грешникам: только начни, только сделай первый шаг на пути к покаянию, и Он, как любящий отец, Сам выйдет к тебе навстречу, Сам откроет тебе Свои отеческие объятия, и не помянет грехов твоих... Нужно только, чтобы ты от всего сердца возненавидел грех, от всей души воззвал к Отцу Небесному: «Отче; согреших на небо и пред Тобою, и уже несмы достоин нарецися сын Твой...» Нужно, чтобы твое покаяние было нераскаянно (2 Кор. 7; 10) — неизменно, бесповоротно!.. И тогда блажен будешь, если бы даже застал тебя час смертный в слезах покаяния, — верно слово Господа: и не помянутся грехи твои! Вот что рассказывается об обращении Таисии Александрийской: это была дочь богатых и добрых родителей. Оставшись по кончине их круглою сиротой, она обратила свой дом в приют для странников. Особенно находили у нее покой иноки из пустыни Скитской, посылаемые старцами по разным нуждам в город. Так принимала она немалое время с щедрою любовью пустынных подвижников. Наконец средства ее истожились. Пришлось самой знакомиться с нуждой и горькой нищетою. К несчастью, в это время она сошлась с дурными людьми, и, потеряв невинность, предалась порочной жизни. Узнали о том старцы пустынные и много горевали о бедной девушке. В общем собрании они сказали преподобному Иоанну Колову: "Сестра наша Таисия, которая, бывало, много благодворила нам, как слышно, живет теперь худо; потрудись, авва, побывать у ней; поговори с нею, не придет ли она в себя. А мы здесь помолимся Богу с постом, чтобы Он помог тебе в этом". Авва отправился. Прибыв в дом Таисии, он постучался у ворот; на его стук вышла старая

прислужница. "Скажи своей госпоже, — сказал Иоанн, — что мне нужно видеться с нею". — "Вы, монахи, совсем объели и обобрали ее", — с гневом отвечала старуха. Старец кротко на это сказал ей: "Доложи госпоже, что я могу доставить ей хорошие вещи". Та доложила. "Хорошо, — сказала Таисия, — пусть войдет. Иноки часто ходят по берегу Красного моря, и им попадаются дорогие вещи, жемчуг, каменья"... Старец вошел. Он тихо сел подле Таисии и, взглянув на нее, залился слезами... "О чем ты плачешь, авва?" — тревожно спросила Таисия. "Вижу, — отвечал авва, — как сатана играет на щеках твоих и в очах твоих; как же мне не плакать? И чем тебя огорчил Господь наш Иисус Христос, твой бессмертный Жених, что ты оставила Его и обратилась к сатане?.." Как стрелы огненные поразили ее сердце слова пустытника; ей тут же опротивела греховная жизнь, она глубоко вздохнула и сквозь слезы сказала старцу: "А есть ли покаяние для таких грешниц, как я?" — "Есть, — отвечал авва, — Бог не хочет смерти грешника и всегда готов принять его покаяние; ручаюсь тебе, что если и ты покаешься, Он не помянет грехов твоих..." — "Так веди же меня, куда знаешь: я хочу покаяться!" — сказала Таисия. И она встала, и немедля пошла за аввою. А тот, идя впереди, Удивлялся и помышлял: вот как бросила все за один раз! Не сделала никакого распоряжения и о доме! К вечеру достигли они пустыни. Старец устроил для Таисии постель из песку и, осенив ее знаменем креста, сказал: "Спи спокойно, да покроет тебя благодать Божия". А сам отошел в сторону, и, помолившись, лег на песок и заснул. В полночь он пробуждается и видит — какой-то светлый путь идет от ложа Таисии прямо к небу, и ангелы возносят ее душу... Встает старец с пустынного ложа, подходит к Таисии, и толкает ее. Но душа ее была уже у Бога! — В трепете старец пал на землю и горячо молил Господа открыть ему волю Свою. И вот он слышит голос: "И один час покаяния Таисии принят Господом, и принят лучше, чем долгое, но ...неискреннее покаяние многих других"...

Блаженна, братия, сия святая дева, которую час смертный застал на пути покаяния! Видно горячо было это покаяние, когда Господь явил ей такую великую милость! Блаженны и все те, кого смерть застает в добром деле, в добром подвиге, или на молитве, как заставляла она многих подвижников святых, как застала нашего пустынножителя Саровского, старца Серафима, или же в трудах смирения, покаяния, в мире с Богом, с ближними и со своею совестью. Но горе тому, кого застанет он в греховной беспечности! Страшен суд Божий и для праведника: и «праведник, - сказано, едва спасается на сем суде, а нечестивый и грешный где явится» (1 Пет. 4; 18)? С чем и как предстанет пред всевидящие очи Судии нелицеприятного? — Что, друга мои, если час смертный застанет нас неготовыми? Ведь смерть не будет ждать нас, пока мы покаемся; она не даст ни часу, ни минуты на покаяние, и может быть завтра, может быть сегодня, сейчас, сию минуту перестанет биться наше грешное сердце, и пред нами откроется страшная дверь вечности, а за нею ждет нас Судия помышлений сердечных, и в чем застанет Он нас, в том и судить будет!.. Убоимся, братие, сего суда страшного, и будем память о

нем всегда носить с собою, в своем сердце; будем просить о том Господа: «Господи! даждь ми память смертную!» Кто боится внезапной смерти, тот всегда о ней помнит; а кто о ней помнит, того Бог от нее избавит. Так говорят отцы святые подвижники.

242. Слава долготерпению Твоему, Господи!

Грех — это такое великое зло, которое (говоря по-человечески) затрудняет и Самого Господа Бога: «слышите, доме Давидов», так взывал некогда Пророк Исаия нечестивому царю Иудейскому Ахазу и его советникам: «еда мало вам есть труд даяти человеком, и како даете Господеву труд?» (Ис. 7; 13). Другими словами, ужели для вас не довольно того, что вы утруждаете бедных людей тяжкими работами, без милосердия на них возлагаемыми, и разными обидами и притеснениями? Как это вы не боитесь утруждать еще и Бога Самого вашими неправдами и беззакониями? — Милуя грешника, Бог как бы побеждает Самого Себя. Его правосудие побуждает Его казнить грешника тотчас же, во время самого греха, а Его человеколюбие и милосердие удерживает руку правосудия Его, и милует грешника, долготерпит, ждет его обращения. Правосудие Божие возгорается гневом на беззаконника, а милосердие утоляет сей гнев, заступает за грешника, и склоняет Бога на милость. Божие правосудие изощряет меч, чтобы казнить согрешающего, а милосердие готовит ему врачевство для исцеления его ран душевных. Правосудие Божие готово раскрыть пред грешником геенну огненную, а милосердие открывает пред лицом Отца Небесного язвы Христовы, которые понес Он ради нас на Своих руках, ногах, и в прободенном ребре... вот как утруждает Себя Бог, побеждая Свой праведный гнев Своим милосердием! И поистине дивно это Божие долготерпение, как Он, Всесвятой, терпит грешнику и не губит его со беззакониями его в тот самый час, когда грешник совершает свой скверный грех! Слава долготерпению Его и милосердию Его бесконечному! — Долготерпит Бог грешнику, но, если грешник не кается, его ожидает страшная казнь божия. (Лет. ч. I; с. 180182). — Страшное слово изрек некогда Господь Своему избраннику Авраму об амморейцах! "Еще не наполнилась мера грехов Аммореев доселе" (Быт. 15; 16). Это значит: Бог попускал им впадать в самые тяжкие грехи, но и готовил им за то бесконечные муки во аде... Какие же это грехи, за которые погибли амморейцы и телом и душою? По свидетельству святого Пророка Моисея это были: идолослужение, доходившее до того, что они приносили в жертву идолам своих детей; — притеснение убогих и кровопролитие, и наконец — их блудные грехи, о которых не только говорить, но и вспомнить мерзостно... Сими-то грехами они и наполнили себе чашу гнева Божия, которую теперь пьют во аде, и будут пить в бесконечные веки... Нет ли, братие, и между нами, Христианами, подобных грехов? — Правда, у нас нет идолов; но наши

страсти греховные — разве не те же идолы, которым мы отдаем на жертву свою душу единородную, не страшись предавать ее геенне, из-за минутного греховного наслаждения? А разные неправды наши — кто изочтет? А в нечистотах блудных, о коих и писать стыдно, разве не уподобляются иные нынешние Христиане древним оным язычникам? Еще удивляться нужно, как таковых не постигает внезапно страшная казнь Божия, как древле постигла Содом и Гоморру! Но еще терпит Господь, —терпит, ожидая, когда грешники обратятся к покаянию, или же наполнят меру грехов своих, как сказал Ангел святому Апостолу Иоанну Богослову: «время близ есть: обидяй да обидит еще, и скверный да осквернится еще...» (Откр. 22; 10,11). А если между нами творятся такие беззакония, то чего нам ждать от правосудия Божия? Не того же ли, что постигло Аммореев и Содомские города? Но отраднее будет язычникам, «отраднее будет, - по слову Самого Христа Господа, - земле Содомской и Гоморрской в день судный», нежели нам — Христианам! (Мф. 10; 15). Ведь те — ни Бога не знали, ни казни за грехи, ни награды за добродетели себе не ожидали; а мы хвалимся, что и Бога знаем, и о муках вечных, ожидающих грешников нераскаянных слышали, и в блаженство праведных веруем, и при всем этом бесстрашно дерзаем творить все те Богу противные дела, какие творили язычники... Как же после сего предстанем мы страшному судищу Христову? Какой приговор услышим из уст его?... (Лет. Ч. II, с. 51-53).

Воздыхание твари

Святые отцы-подвижники говорили, что истинное смирение состоит в том, чтобы человек считал себя «под всюю тварию», то есть: хуже всей твари, даже и неразумной. И в самом деле: все твари послушны законам Создателя, и только мы грешные не хотим знать сих законов Божественных... А из-за нас-то и земля подверглась Божью проклятию (Быт. 3; 17), из-за нас и вся тварь покорилась суете, работает тлению, совоздыхает и соболезнует с нами, по слову святого Апостола Павла (Рим. 8; 22). И не только совоздыхает и соболезнует, но и вопиет к Богу, жалуясь на наши беззакония, и готова исполнить приговор суда Божия над нами, как и исполняет, когда Господь изрекает сей приговор — пример тому: погибель Sodoma и Гоморры... Прекрасно изображает эти жалобы твари неразумной оное древнее слово, имеющееся в старинных русских рукописях. Вот это поучительное слово или притча: "Так вещает Господь чрез Пророка: доколе согрешаете и прилагаете грехи на грехи и прогневаете Сотворшаго вас?.. Оставьте неправду и навыкайте добро творить, будьте милостивы, да спасетесь. Вся тварь повинуется велению Божью, только человек, один человек преступает заповеди Господни... Не один раз солнце молило Бога: Вседержителю Господи! Доколе терпишь неправды человеческие и беззакония многие? Повели, Господи, и я сожгу их, да не творят зла. — И был солнцу глас

глаголющий: Я все это знаю и все видит око Мое: но терплю им, давая время для покаяния. Если не покаются, тогда осужду их. — Не один раз молили Бога месяц и звезды: Господи! Ты дал нам власть светить ночью, — доколе же будем мы смотреть на непотребства разные? Повели, да погубим людей, зло творящих. — И был им глас глаголющий: все это видит око Мое: но я ожидаю обращения их. Если не покаются, тогда осужду их. — Вопияли к Богу моря и реки: скажи нам слово, Господи, и мы потопим злых человек, которые плавают на водах наших для разбоев и нечистой корысти. — И был им глас глаголющий: все это Я вижу: но если не покаются, тогда осужду их. — Возопила и земля, на людей жалуясь: я, Господи, осуждена Тобою больше всех тварей. Вынести не могу разврата, разбоя, татьбы, клеветы и всякой другой злобы: сын досаждаёт родителям, дочь — матери, брат — брату и всякие неправды творят человеки... Повели же мне, Господи, да не произращу, за злобу их, семена, бросаемые им в недра мое; пусть умирают они с голоду; — И был ей глас глаголющий: все это вижу Я; все ясно пред очами Моими. Если кто не покается, то Я осужду его. — Слышите ли, человеки, как вся тварь повинется Богу? Мы-то зачем не творим воли Его? Мы-то почто самохотно лишаемся Царствия Божия? Бросим, братья, бросим неправды наши, будем на всяк час молиться Богу! — По закате солнца все Ангелы, приставленные к человекам, приходят к Богу с поклонением. Они приносят Ему дела человеческие — добрые и злые. Ангел, присущий богобоязненному человеку, радуясь, идет к Богу на поклонение; а Ангел человека злого идет к Богу с плачем и с такою речию: Вседержителю Господи! Позволь мне оставить этого злого и грешного. Он только имя Твое произносит, а угождает плоти своей и прилагает грехи ко грехам; он не творит от чистого сердца ни единой молитвы ни днем, ни в пору ночи; милостыни он не любит, и только собирает, а не подает. — Глаголет Господь: не покидайте и таких; может, и они приидут в покаяние. Если ж не покаются, и потом явятся ко Мне, — Я осужду их. — Приходят Ангелы и на другой день в первый час пополуночи на поклонение Богу с отчетом о человеках, что человеки делали ночью, они поведают Богу... Ради того, братия и сестры, в день и ночь молитесь Господу Богу, молитесь при конце дня и при конце ночи. Ангелы хранители наши в урочный час приходят на поклонение Богу. Не станем же ни одной ночи проводить, не молясь Богу, да не опечалим хранителя нашего. Ночь две вещи принесет нам тогда: телу — покой, а душе спасение" (Православный Собеседник, 1858 года).

(Из "Летописи" святителя Димитрия, митрополита Ростовского)

243. Беседа отца Иоанна Предтечи с Архангелом

Многие матери зачинают чад, но не много таких, которых зачатие прославляла бы и праздновала Церковь Божия. Были только три матери, которые удивили мир необычным зачатием чад: это праведная Анна, святая

Елисавета и Пресвятая, Пречистая Дева Мария. Праведная Анна зачала Пресвятую Богородицу, Елисавета — Предтечу, Дева Мария — Христа Спасителя нашего. Все сии зачатия были возвещены небесным благовестником, и совершились при содействии Божией благодати, но не без собеседования между благовестником и зачинающими, потому что Сам Бог требовал их соизволения. Итак, святой благовестник, Архангел Гавриил, войдя в храм, где служил пред Богом Захария в порядке чреды своей, начал ему говорить так: «не бойся, Захарие; зане (ибо) услышана бысть молитва твоя, и жена твоя Елисавет родит сына тебе, и наречеши имя ему Иоанн. И будет тебе радость и веселие и мнози о рождестве его возрадуются» (Лк. 1; 13, 14). Захария отвечал: странную и неожиданную весть приносишь ты мне, о вестниче радости! Ибо родить детей в старости — дело необычное по законам природы: «аз бо есмь стар, и жена моя заматоревши во днех своих» — в преклонных летах: можем ли мы зачать и родить сына? — Ангел сказал: с первых слов твоих я вижу, что ты маловерен, ибо ты не надеешься, что сбудутся мои речи; правда, я возвещаю тебе нечто противное законам природы твоей, но не противное Божию всемогуществу, для Которого нет ничего невозможного, ибо Бог может и «от камня воздвигнути чада Аврааму» (Мф. 3; 9). Разве ты не знаешь, что для Бога было возможно создать Адама из земли, и Еву — из ребра Адамова, и престарелой Сарре даровать сына Исаака? Вот и твоей жене Бог подает милость, и она родит в старости сына, потому что услышана молитва твоя. Захария отвечал: я приношу теперь мои молитвы Богу о пришествии желанного Мессии, Которого Он обещал нам устами святых Своих пророков, дабы скорее послал Его на землю, спасти семя Авраамово от рабства язычникам; молюсь и о своих согрешениях, и о грехах неведения народа; а о том, чтобы мне иметь сына, я уже не молюсь, ибо сам я в преклонных летах и жена моя состарилась. Ангел сказал ему: «Аз есмь Гавриил, предстояй пред Богом» (Лк. 1; 19); по Его откровению мне известно, что теперь ты молишься не о том, чтобы иметь сына, а о том, о чем говоришь; но прежде, нежели ты состарился, прежде, чем состарилась супруга твоя, ты усердно молился, чтобы Бог даровал вам сына. И вот, всемилостивый Господь, от Которого не укрывается ни малейшее движение человеческого сердца, слышащий молитвы молящихся Ему, и исполняющий волю боящихся Его, — Он слышал тогдашние молитвы твои, и хотя не скоро, но зато благодатно дарует тебе сына, тезоименитого благодати. Ибо Он Сам ведает, когда лучше, по Своему благоволению, исполнить прошения Своих святых. И будет сын, который родится у тебя, «великий пред Господом» (15). Захария отвечал: вижу, Благовестниче, что ты — Ангел Божий; ибо самая беседа твоя подтверждает сие, и прекрасный вид твой, и сила слов твоих о том же свидетельствует. Но все же вопрошаю: почему мой сын будет велик? Разве он будет выше и досточестнее Пророка Иеремии, которому было такое слово Господа: «прежде неже Мне создати тя во чреве, познах тя, и прежде неже изыти тебе из ложе, освятил тя, пророка во языки поставих тя» (Иер. 1; 5) Ангел

отвечал: велик будет сын твой пред Господом, и превзойдет Иеремию духовным величием: Иеремя освящен был прежде своего рождения, а твой сын — «Духа Святаго исполнится еще из чрева матери своей» (Лк. 1; 15). Иеремя предызбран был только пророчествовать о Христе, а сей предназначен и руку на Него возложить, и крестить Его. И не только Иеремию, но и прочих великих святых превзойдет он величием Божией благодати, ибо «не восстанет в рожденных женами болий Иоанна Крестителя» (Мф. 11; 11). Как звезда от звезды отличается светом, так и святые Божий превосходят один другого славою и честью; вот и в наших ангельских чиновачалиях, всегда видящих лице Божие, Бог не всем в равной мере открывает тайны воли Своей, но чрез посредство высших чинов познают волю Его низшие, Много звезд бывает на небе до восхода солнечного, но только одна денница предшествует солнцу. Многие Пророки проповедали пришествие Христово; но тот, кто зачнется и родится от тебя, не только словом возвестит, но и перстом своим покажет людям Агнца Божия, внемлющего грехи мира; — вот почему и будет он велик, больший из всех, женами рожденных. И насколько исполнение радостной вести бывает приятнее самой вести, настолько будет выше всех других пророков тот, кто зачнется и родится от тебя. Все пророки и закон прорекли только до сего Пророка, — а он будет завершением всех пророков, концом ветхого закона и Предтечею новой благодати. — Захария сказал: добра и радостна твоя весть, о Ангеле Божий! Ибо если всякий сын премудрый веселит отца (Притч. 15; 20), то как возвеселил бы меня, старца, сын, премудрейший всех пророков! Но как мне радоваться, когда я все еще сомневаюсь в исполнении слов твоих? Ведь радость и веселие неуместны тогда, когда дело кажется сомнительным, а только, тогда когда оно несомненно... Итак, умоляю тебя, Ангеле Божий, скажи мне: чем мне удостовериться в истине того, о чем ты благовествуешь? — Ангел отвечал: ужели и теперь ты все еще сомневаешься и не веришь моим речам, о Захария? Разве я ложное возвещаю тебе, будучи послан от Самого Господа? «Верен Он во всех словесех Своих и преподобен во всех делех Своих» (Пс. 144; 13); не изнеможет у Бога всяк глагол! (Лк. 1; 37). Ты — священник и учитель Израиля и ужели того не ведаешь, что настолько время пришествия Христа — Мессии, время, которое я исчислил седминами лет, когда послан был в Вавилон к Даниилу Пророку? (Дан. 9; 24). Разве ты не читал пророчеств его? Испытай и сам увидишь, что уже близок Спасующий Израиля, и идет посланный пред лицом Его ангел во плоти, и это — твой сын, который уготовит путь Мессии, — «он предыдет пред Ним духом и силою Илииною, обратити сердца отцем на чада и противные — (непокоривых обратити к) мудрости праведных, уготовати Господеву люди совершены» (Лк. 1; 17). Но поелику «не веровал еси словесем моим, яже сбудутся во время свое, — се будеши молча и не могий проглаголати, до негоже дне будут сия» — пока все это сбудется. — И в тот час связан был немотою язык Захарии, а для Елисаветы разрешились узы

неплодства, Ангел же отлетел на небо, чтобы представить Престолу Бога Вседержителя, Которому слава во веки, аминь.

(Синаксарь, 23 сентября)

Тропарь праздника:

Первее (прежде) нераждающая неплоды (неплодная Елисавета) возвеселися, се бо зачала еси Солнца светильника (Предтечу Христова) яве, просвещати имуща (который будет просвещать) всю вселенную, слепотою недугующую; ликуй, Захарие, вопия со дерзновением: Пророк Вышняго есть хотяй родиться!

Кондак праздника:

Веселится светло Захария великий со всеславною Елисаветою супружницею, достойно зачинающе Иоанна Предтечу, егоже Архангел благовести радуясь, и человецы достодолжно почтим, яко таинника благодати.

244. Есть ли в мире люди здоровые?

Душа наша больная, ее болезни — это страсти греховные; всю жизнь она, бедная, страдает от них, всю жизнь грешит и кается, кается и снова грешит, да еще хорошо, если кается, а то до того грехами расслабляется, что вовсе не думает о покаянии... Весь «мир во зле лежит» (1 Ин. 5; 19); это — точно большой лазарет; все мы душою больны, нет ни одного вполне здорового!.. — "Весь род человеческий, — говорит святитель Тихон Задонский, — по преступлении святой заповеди Божией, впал в руки диавольские, аки разбойнические, и от него обнажен был святой и Боготканной одежды, и смертельно изранен и лежал на пути мира сего бедный человеческий род не исцеленный! Лежал израненный, измученный, обесчещенный, поруганный от разбойника диавола! Лежал еле жив (Лк. 10; 30). Ах, любезнейшее Божие создание, человек! В какое ты состояние, в какое бедствие, в какое бесчестие хитростью змииною пришел! Где твоя краснейшая она доброта, которою Создатель твой тебя украсил? Где твоя честь, которою Он в начале тебя почтил? Где образ Божий и подобие Божие, по которому ты создан? Где то блаженство, для которого ты сотворен? Позавидовал лукавый змий блаженству нашему, и хитро запнул нас, и неисцельно уязвил нас, и лишил нас нашего блаженства и «человека в чести сый не разуме, приложися скотом несмысленным, и уподобися им» (Пс. 48; 13). Познавай же, человеце, язвы души твоей, когда хочешь от них исцелиться". (Т. IV, стр. 122—123). — Какие же это язвы, какие болезни душевные? — "Дивлюсь, — отвечает на этот вопрос тот же святитель Христов: — дивлюсь, что ты не знаешь душевных немощей и болезней. Разве ты не чувствуешь их, и потому вопрошаешь какие-де душевные болезни? Малая ли болезнь слепота, которая лежит на душевных очах и не допускает человека видеть Бога, чудеса Его, и познавать свое окаянство? Малая ли

болезнь — глухота, что душа не слышит гласа Божия? Как часто возбуждает душу глас Божия слова, но она не слышит того! Малая ли немощь — гнев, который сокрушает душу, как лихорадка тело? Смотри на человека гневающегося: как он весь трясется! Когда сие происходит с телом, то что же в душе его делается? Зависть, ненависть и злоба снедают душу, как чахотка тело, так что и тело бледнеет и истаевает от злых тех болезней. Словом, столько немощей и болезней в душе, сколько греховных и вредных страстей. Так уязвил душу сатана, ослепил очи ее, что она и не видит света Божия! Сего ради молится Псаломник: «открой очи мои, и уразумею чудеса от закона Твоего» (Пс. 118; 18). Заткнул уши ее, и не слышит она слова Божия, и много других болезней причинил ей, и оставил еле жива бедного человека, на пути мира сего лежащего" (Т. V, стр. 111-112). — Так говорит святитель Тихон. И невольно припоминаются при этом слова Пророка Исаии, которыми он изображал греховное состояние народа Израильского: «вся голова в язвах и все сердце исчахло; от подошвы ноги до темени головы нет у него здорового места; язвы, пятна, гноящиеся раны, неочищенные и необвязанные и несмягченные елеем!..» (Ис. 1; 5, 6). — Таков весь мир, таково все человечество! Но ужели, спросим мы словами другого Пророка, ужели нет бальзама для врачевания эти ран и болезней? Ужели нет врача для их исцеления? (Иер. 8; 22). Есть и то, и другое, и врач, и лечебница, и потребные врачевания, — отвечает нам святитель Тихон: "Что госпиталь для больных, то Церковь святая для Христиан, духовно болящих. В госпитале имеется лекарь, который больных посещает, смотрит и лечит; в Церкви святой Врач есть Христос, Который Христиан, духовно болящих, посещает и врачует. В госпитале болящим лекарь запрещает все то, что лекарству его препятствует; в Церкви святой Христос повелевает Христианам воздерживаться от всего того, что душевному их исцелению и получению вечного спасения препятствует. В госпитале получают здравие не те больные, которые лекаря не слушают! Так и Христиане остаются неисцельными и спасения лишаются, если Христа не слушают и по своим прихотям, а не по правилам учения Его, ходят. В госпитале болящие лекарю объявляют свои болезни: "я-де тем-то не могу"; так Христианам должно объявлять свои болезни Христу — Небесному Врачу, и от Него исцеления просить. «Не требуют бо здравии врача, но болящий» (Мф. 9; 12). В госпитале бывает, что не все болящие исцеляются: бывают болезни неисцельные, и человек не все может, что хочет: в Церкви святой не так. Нет такой душевной болезни, которой бы Христос не хотел и не мог исцелить, только бы сам больной хотел того, и усердно желал и просил и искал у Христа, Которого слову все повинуется, Которого повелением прокаженные очищаются, слепые прозирают, глухие слышат, немые говорят, расслабленные и лежащие на одре встают, мертвые воскресают. Познай только, Христианин, и признай немощь твою, и проси со смирением от Врача Сего исцеления, и без сомнения ожидай: и неотменно получишь; только берегись того, что спасительному Его врачевству препятствует. В госпитале

болящие, желающие исцелиться, отдают себя в волю лекаря, так Христианам, когда истинно хотят исцелиться, должно поручить и вверить себя премудрому и верному Врачу, Иисусу Христу, да творит с ними, якоже хочет; горькое ли, или сладкое подает им врачевство, все за благо принимать. Суди сам: что больному пользует лекарство, который по своей воле, а не по лекарской, поступает? Рассуждай сие, Христианин, когда хочешь исцелиться и так спастись"... (Т. IV, стр. 123-124). — Какие же врачевства предлагает нам Христос Господь — Сей Врач небесный? — Много у Него, Милосердного и Всемогущего, всяких врачеваний для грешных душ; назовем те, которые постоянно Он употребляет. "Что пластырь живительный для раны телесной, то для души грешной — святое Евангелие, — говорит святитель Христов Тихон. — как рана исцеляется пластырем, так душа грешная — учением святого Евангелия. Вот это и есть то самое, о чем воспел Псалмопевец: «исцеляя сокрушенные сердцем, и обязуяй сокрушения их» (Пс. 146; 3). Но, чтобы учение Евангельское было целительно для души, необходимо прежде покаяние и сокрушение сердца. Посему и сказано прежде «покайтесь»: а потом: «и веруйте во Евангелие» (Мк. 1; 15). Без покаяния и Евангелие бесполезно для грешника" (Т. IV, стр. 161, 163). Во святом Евангелии нам предлагаются животворящие заповеди Господни. "Что врачевство для недужного тела, то и заповеди — для грешной души", — говорит преподобный Исаак Сирий (сл. 55). Против каждого греха, каждой страсти есть особая заповедь: против самолюбия — смирение, против плотских страстей — пост и воздержание, против корыстолюбия — милосердие и так далее. Без делания заповедей и не думай спастись. Так Богу было угодно законоположить путь спасения. Но заповеди Божий без скорбей не исполняются: опять таков закон нашего спасения. Скорби очищают наше доброделание, как огонь очищает золото. И в болезнях телесных иногда нужно бывает прижигание: кольми паче в душевных! Значит и скорби — суть врачевства души, а потому и за них должно благодарить Врача небесного. Наконец, все спасительные Таинства, Самим Господом установленные, и во святой Церкви Православной совершаемые, суть врачевства для болящих душ наших. Особенно сие должно сказать о Таинствах Покаяния и Причащения животворящих Таин Тела и Крови Христовой. Без них невозможно исцеление души. «Аще не покается, вси погибнете» (Лк. 13; 3). «Аще не съесте плоти Сына Человеческого, ни пиете крове Его, живота не имате в себе» (Ин. 6; 53). Это Божественные слова Самого Господа нашего Иисуса Христа. — В писаниях Богомудрых Отцов-подвижников указаны и признаки исцеления. "Когда увидишь грехи твои без числа, яко песок морской — се начало здравия души", — говорит один из них. "Начало исцеления — познать немощь свою, — говорит святитель Христов Тихон. — Когда страсти душевредные начнут в нас усмиряться и утихать, когда будет в нас меньше гордости, самолюбия, сребролюбия, зависти, гнева, нечистоты — это и есть признак, что душевная немощь стала исцеляться" (Т. IV, стр. 126). Познаем, братие, немощи своей души и всем

сердцем возопиим к Целителю душ и телес: «Господи, помилуй мя, исцели душу мою, яко согреших Ти! Возсмердеша и согниша раны моя от лица безумия моего!» (Пс. 40; 5,37; 6).

245. Душа — наше сокровище

У людей как будто весь ум в глазах: что видят, тем и дорожат, а чего не видят, того ни во что не ставят. Они видят мир, и дорожат им; не видят души — и не умеют ее ценить по достоинству. Верно сказал Царь Давид: «лживи сынове человечестии в мерилех!» (Пс. 61; 10). Мир и душа — это две такие вещи, о которых не умеют, как должно, судить живые, а только умершие. Итак вы, умершие владыки земли, богатые сего мира, утешавшие себя мирскою славою, красотой, сокровищами — что взяли вы с собою в могилу? — Конечно, ничего; вы умерли, с вами умер для вас и мир. А что вы при этом потеряли? Конечно все: и небо, и рай, и вечную жизнь, и Бога Самого! «Какая же (после того) польза человеку, аще приобрящет мир весь и отщтит душу свою?» Конечно — никакой, а потеря великая. О, если бы живые хотя бы от умерших научились, что такое мир, и что такое душа! А ведь душа у нас только одна; ведь если мы ее потеряем, то все потеряем; ведь она бессмертна, и если мы ее потеряем однажды, то потеряем навсегда!..

Все видимые твари Бог сотворил единым словом Своим: «рече, и быша» (Пс. 148; 5). Но при сотворении человека Он прежде как бы совещается с Самим Собою и говорит: «сотворим человека» (Быт. 1; 25). При сотворении всех прочих тварей, Он только изрекал Свое творческое слово: «да будет», а при сотворении человека Он говорил и действовал: «персть взем от земли, и вдуну в лице его дыхание жизни» (Быт. 2; 7). Ни об одном из созданий Божиих не сказано, что они созданы «по образу и по подобию Божию»: этой чести удостоился только человек. А как Бог по естеству Своему есть чистейший Дух, то и образ Божий не в телесной природе человека, а в его душе, — и вот в чем ее высокое достоинство, ее благородство. Бог троичен в лицах: Отец, Сын и Дух Святой. Душа троична в свойствах: ум, слово и воля самовластная. Итак, душа есть великое дело совета Божия, образ Божий, живое изображение Пресвятой Троицы... О, красота души несказанная! В чем, думаете вы, братие, в чем состоит блаженство райское? Ни в чем другом, как в лицезрении Божиим. Лице Божие столь прекрасно, что видением Его никогда не насыщаются святые Ангелы: как жаждущие устремляются к источнику, так Ангелы всегда желают приникнуть к созерцанию Лица Божия. И если бы это Лице только на одну минуту явилось в аде — ад стал бы раем, и если б оно на одну минуту сокрылось в раю, рай стал бы адом. А душа человеческая ведь носит на себе образ Божий! «Что даст человек измену (выкуп) за душу свою?» (Мф. 16; 26). На что он может променять сокровище, подобного коему нет ни на небе, ни на земле? Я дорожу тою картиной, на коей вижу изображение лица царского: как же мне

не дорожить своею душой, на которой Сам Бог начертал Свой образ? И когда я оскверняю душу грехом, — я делаю то же, как если бы бросил в грязь образ Божий... О, душа! Как мало я дорожу тобою! О Боже, как Ты терпишь такое поругание образа Твоего? И какое-то сокровище мы продаем за минутное греховное удовольствие, промениваем на какую-нибудь пустую выгоду, продаем за ничтожный цветок временных почестей! И пусть бы так, если бы мы имели несколько душ: потерял одну — осталась бы другая, а то ведь она у нас одна — только одна! И для нее-то сотворен сей мир, для нее движется небо, сияет солнце, плодоносит земля, служат животные; для нее создан рай, уготовано Царство Небесное, блаженство вечное, все то, чего око не видело, ухо не слышало, чего на сердце человеку никогда не приходило... И все это мы потеряем, если потеряем свою душу!.. — Для испытания великого терпения Иова Бог позволил диаволу коснуться всего его достояния, его детей, его здоровья, но с условием: «только буду его соблюди» (Иов. 2; 7). И обнищал в один час богатый праведник: его стада расхищены, сожжены молнией, его высокие палаты разрушены бурей, все его дети в один час были погребены под развалинами, и вот он — нищий, лишенный крова, осиротелый, лежит за городом на гноище, весь покрытый ужасными язвами с головы до ног, днем печет его солнце южное, ночью он трясется от стужи и сырости... Он потерял все, но души не потерял, и слышите, что говорит? Потерял ли я богатства мои? что до того? «Наг изыдох от чрева матери моей, наг и отыду! Лишился ли я детей моих?» — Бог их мне дал, Бог и взял: «Господь даде, Господь отъял!..» Потерял ли я свое здоровье? Стало быть, так было угодно Богу: «якоже Господеви изволися, тако и бысть!» Я потерял все; но ведь все это Бог у меня взял; Он может и снова отдать. А если и навсегда я все это потерял — и за то славлю, благодарю, благословляю имя Его святое, что во всем попустил Он мне искушену быть, но сохранил душу мою: «буди имя Господне благословенно во веки!» (Иов. 1; 21). Таков закон промышленности у человеколюбца Господа, что когда Он попускает диаволу искусить нас, повредить нам в чем-либо из вещей, которыми мы так дорожим на сем свете, то Он повелевает ему: «душу его соблюди», не смей коснуться сей дщери Моей, наследницы Царства Небесного! И поручает Он душу покровительству Ангела хранителя, чтобы он соблюдал ее «от страха ночнаго ...от вещи во тме преходящая, от сряца (несчастливого случая), и беса полуденного» (Пс. 90; 5-6). А почему все это так? Да потому, что других вещей у нас много, а душа одна; потому что если мы потеряем что-нибудь из вещей сегодня, то найдем завтра, как их нашел вдвое и втрое праведный Иов; а если мы потеряем душу, то никогда ее не найдем, и с нею все потеряем. Никакая потеря не повредит нам, если мы сохраним душу, и никакие приобретения не принесут нам пользы, если мы потеряем душу. Ради души мы и на всем свете живем, ради нее уповаем и на блаженство будущее. — Но странное дело! Если мы имеем единственное дитя, горячо нами любимое, — сколько забот у нас о том, как бы оно не загорело на солнце, как бы не простудилось на сквозном ветру, как бы кто не обидел его, и однако же это

дителя не может спасти нас самих. Или — если мы владеем каким-либо дорогим камнем самоцветным, мы так бережем его, что, если бы можно было, мы спрятали бы его в своем собственном сердце; и однако же этим камнем мы не можем купить себе рай. Как же мы ни во что ставим душу свою, от спасения которой зависит все наше счастье здесь на земле и вечное блаженство в будущей жизни!.. Нет, пусть, если нужно, гибнут и деньги, и пожитки, и все, что я имею на свете, — но что касается моей души, которая у меня только одна, — то пусть не прогневаются на меня ни отечество мое, ни родители, ни братья, ни дети, ни начальники мои, ни приятели, — душу мою я никому не доверю! И если будет нужда, я не прочь умереть, — ибо все равно сегодня или завтра умереть надо же, — но чтобы потерять душу, погубить ее, бессмертную — нет! Я никогда и никак на то не соглашусь. Моя душа бессмертна — в этом ее великое достоинство. Весь этот суетный и тленный свет, со всем, что в нем нам нравится, чем мы дорожим, имеет конец. «Приходит бо образ мира сего» (1 Кор. 7; 31). Скоро или не скоро — всему будет конец. «Всяка плоть — сено, и всяка слава человека яко цвет травный: исше трава — и цвет ее отпаде». (Ис. 40; 6, 7). Одна душа бессмертна; она одна всегда живет, никогда не умирает. «Какая же польза человеку, какая ему выгода, аще приобрящет мир весь и отщепит душу свою?» О, если б эта святая истина всегда пребывала в нашем уме и в нашем сердце! Если бы мы всегда помнили, что, погубив душу, мы погубим ее навсегда — навсегда! Заключит ее Судия праведный в ад и не отопрет сей темницы — никогда — никогда!

О, душа моя, душа моя! Пусть лучше сокроется хоть сейчас же весь грешный мир со всеми его красотами, со всеми прелестями, от очей моих, — лишь бы ты осталась у меня цела! И что такое этот мир, эта жизнь земная? Ночное привидение — не больше. А ты ведь прекраснейшее Божие создание, потому что ты — образ Божий. Ты — бессмертна, и если я потеряю тебя, то потеряю навсегда. Но зачем мне терять тебя? Ведь ты — моя, ты мне принадлежишь, а кто не ценит своей души в тысячу раз дороже всего этого суетного и тленного мира, тот или не имеет ее, или не достоин ее иметь!..

(Из "Поучительных Слов" святителя Илии Миняitia)

246. Как учить детей страху Божию?

Корень всему доброму в человеке есть сердце; от него, сказано в Писании, исходят помышления и добрые и злые. Значит, образовать один ум мало, а надо более образовывать сердце. «Блажени, - говорит Сам Господь во святом Евангелии, - чистии сердцем, яко тии Бога узрят». Видите, други, «сердцем» чистии, а не умом высокие, Бога узрят; стало быть о сердце и надо больше заботиться. И в самом деле: что проку в умном, если у него сердце злое? А человек простой хоть и не далекого ума, а коль скоро добр, то и жить с ним можно. Святитель Иоанн Златоуст говорит: "Питать детей учит сама

природа без всяких книг и наставлений. Чтобы не сделаться виновными в детоубийстве, родители должны пещись об образовании сердца детей правилами добродетели и благочестия. Есть отцы, которые не щадят ничего, лишь бы только доставить своим детям богатое наследство, всякое удовольствие и возможность удовлетворять прихотям своим, а чтобы дети их были Христианами, чтоб они упражнялись в благочестии, — об этом и не думают. Прежде всего помышляйте о спасении их души. Садовник привязывает молодое, вновь посаженное деревцо к тычинке, чтоб ветер его не вырвал, отсекает лишние побеги, чтоб они не иссушили молодого деревца. И вы так поступайте с детьми вашими: утверждайте сердца их в страхе Божиим; отсекайте возникающие в них страсти дурные, чтоб оне не укрепились и не умертвили внутреннего нового человека, рожденного во Святом Крещении". В Писании сказано: «начало премудрости страх Господень». Какой же это страх и в чем состоит он? Конечно, не в том, чтоб учить детей бояться Бога, как пугается ребенок, когда ему розгу покажут. С таким страхом умен не будешь. Нет, вы внушите ребенку, что Господь Бог есть Отец его Небесный, Которого он должен любить всем сердцем и всем помышлением своим, что всякое нехорошее дело и даже слово оскорбляет Его, Премилосердаго, что если жаль ему и больно видеть отца или мать родную в неудовольствии на него, то как же можно оскорбить Господа Бога, Который всем наделяет и его самого, и мать, и отца, и сестру-малютку? Если положено такое начало, тогда учи твоего сына каким хочешь наукам; он сам сумеет разобрать в них, что так, а что не так. Начиная воспитание сына твоего или дочери в страхе Божиим с раннего их возраста. Святой Иоанн Златоуст говорит: "Как мягкий воск легко принимает черты, на нем напечатлеваемые, так и дети принимают впечатления без больших усилий" — "Юного отрока, — говорит святой Димитрий Ростовский, — можно уподобить доске, приготовленной для изображения картины: что живописец изобразит — доброе или худое, святое или грешное, ангела или беса, — то и останется на ней. Так и дитя: какое родители дадут ему первоначальное воспитание, к каким нравам — богоугодным или богоненавистным, к ангельским или бесовским приучат его, с такими оно и будет жить. Белое полотно не изменяет того цвета краски, в которую было омочено сначала; сосуд не теряет своего запаха — дурного или хорошего, которым он прежде напитался: таково и воспитание детей. Поэтому с детства нужно приучать их к добру". — Как же надо поступать, чтоб поселить в сердце ребенка страх Божий и приучить его к добру? Очень просто: строго выполняй то, что велит Церковь Святая. Проснулся ребенок, умылся, принарядился во что Бог послал, тотчас ставь его на молитву; не поленись и сам с ним помолиться, хотя бы ты уж прочитал молитвы утренние. Плохо выговаривает он слова молитвенные, — ничего; пусть его выговаривает как умеет! Господу Богу лепет младенческий приятнее нашего разумного многоглаголанья, — ты только поправляй его обмолвки и недоговорки. Сладчайшие имена Господа Иисуса и Пречистой Его Матери, от частого повторения, сами впишутся в

сердце юное и вращут в самый корень премудрости. Перед обедом и после обеда опять заставляй ребенка читать молитву; ко сну отходя, опять за молитву — и дитя твое будет спать с Богом да с Ангелом Хранителем, и грезы его будут все светлые и благодатные. Приучи его наконец так, чтобы перед началом каждого дела он привык, перекрестясь, говорить: "Господи, благослови", а по окончании: "слава Тебе Господи". Будь благонадежен, что с призыванием имени Господня рука у него не поднимется на дело нечистое, да и в мыслях чего-нибудь дурного держать он не станет. Если благочестие с колыбели вращет в душу ребенка, то и останется там, а при страхе Божиим, будет расти и вырастать на радость Ангелам и человекам... Памятование имени Божия, со страхом и любовью произносимого, всегда сильно удержит человека от греха. Если вы читали внимательно жития святых, то могли заметить, что бес не любит поминать имя Божие; точно то же бывает и с человеком, когда он делает что-нибудь бесовское. А это что значит? То, что имя Божие всегда мешает нечистому делу. — Приучай детей своих к храму Божию, и смотри, чтобы они стояли там чинно и благоговейно, а не зевали по сторонам. Идя домой из церкви, расспроси своего сына, что он там видел, что слышал, да и объясни ему по мере сил твоих и возможности. Святой Иоанн Златоуст в свое время так жаловался на родителей: "Мы заставляем детей давать отчет в том, что они выучили в училищах, — почему ж не требовать от них отчета в том, что они слышали в доме Господнем? Почему не заботимся о том, чтоб они не убежали из церкви и не стояли бы в ней неблагоговейно"? Что сказал великий учитель за полторы тысячи лет, то и теперь можно приложить к нам, грешным. Когда-то когда поведем мы ребенка в церковь, да и то так лишь, для развлечения, а чтоб постараться это обратить в пользу ему, об этом мы и не подумаем. Говорят: "Где же ребенку понять то, что и взрослые мало понимают!" Не беспокойся, поймет; не ленись только объяснять да рассказывать ему о Божественном. Недаром же в Писании сказано: «из уст младенец и ссущих совершил еси хвалу, и в другом месте: устаил еси от премудрых и разумных, и открыл еси та младенцем». — Земля, не заросшая крапивой, лучше принимает семя и добрее плод дает, чем та, на которой поросло много всякой всячины. — Выучился твой сын читать: смотри же, не давай ему таких книг, в которых, пожалуй, все есть, да нет учения Христова и истинно полезного для жизни. Читай с детьми Священное Писание. "Пусть они, — говорит блаженный Иероним, — из псалмов научатся умилению, из Притчей и Сираховой мудрости — общественным и домашним добродетелям, из Екклесиаста — истинному счастью. Евангелия дитя никогда не должно выпускать из рук своих; Деяния и Послания Апостольские дети должны напечатлевать в душе своей со всем усердием, а потом пусть углубляются в писания пророков и в прочие священные книги". — В семействе бывают неприятности: при ребенке старайся как можно быть осторожнее. Ведь у тебя в лице твоего малолетнего сына или дочери сам Ангел Господний. Сказал ты при нем какое гнилое слово, — худо: огорчил ты его; сказал в другой раз, — еще хуже: растлил ты его; произвел какой-

нибудь соблазн в очию ребенка, — беда: омрачил ты его; стал ты чаще повторять дела дурные в доме твоём, — дашь ты за это ответ тяжкий пред Всевышним, Который возвестил великое горе тому, кто соблазнит единого от малых сих... Хочешь, чтоб детище твое хранило в сердце своем страх Божий, — имей же его прежде сам, и во всем поступай так, чтоб быть тебе примером сыну твоему или дочери. А то ведь совестно сказать, как ведут себя при детях иные родители! Пьянство, брань, срамные песни, слова непотребные и всякое другое безобразие... Мудрено ли после этого, если дети пойдут по следам отца с матерью? — Мир весь «во зле лежит». Одно спасенье: глубже, как можно глубже вскоренить в сердце ребенка страх Божий и молитву. Хоть и слабо дитя, да благодать — то Божия сильна в нем будет: она убережет его от тех нечистот и мерзостей, которых глаз человеческий усмотреть не может.

247. Притча о дворе и о змие

Жизнь наша, возлюбленные, подобна человеку, который поселился с женою своею, с своим единственным сыном и с рабом, в одном дворе, где жил смертоносный змий. Узнав от соседей о змие, новый хозяин вознамерился убить его, но когда подошел к нему, чтобы убить, то нашел пред ним златицу, и, подняв ее, подумал про себя: "Если бы змий хотел умертвить нас, то, конечно, не доставил бы этой златицы". Обрадованный своею находкою, и надеясь, что змий и еще будет носить ему золото, человек тот оставил змия в покое. Наутро, действительно, он нашел еще златицу, и сказал сам себе: "Да этот змий заслуживает не смерть, а почет и уход". Так продолжалось несколько времени; змий никого не трогал в доме, и доставлял хозяину каждый день по златице. — Был у того человека дорогой конь; и вот однажды змий ужалил этого коня. Жаль стало хозяину любимого коня, он решился убить змия; но увидев новую златицу, одумался и рассуждал так: "Если убью змия, то коня не верну, а златиц больше не будет"; и не стал убивать змия. Прошло несколько времени. Хозяин исправно получал от змия каждый день по златице. Вдруг змий ужалил его раба, когда тот спал на дворе. Громко закричал бедный раб; на его крик прибежал хозяин, проклиная и змия, и двор; он позвал врачей, просил их помочь рабу; врачи давали ужаленному разные лекарства, но раб все же умер. Тогда хозяин решил убить змия; но лишь только подошел к нему и увидел опять новую златицу, опять раздумал: "И раба, и коня, рассуждал он, я на деньги купил, а змий дает мне больше того, что я за них заплатил; будем осторожны, и змий нам не сделает вреда"; и он не тронул змия. Прошло еще немного времени, и вот змий ужалил его сына... Зарыдал несчастный отец, — у него только и было одно детище, — созвал врачей, умолял их спасти сына, обещая им груды золота, — но сколько ни трудились врачи, дитя умерло! Отец поклялся убить змия; но, увидев блестящую златицу, поднял ее и стал размышлять: "Мой сын сам виноват: не умел беречь себя; его мне уж не возвратить, а змий доставляет

мне каждый год 365 златиц... Будем с женою осторожны, и он не тронет нас". И снова оставил он змия в покое. Прошло еще несколько времени и — змий ужалил его жену... Завопила несчастная, прибежал муж, собрались родные и соседи, созвали врачей, но ничто не помогло — жена окончила жизнь!.. Все советовали несчастному покончить со змием; да и сам он решился убить его и стал подстерегать, когда тот покажется. Но, подстерегая, он не утерпел, чтобы не взглянуть на то место, где по обычаю находил каждый день златицу, и вот он видит — вместо златицы лежит большая, прекрасная, никогда им прежде невиданная жемчужина! С радостью он схватил ее, и с наслаждением рассматривая ее, забыл о смерти и жены, и сына, забыл обо всем, и думал про себя: "Вот, змий переменял золото на чистый, белый жемчуг, — значит теперь он никому не повредит!" И от радости хозяин расчистил место, где нашел жемчужину, и стал каждый день окроплять его ароматами; а змий целый год доставлял ему каждый день по дорогой жемчужине. Между тем человек этот устроил сосуд из золота; положил в него жемчужины те, выкопал у себя под постелью яму и спрятал там свое сокровище. Но вот, когда он совсем забыл и думать об опасности, змий подкрался к нему и ужалил его самого в ногу... И стал он громко кричать; и собрались к нему его друзья и родные, и стали упрекать его: "Не говорили ли мы тебе: убей ты этого змия! Вот, ты сам теперь приготовил себе смерть; сам видишь, как ты неразумно поступил"... Никакие усилия врачей не облегчили его страданий, тогда умирающий обратился с молитвою к Богу: "Господи, Господи! — так он молился: — прости мне на этот раз, и я покаюсь... Не прельстит меня больше суета земная; я раздам все имение и убегу в пустыню, чтобы служить там Тебе одному!.." Он призывал на помощь и святых Божиих и клялся, что исполнит пред Богом все свои обещания. И умилился над ним Господь, и он выздоровел. Но сребролюбец не вразумился и этим несчастием; он забыл свои обещания и даже стал так рассуждать: "Если бы смертоносно было укушение змия, то я не выздоровел бы..." и на том успокоился, собирая опять каждый день по жемчужине. Но вот змий снова ужалил его в ногу... И опять собрались к нему друзья и родные, и опять бранили его за его неразумие, за нарушение обетов, данных Богу с клятвою, и опять несчастный грешник возопил к Господу, умоляя о помиловании и обещая больше не грешить... И снова умилился над ним человеколюбивый Господь, и он опять выздоровел. Но сребролюбие так овладело душою его, что и после таких несчастий ему жаль было расстаться с сокровищами: "Сколько нищих на свете, — так рассуждал он, — буду для них собирать богатство, буду творить милостыню, и Бог меня простит за это". Но чем больше копил он сокровищ, тем становился скупее, и совсем перестал наконец думать о нищих... И вот змий подкрадывается к нему в третий раз и жалит его прямо в сердце!.. И не помогли ему тогда ни родные, ни знакомые, ни врачи, ни богатство его, — Сам Бог отвратился от грешника, и он умер лютою смертию!..

Что же знаменует притча сия?

Двор — это земная жизнь наша; змий — это миродержитель лукавый диавол; златица — греховное удовольствие или греховная похоть, ведущая человека к гибели. Яд змеиный — это грех, человека умерщвляющий, как говорит Апостол: «похоть зачещи раждает грех, грех же содеян раждает смерть»² (Иак. 1; 15). За наше нерадение Бог сначала попускает умирать бессловесным животным, потом отнимает у них близких нам людей. Но мы не вразумляемся Божеским наказанием; лишь только пройдет горе, мы забываем его, и снова отдаемся любимым греховным привычкам, сегодня плачем и горюем, а завтра снова предаемся житейским суетам, как будто и умирать никогда не будем. Диавол прельщает нас благами мира сего как рыболов, забрасывая уду с приманкою; а мы с жадностью бросаемся на эти приманки, и попадаем к нему на удицу. Как нечистое животное, омывшись, возвращается снова в любимую им грязь, как злой, неисправимый разбойник, выпущенный из темницы на свободу, забывает об угрожавшей ему казни и принимается за прежние злодеяния, так и мы, грешные, когда постигнет нас искушение — каемся, а лишь только минует беда — снова принимаемся за свои прежние грехи и еще больше грешим... Оный неразумный человек придумывал себе всякие оправдания, копил богатство под предлогом милостыни, и каждый раз откладывал покаяние, как будто думал обмануть Самого Господа Бога: подобным образом поступает и каждый грешник, обманывая сам себя, обольщая свою совесть, лишь бы только не расставаться с любимым грехом... А Господь долготерпеливый все ждет от него покаяния, все отлагает наказание, пока наконец грешник дойдет до глубины зол; и тогда прогневанный Господь совершает над ним праведный суд Свой... Да избавит нас Христос Спаситель наш от такого ожесточения, и да явит нам Свое человеколюбие и милость здесь и в будущей жизни — во веки веков, аминь!

248. Завистник — человеконенавистник

Когда Господь пресладким Своим гласом изрек слово милосердия скорченной женщине: «жено, отпущена еси от недуга твоего»; тогда злой демон отскочил прочь и оставил свою добычу. Но тотчас же он, вместо прежней, нашел новую жертву для себя. Оставив женщину, он напал на старейшину, скорчил его душу, так что он не мог видеть благодеяний Христовых, научил его «сшивать злобу», составлять клевету и Законодателя называть законопреступником. Освободив женщину от согбения, диавол пронзил старейшину рожном зависти, заставил его бесноваться, на Благодетеля хулу произносить, простой народ смущать и от истины отводить — от Христа Спасителя — к губителю диаволу, от света к тьме, от жизни к смерти. — «Шесть дней есть, в няже достоин делати», так начал говорить старейшина иудейского сонмища: «в тыя убо приходите целитися, а не в день субботний». О, исполненный всякой неправды! Зачем сатана наполнил

сердце твое злым лукавством и душу твою — завистию? Зачем притворяешься и смертную снедь медом помазываешь? Не смеешь ты прямо говорить свою неправду превечной Правде, чтобы ночная тьма души твоей не рассеялась при сиянии Солнца? Скорбишь ты будто бы о том, что исцеление произошло в субботу, и этим хочешь помрачить свет благодеяний и чудес Христовых, не допускаешь недужных получать здравие, а напротив, отсылаешь на мучения к сатане создания Божий! — Но превечная Премудрость обличает зависть неблагодарного старейшины, называет его лицемером, ибо на языке у него хранение субботы, а в сердце — хула на Христа. И обличает его Господь примером бессловесного скота. «Лицемере! Кождо вас в субботу не отрешает ли своего вола или осла от яслей и вед напаяет?» Тем более надлежало сжалиться над человеком, для которого и скоты-то все созданы, и не только скоты, а вся видимая тварь. «Сию же дочь Авраамлю сущу, юже сатана связа се осьмоенадесять лето», — как не разрешить в день субботний? Такова злоба сатаны: везде он правде противится, полезного не знает и сладкое горьким называет и добро — злом. Посему святой Иоанн Златоуст болящего недугом зависти называет "исчадием диавола". Завистник не только враждует на ближнего, но и свое собственное спасение презирает. Так Саул захотел лучше терпеть мучение от беса, нежели воздать должную честь Давиду, который врачевал его; знал он, что Давид прогоняет от него мучительного беса, а хотел погубить своего целителя, не желая слышать похвал ему. А пресладкий мой учитель, святой Иоанн Златоуст, говорит, что "завистник не взойдет на небо; но и прежде неба настоящая жизнь его — не жизнь: потому что не так моль изъедает одежды, не так червь точит дерево, как горячка зависти разъедает самые кости завистников и помрачает ум их". О, лютый недуг, недостойный даже сожаления! Завистник есть общий враг, ненавистник человеческой природы, оскорбитель членов Христовых, что может быть гнуснее его? Он неистовее сребролюбца, окаяннее беса. Сребролюбец радуется, когда сам что-нибудь приобретает для себя; а завистник тогда радуется, когда собрат его не получит чего-нибудь. Бес завидует людям, а бесам никогда не завидует. А ты, будучи человеком, человеку завидуешь и на родного своего восстаешь, — чего и бес не делает. Достоин ли ты сожаления? Какой дашь ответ? Ты скорбишь и терзаешься, когда видишь благоденствие брата твоего, между тем как тебе надлежало бы веселиться и радоваться. — Но есть другой род зависти, отличный от первого. Многие плачут с плачущими, но не радуются с радующимися; а напротив, когда другие радуются, — они плачут. Многие видя бедствующих, состраждут им; но как скоро увидят их успевающими в делах, — терзаются. Иные помогают охотно нищему соседу; а как скоро он обогатится, начинают ненавидеть и проклинать его. Такова сила зависти! Многие, совершив подвиги, помогая нищим, раздав имение — погубили труды свои завистию. Видя, что других хвалят, они тают и сохнут. Таков был и начальник сонмища. Видя чудеса Христовы и слыша Его учение, он должен был бы благодарить Бога и сказать: "Помиловал Бог людей Своих, не

забыл создание Свое, посетил нас, немощи наши понес, болезни исцелил и от смерти избавил; явилась надежда наша, пришел Мессия — Христос научить нас полезному, возвестить путь спасения и избавить от мучительства диавола". А он, беснуясь завистию, подстрекаемый диаволом, изрыгает из уст своих хулу, называет Господа нарушителем закона. — О, завистник! С кем ведешь борьбу? Не с собратом своим, а с волею Божиею! Оставь же этот недуг, исцели самого себя от такой болезни. Как смеешь, питая зависть, просить у Бога прощения грехов своих? Зачем, вместе с диаволом, воюешь против ближнего? Но ты даже хуже диавола. От него можно остеречься; а ты «ходишь единомышлением», прикрываешься любовью, а втайне возжигаешь огонь. Но пойми же, что ты сам себя ввергаешь в этот огонь и страдаешь недугом тяжким и достойным насмешки; ты уподобился Каину братоубийце и старейшине иудейскому. Скажи мне: от чего ты бледнеешь, трепещешь, робеешь? Какая случилась с тобою беда? Та ли, что брат твой весел, в уважении? Но за это надлежало бы тебе благодарить Бога, давшего ему такое счастье, и радоваться, что сочлен твой так знатен и почтен. Неужели ты скорбишь о том, что Бог прославляется? Но иные скажут: не о том скорблю, что Бог прославляется; а о том, что брат мой величается и гордится. О, безумие! Зачем ты так худо рассуждаешь? Разве не знаешь, что чрез брата твоего прославляется Бог? Ты скажешь: "Я хотел бы, чтобы Бог славился чрез меня". Истинно, и Бог этого хочет, да ты не хочешь! Если бы ты хотел, то радовался бы славе брата и Бог чрез тебя прославлялся бы, потому что все тогда сказали бы: "Благословен Бог, имеющий таких рабов, которые чужды всякой зависти и радуются счастью друг друга!" Но слушай, я истину скажу тебе: если бы не только брат, но и враг твой делами своими прославлял Бога, то и врага своего ты должен бы полюбить как брата и друга; а ты друга своего считаешь за врага, потому что его хвалят, и Бог прославляется чрез него! — Может ли быть что-нибудь злее этой вражды ко Христу, — чтобы завидовать слуге Его? И потому, если бы кто творил даже чудеса, сохранил девство, соблюдал строгий пост, спал на голой земле и уподобился Ангелам, — но если он страдает недугом зависти, то будет всех преступнее, — и прелюбодея, и блудника, и разбойника, и раскопателя гробов. Поясню вам это примером. Скажите мне: если бы кто, взяв в руки огонь и заступ, стал поджигать и разрушать этот храм, подкапывать престол, то все, предстоящие здесь, не забросали ли бы такого камнями, как нечестивца и беззаконника? А ежели кто принесет сюда пламень, более губительный, чем чувственный огонь, — разумею зависть, которая не каменные стены разоряет, не золотой престол подкапывает, но разрушает и губит то, что дороже стен и золота, — то такой человек стоит ли прощения? Ты умышляешь зло на овец Христовых, — на овец, за которых Христос пролил кровь Свою, и нам повелел все делать по Его примеру и терпеть. Чему уподоблю завистливое сердце? Какой ехидине? Какому аспиду? Какому червю? Какому ядовитому насекомому? Ничего нет нечестивее, ничего нет злее завистливого сердца. Зависть, зависть превратила (разрушила) Церкви, породила ереси, вооружила братнюю руку,

попрала законы природы, отверзла двери смерти...Ты завидуешь славе брата, но он, если благоразумен, делается от этого еще славнее, а ты собираешь себе еще большее зло. Братья Иосифа завидовали ему, а потом предстали пред ним в трепете и ужасе. Аарона злословили завистники, а Бог еще больше прославил его, произрастив цвет и плод из его сухого жезла (Числ., гл. 16 и 17). Иову завидовал диавол, но тем только увеличил его славу. Саул завидовал Давиду, но бедственно скончался, а Давид воцарился со славою. Зачем же ты угрызаешься завистию? Зачем поднимаешь меч на самого себя? Зачем подвергаешь себя осуждению наравне с иудеями — богоубийцами? — Зная все это, возлюбленные, убежим от недуга зависти; не только убежим сами, но и других остережем от этой страсти. Будем просить и человеколюбца Бога, чтобы освободил и нас и ближних наших от этой болезни. Аминь.

(Из древней рукописи "Статир")

249. Преславное таинство Христова воплощения.

Таинство странное и поистине изумительное представляет мне торжество настоящего праздника! Слышу раздающиеся пения пастырей, которых звуки с пустынных полей возносятся к небу и смешиваются с хорами Ангельскими: Ангелы и Архангелы, Херувимы и Серафимы в радостных песнях прославляют Господа, и святая радость одушевляет их в сей день, в который Божество соединилось с человечеством. О, день высокого смотрения (воплощения)! О, день неизреченной благости! Бог, сущий превыше небес, нисходит даже до нашего ничтожества, а человек, столь глубоко низринувшийся чрез свое падение, возвышается даже до небес! Ныне Вифлеем есть истинный образ неба, не того, которое украшают звезды и освещают лучи солнца, но того, которое оглашают своим пением хоры Ангелов и где сияет вечное Солнце правды — Христос Бог наш. Не вопрошай меня: как совершилось это чудо? Ибо там, где повелевает Бог, природа только повинуется. Он восхотел и — возмог, пришел и спас нас! Все послушно воле Божией и — Сущий от вечности ныне воплощается! Изумленный величием таинства я трепещу и не знаю, как и на чем остановить мысль мою! Что сказать мне? К какому прибегнуть слову? Я вижу и Ту, Которая носила в недрах Своих Бога и Отроча, рожденное от Нее, но взор мой не постигает того, как совершилось это рождество: ибо, как я сказал, здесь побежден чин естества, и общий порядок изменен. Что Дева родила ныне — знаю, что Она родила Бога — верую; а образ рождения научился я чтить молчанием и не получил правила исследовать оное разумом. Ныне Ветхий денми соделался Младенцем; Сидящий на престоле высоком и превознесенном — во яслех полагается; неприкосновенный, простой и бестелесный — осязается руками человеческими; разрешающий узы греха связуется пеленами. Приемлет мое тело, чтобы меня сделать

причастником Своей славы, и чтобы приявши мою плоть, даровать мне Свой Дух. Так, Он приемлет мою плоть, чтобы меня освятить, и дарует мне Своего Духа, чтобы меня спасти... Приидите же, вкупе все прославим святое торжество настоящего праздника: ибо ныне сокрушено иго древнего рабства, повержены в смятение демоны, разрушена смерть, отверст рай, уничтожена клятва, побежден грех, явилась истина для обитания между человеками и слово Божие начало быстро разливаться по миру. Небесная жизнь перенесена на землю: Ангелы дружески обращаются с людьми и люди бестрепетно беседуют Ангелам, ибо Сам Бог явился на земле, а человек возвышен на небо. Все ныне сближено, все соединено: Бог соделался человеком, не преставая являть в Себе Бога; ясли вместили Того, Которого не может вмещать небо. Даяй пищу всякой плоти питается млеко Матери-Девы; Отец будущего века носится руками Девы, и почивает у персей Ее. — О! какая картина представляется здесь моему взору! Бедный древодел, ясли, Отроча новорожденное, пелены, беспомощная Мать, не имеющая самых необходимых вещей: — везде признаки крайнего убожества! Но сколько богатства в недрах этой бедности! — Только из любви к нам так обнищал Всеблаженный! Но из среды этих яслей Он потрясает вселенную; покрытый пеленами, Он расторгает узы греха. Еще язык Его едва провещавает невнятные звуки, но Он уже наставляет волхвов, — уже обращает их к вере в Себя! Ему, Который невозможное соделал возможным, Христу Господу воздадим славу купно со Отцем и Святым Духом. Аминь.

(Выписка из творений святителя Иоанна Златоуста)

Не унывай даже и ты, брат согрешающий!

«Иже в вертепе родивыйся и в яслех возлегий нашего ради спасения Христос, истинный Бог наш, молитвами Пречистыя Своея Матере и всех святых помилует и спасет нас».

Слушатели благочестивые! Как же мы спасемся, как же нас помилует Господь? Мы все грешим, все оскорбляем Бога... После всякого греха и проступка мы раскаиваемся, скорбим, сокрушаемся, но едва только совесть успокоится, как опять принимаемся за то же, за те же грехи. — И сколько раз мы давали обещание всячески хранить себя от грехов, и не сдерживали его! Как же мы спасемся, как же Господь нас помилует? — Не унывай: спасет и помилует тебя Господь. Ты плачешь о грехах своих, сокрушаешься, скорбишь, что оскорбляешь Бога своими грехами: плачь больше, сокрушайся сильнее, но не унывай, а на Господа надейся и к Нему прибегай. Он для того и в мир пришел, чтобы спасти грешников. Грешников пришел Господь спасти. Что же тебе унывать, грешник? Ты первый из грешников: тебя первого Господь и спасет! Только не переставай плакать, не откладывай каяться во грехах своих. Тотчас, в ту же минуту, как согрешишь в чем, к Богу с раскаянием, со слезами обратись. Если согрешишь опять, опять кайся,

прибегай к Нему. И если после этого согрешишь: опять к Нему же со слезами, с раскаянием. Долго ли же так? До того времени, когда ты от всего сердца, от всей души скажешь Господу: Господи, мне невозможно спастись без Твоей помощи, без Твоего помилования; Ты — мое спасение, Ты — мой Бог, Ты — мое радование. — Господь, когда увидит, что ты, при всем желании сохранить себя от грехов, все не можешь не грешить, гресишь и все раскаиваешься; поспешит к тебе тотчас на помощь. И мать, пока дитя ее, падая несколько раз, не плачет или не больно плачет, не торопится к нему; а как скоро дитя упадет и сильно заплачет, она тотчас к нему бежит. Так и Господь наш Иисус Христос не тотчас спешит нам на помощь, когда впадем в грех; но когда мы горько восплачем о грехах наших. — Не унывай же, слушатель благочестивый: Господь помилует и спасет тебя, молитвами пречистой Своей Матери и всех святых, помилует и спасет. Аминь.

(Из "Поучений" протоиерея Р. Путятина)

250. С новым годом!

Сегодня поздравляем мы друг друга с Новым годом. Но кто из нас, братие, знает, что его ожидает в этом Новом году? Жизнь или смерть? Счастье или несчастье? Честь или бесчестье? Сбудутся ли его желания, или все его труды, все его мечты вдруг обратятся в ничто? Ах, братие! Если бы мы сами себя не обманывали и твердо помнили, сколько добра или зла может ожидать нас в Новом году, тогда, может быть, мы не стали бы с такою лестью поздравлять друг друга с этим годом. — Всех людей, или лучше, всех Христиан можно разделить на две половины: одна — это люди добрые и честные, истинные Христиане, а другая — люди недобрые, Христиане только по имени. Посмотрим теперь, что принесет Новый год тем и другим. Апостол говорит: «любящим Бога вся поспешествуют во благое» (Рим. 8; 29). Это значит, что для любящих Бога все, что бы ни случилось с ними в этой жизни, и доброе и худое, счастье и несчастье, жизнь и смерть, все служит к получению вечного, единого истинного добра — спасения души. Если любящий Бога будет продолжать житие в мире сем, то, значит, он будет продолжать и добро творить, и чрез то приумножать для себя награду в будущей жизни; а если он умрет, то смерть — для него упокоение (Иов. 3; 23), такое упокоение, которое не только освободит его от трудов и забот, от бед и гонений, но и доставит ему отраду и утешение, по слову Пророка: «восхвалятся преподобный во славе и возрадуются на ложах своих» (Пс. 149; 5), во Царствии Небесном. Доведется ли любящему Бога получить откуда-нибудь богатство, или он разбогатеет от своих же трудов праведных: он будет всем делиться с бедными и для своих подчиненных будет вместе — и начальник и отец. Его подчиненные будут сыты и довольны, не будут на него жаловаться, а будут молиться за него Господу Богу. Он и на суд Божий

явится с ними с дерзновением, и пред лицом страшного Судии может сказать: «се аз и дети, яже ми дал еси», Боже! (Евр. 2; 13). — А если бы довелось ему в этом году и прежде нажитое добро потерять по какому-нибудь несчастному случаю, он перенесет это несчастье благодушно: «Господь даде, Господь и отъят», — скажет он тогда с праведным Иовом: «буде имя Господне благословенно во веки» (Иов. 1; 21). Если получит любящий Бога какое-либо почетное звание или власть, он и то и другое употребит на пользу общую: он будет защищать обиженных и обуздывать злодеев, а через то еще большую честь и награду заслужит себе в будущей жизни: «побеждающему и соблюдающему дела Моя до конца, — говорит Спаситель и Судия всего мира, — дам ему власть на языцех, дам ему сести со Мною на престоле Моем» (Откр. 2; 26,3; 21). А если бы он и обойден был честью, если бы и той, какую имеет, был лишен, если бы в ссылку был сослан, и в тюрьме закончил свою горькую жизнь, и это все послужило бы во спасение его души: ибо «скорбь терпение соделоваает, терпение же искусство, искусство же упование, упование же не посрамит» (Рим. 5; 4, 5). — Итак, о Новый год — новый гость наш! Принесешь ли ты любящим Бога жизнь или смерть, честь или бесчестье, богатство или нищету, — я без лести поздравляю таковых с Новым годом, так как, по слову Апостола, «любящим Бога» все, решительно все «поспешествует во благое!» — Что до грешных людей, то — не «такое нечестивый, не тако!» (Пс. 1; 4). Если Новый год принесет им смерть, то они пойдут, чтобы получить воздаяние за свои злодеяния; если принесет им жизнь — они будут по-прежнему беззаконновать. Если достанется на их долю честь и власть, они подчиненных своих донага оберут, если умножится их богатство — они еще развратнее или еще скупее станут и засохнут над своим идолом золотым или серебряным... А случись с ними какое несчастье: лишись они чести или имения, или постигни их болезнь, — они не задумаются отверсть свои хульные уста на Бога Самого, они проклянут день своего рождения и наконец, если не самоубийством, то пьянством закончат дни свои... Вот обычная участь тех, кто Бога не любит и незаконно живет! Все им поспешествует не во благое, а в злое, все ведет их к погибели! А потому и в Новый год им нет причины радоваться, и друзьям их нет основания и не с чем их поздравлять. — Но так как в их воле — все, что ни принесет им Новый год, и приятное, и неприятное, и здоровье и болезнь, и жизнь и самую смерть, в их воле, говорю, все это обратить на пользу себе, чрез покаяние во грехах, — то и сих несчастных собратий наших можно поздравить с Новым годом, хотя и не так, как поздравляем мы людей добрых и благочестивых. Итак, поздравляю вас, братие, с Новым годом, который Бог дает вам для обновления вашей жизни! Очувствуйся, сухое дерево, что еще не коснулась тебя секира гнева Божия, и ты не предан еще огню вечному! Очувствуйся, земля многократно пившая сходящий на тебя дождь милостей Божиих, а произращающая только терние и волчцы, земля негодная и близкая к проклятию, однако еще совсем не проклятая, достойная сожжения (Евр. 6; 7,

8), но еще не сожженная, — очувствуйся, утрашись грозного приговора, принеси плоды, достойные милостей к тебе Божиих и Божия долготерпения! Поздравляю вас с Новым годом, все грешники, доселе о покаянии не подумавшие, — поздравляю только потому, что еще дает вам Господь время на покаяние, что в прошедшем году, то есть еще вчера, не истреблены вы гневом Божиим; поздравляю потому, что меч Божий не коснулся вас, и стрелы Его, поразившие других братьев ваших, пока миновали вас... Летят они, стрелы Божий, скорее молнии, и одна поражает целый город, не щадя ни пола, ни возраста: и юноша и дева, и младенец и муж совершенный, и старец — равно падают, ею пораженные... Итак, радуйтесь Новому году, радуйтесь, но так, чтобы эта радость тут же и слезы источала из очей ваших, — слезы покаяния, омывающие скверны греховные и угашающие разжженные на нас стрелы гнева Божия! Пусть этот Новый год будет для нас залогом счастья, или, лучше сказать, благодати Божией к нам, недостойным, обновляя нас чрез покаяние в жизнь Богоугодную. — А вы, живущие для Бога и любящие Его, вы, говорю, еще более веселитесь и радуйтесь наступлению Нового года. Вы ничего не потеряли с окончанием старого года. Он прошел, а ваши добродетели остались целы в сокровищах небесных, «идеже ни червь, ни тля тлит, идеже татие не крадут» (Мф. 6; 20). Наступил Новый год, а для вас открылось новое поле для трудов добродетели; ваши новые посевы принесут вам и новую жатву нетленную, собираемую в житницы небесные. Послужит ли вам в этом году ваше здоровье и благополучие, тогда и сами вы послужите немощным и несчастным собратиям вашим и чрез то умножите себе награду в жизни будущей. Случится ли вам какое несчастье, или болезнь, или самая смерть: эти несчастья и болезни, случающиеся по воле Божией, будут для вас огнем, который очистит вас как серебро и золото (Мал. 3; 3), и вы еще светлее воссияете, пред целым светом, в день второго пришествия Христова; а смерть — принесет вам только покой от трудов и подвигов ваших. Вы можете говорить то же, что и Апостол Павел говорит: «мне еже жити Христос, и еже умрети приобретение есть» (Флп. 1; 21), и вы, приближаясь к смерти, не с вздыханием, а с радостью воспоете с тем же Апостолом: «подвигом добрым подвизахся, течение скончах, веру соблюдох: прочее убо соблюдается мне венец правды, егоже воздаст ми Господь в день он, праведный Судия» (2 Тим. 4; 7, 8). — Начнем же, братие, начнем все, и праведные и грешные, и станем проводить Новый год по-Божии; праведные — приумножая добродетели, грешные — принося покаяние в прежних грехах, так чтобы последние поравнялись с первыми на пути к Царствию Божию, и все вместе дождались того Нового года, который вовеки не стареется, и в котором не будет ни плача, ни вопля, ни болезни, ни смерти, потому что старое все пройдет и будет все новое! (2 Кор. 5; 17). Аминь.

(Из сочинений святителя Георгия Конисского, архиепископа Белорусского)